

4 (16) 2024

Сетевое издание

Издается с 2021 года

Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *П. В. Сивцева-Максимова*, д. филол. н., профессор, СВФУ, Якутск, РФ.

Заместитель главного редактора: *О. И. Иванова*, к. филол. н., доцент, СВФУ, Якутск, РФ.

Выпускающий редактор *В. Е. Степанова*, к. филол. н., СВФУ, Якутск, РФ.

Члены редакционной коллегии:

К. К. Бауаев, д. филол. н., доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, РФ;

В. А. Бигуаа, д. филол. н., ИМЛИ РАН, РФ;

А. А. Бурцев, д. филол. н., профессор, СВФУ, РФ;

Л. П. Григорьева, к. филол. н., доцент, СВФУ, РФ;

У. А. Донгак, к. филол. н., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, РФ;

Л. С. Ефимова, д. филол. н., доцент, СВФУ, РФ;

В. В. Илларионов, д. филол. н., профессор, СВФУ, РФ;

С. С. Имхелова, д. филол. н., профессор, Бурятский государственный университет, РФ;

И. А. Керимов, д. филол. н., профессор, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова, РФ;

Б. Т. Койчугев, д. филол. н., профессор, Кыргызско-Российский Славянский университет, Кыргызстан;

Р. А. Кудрявцева, д. филол. н., профессор, Марийский государственный университет, РФ;

Р. Г. Кулиева, д. филол. н., профессор, Бакинский славянский университет, Азербайджан;

С. О. Курьянов, д. филол. н., доцент, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, РФ;

Н. С. Майнагашева, к. филол. н., Хакасский НИИ языка, литературы и истории, РФ;

Б. Б. Манджиева, д. филол. н., Калмыцкий научный центр РАН, РФ;

О. А. Мельничук, д. филол. н., доцент, СВФУ, РФ;

Л. Х. Мухаметзянова, д. филол. н., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, РФ;

М. Х. Надергулов, д. филол. н., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, РФ;

В. Б. Озкан, д. филол. н., ИМЛИ РАН, РФ;

В. Б. Окорокова, д. филол. н., доцент, СВФУ, РФ;

Ю. Б. Орлицкий, д. филол. н., Российский государственный гуманитарный университет, РФ;

Ж. В. Охлопкова, к. филол. н., ИГиИПМНС СО РАН, РФ;

Н. В. Покатилова, д. филол. н., профессор, ИГиИПМНС СО РАН, РФ;

Л. Н. Романова, к. филол. н., ИГиИПМНС СО РАН, РФ;

Л. Н. Савина, д. филол. н., доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, РФ;

Л. И. Сазонова, д. филол. н., ИМЛИ РАН, РФ;

В. Г. Семенова, д. филол. н., доцент, СВФУ, РФ;

К. К. Султанов, д. филол. н., профессор, ИМЛИ РАН, РФ;

А. Т. Хамраев, д. филол. н., профессор, Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, Казахстан;

Ю. Г. Хазанкович, д. филол. н., доцент, СВФУ, РФ;

Н. А. Хуббидинова, д. филол. н., Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, РФ.

Адрес учредителя и издателя: 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 228

Телефон: +7 (4112) 49-67-54

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

<https://www.litteraesvfu.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-83020 выдано 31 марта 2022 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

The Online edition is included into the system of Russian Scientific Quotation Index (RSQI)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Dr. Sci. in Philology, Professor, NEFU, Yakutsk, Russian Federation.

Deputy Chief Editor: *O. I. Ivanova*, Cand. Sci. in Philology, Associate Professor NEFU, Yakutsk, Russian Federation.

Issuing Editor: *V. E. Stepanova*, Cand. Sci. in Philology, NEFU, Yakutsk, Russian Federation.

Members of the Editorial Board:

K. K. Bauaev, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation;

V. A. Biguaa, Dr. Sci. in Philology, Institute of World Literature of the RAS, Russian Federation;

A. A. Burtsev, Dr. Sci. in Philology, Professor, NEFU, Russian Federation;

L. P. Grigoryeva, Cand. Sci. in Philology, Associate Professor, NEFU, Russian Federation;

U. A. Dongak, Cand. Sci. in Philology, Tuva Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research, Russian Federation;

L. S. Efimova, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, NEFU, Russian Federation;

V. V. Illarionov, Dr. Sci. in Philology, Professor, NEFU, Russian Federation;

S. S. Imikhelova, Dr. Sci. in Philology, Professor, Buryat State University, Russian Federation;

I. A. Kerimov, Dr. Sci. in Philology, Professor, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Russian Federation;

B. T. Koichuev, Dr. Sci. in Philology, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyzstan;

R. A. Kudryavtseva, Dr. Sci. in Philology, Professor, Mari State University, Russian Federation;

R. G. Kuliyeva, Dr. Sci. in Philology, Professor, Baku Slavic University, Azerbaijan;

S. O. Kuryanov, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation;

N. S. Mainagasheva, Cand. Sci. in Philology, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russian Federation;

B. B. Mandzhieva, Dr. Sci. in Philology, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation;

O. A. Melnichuk, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, NEFU, Russian Federation;

L. Kh. Mukhametzyanova, Dr. Sci. in Philology, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Republic of Tatarstan Academy of Sciences, Russian Federation;

N. Kh. Nadergulov, Dr. Sci. in Philology, Ufa Federal Research Center of RAS, Russian Federation;

V. B. Ozkan, Dr. Sci. in Philology, Institute of World Literature of the RAS, Russian Federation;

V. B. Okorokova, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, NEFU, Russian Federation;

Y. B. Orlitskiy, Dr. Sci. in Philology, Russian State University for the Humanities, Russian Federation;

Zh. V. Okhlopova, Cand. Sci. in Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of SB RAS, Russian Federation;

N. V. Pokatilova, Dr. Sci. in Philology, Professor, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of SB RAS, Russian Federation;

L. N. Romanova, Cand. Sci. in Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of SB RAS, Russian Federation;

L. N. Savina, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russian Federation;

L. I. Sazonova, Dr. Sci. in Philology, Institute of World Literature of the RAS, Russian Federation;

V. G. Semenova, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, NEFU, Russian Federation;

K. K. Sultanov, Dr. Sci. in Philology, Professor, Institute of World Literature of the RAS, Russian Federation;

Yu. G. Khazankovich, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, NEFU, Russian Federation;

A. T. Khamraev, Dr. Sci. in Philology, Professor, M. O. Auezov Institute of Literature and Art, Kazakhstan;

N. A. Khubbitdinova, Dr. Sci. in Philology, M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Russian Federation.

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 42 Kulakovskiy str., office 228, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677000

Telephone: +7 (4112) 49-67-54

<https://www.litteraefsfu.ru>

Registration certificate ЭЛ No ФЦ 77-83020 issued 31 March 2022 by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

<i>Бауаев К. К., Атабиева Л. Х.</i> Проявления фатического начала в национальных литературах Северного Кавказа 1920–1930-х гг.....	5
<i>Дедюхина О. В.</i> Философская концепция красоты в рассказе Ю. В. Буйды «Лилая Фимочка».....	11
<i>Жулева А. С.</i> Этномир в творчестве ненецкого писателя Юрия Вэлла: Концепты. Рецепция.....	20
<i>Закирова Н. Н., Мартыанова В. Н.</i> Диалог культур в образовательно-воспитательном процессе Короленковского университета: к 85-летию ГИПУ.....	29
<i>Николаев В. П., Огорокова В. Б.</i> 1928-1929 годы – переломный период в биографии П. А. Ойунского.....	36
<i>Охлопкова Ж. В.</i> Творчество братьев Куриловых в контексте юкагирской литературы Якутии.....	43

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА

<i>Дмитриева Т. П., Егорова С. И.</i> Семья и семейные отношения в русских народных сказках.....	51
<i>Захарова А. М., Алексеев К. Г.</i> Композиционная структура якутских алгысов.....	60
<i>Илларионов В. В., Федорова С. И.</i> Наследие Д. М. Говорова–Олонхосут Миитэрэя в контексте современного социокультурного пространства.....	66
<i>Илларионова Т. В., Киприянова Ю. Ю.</i> Сюжетно-композиционная структура олонхо Хангаласского улуса.....	74
<i>Пильникова А. Ю.</i> Анализ музыкальных текстов песенной традиции государевых ямщиков.....	88

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. ТЕКСТОЛОГИЯ

<i>Данилова С. Н., Максимова В. В., Арчахова Н. В.</i> Социокультурный комментарий к роману А. В. Борисовой «Земля удаганок».....	100
<i>Сивцева Е. Д., Степанова В. Е.</i> Заимствования из русского языка в произведениях А.Е. Кулаковского “Городская девушка” и “Городские девушки”.....	108

РЕЦЕНЗИЯ

<i>Хазанкович Ю. Г.</i> Проблемы сверхтекста: новые подходы к изучению (о монографии «Сверхтекст: генезис, структура, семантика» / И. В. Александрова, Е. К. Беспалова, Л. В. Бондаренко [и др.]; под науч. ред. С. О. Курьянова. – Москва: Директ-Медиа, 2023. – 224 с.).....	119
<i>Хасароков Б. М.</i> О монографии С. Ц. Содномова «Литературное развитие младших школьников на основе интеграции этнокультурологического, литературоведческого, деятельностного подходов».....	121

CONTENT

LITERARY STUDIES. LITERARY CRITICISM

<i>Bauaev K. K., Atabieva L. Kh.</i> Manifestations of the phatic principle in the 1920s–1930s national literatures of the North Caucasus.....	5
<i>Dedyukhina O. V.</i> Philosophical beauty concept in the Yuri Buida’s story “Lilaya Fimochka”.....	11
<i>Zhuleva A. S.</i> The Ethno-world of the Nenets writer Yuri Vella: Concepts. Reception.....	20
<i>Zakirova N. N., Martyanova V. N.</i> A dialogue of cultures in the educational process of Korolenko University: to the 85th anniversary of GEPU.....	29
<i>Nikolaev V. P., Okorokova V. B.</i> The years of 1928-1929: a turning point in Platon Oyunsky’s biography.....	36
<i>Okhlopko Zh. V.</i> Creativity of the Kurilov brothers in the context of Yukaghir literature of Yakutia.....	43

FOLKLORE IN LITERATURE. POETICS

<i>Dmitrieva T. P., Egorova S. I.</i> Family and family relations in Russian folk tales.....	51
<i>Zakharova A. M., Alekseev K. G.</i> Compositional structure of Yakut <i>algys</i> blessings.....	60
<i>Illarionov V. V., Fedorova S. I.</i> Legacy of Dmitry Govorov - Olonkhohut Miterey in the context of modern socio-cultural space.....	66
<i>Illarionova T. V., Kiprianova Y. Y.</i> Narrative and compositional structure of the Khangalas olonkho.....	74
<i>Pilnikova A. Yu.</i> An Analysis of Musical Texts in the Song Tradition of Tsar’s Coachmen.....	88

ARTISTIC LANGUAGE. POETRY STUDIES

<i>Danilova S. N., Maksimova V. V., Archakhova N. V.</i> Sociocultural Commentary in <i>The Land of the Udagans</i> Novel by Ariadna Borisova.....	100
<i>Sivtseva E. D., Stepanova V. E.</i> Russian borrowings in the Kulakovsky’s works ‘A town girl’ and ‘Town girls’.....	108

REVIEW

<i>Khazankovich Yu. G.</i> Problems of supertext: new approaches to study (review of the monograph “Supertext: genesis, structure, semantics / I. V. Alexandrova, E. K. Bespalova, L. V. Bondarenko [et al.]; edited by S. O. Kuryanov. Moscow: Direct-Media, 2023).....	119
<i>Khasarokov B. M.</i> On the monograph by S. Ts. Sodnomov ‘Literary development of junior schoolchildren on the basis of integration of ethno-cultural, literary and activity approaches’.....	121

– ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА –

УДК 821.35

DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-5-10

**Проявления фатического начала
в национальных литературах Северного Кавказа 1920-1930-х гг.**

К. К. Бауаев, Л. Х. Атабиева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

✉ kazim_bauaev@mail.ru

Аннотация. Работа содержит аналитическую информацию о процессах эстетической унификации и национальной идентичности северо-кавказских литератур начала XX в. В центре внимания – размышления над природой идеологических факторов, повлиявших на деление национальных литератур на «традиционные» и «новописьменные». Анализу подвергаются проблема преемственности и изолированности национальных литератур Северного Кавказа, вопросы идейно-художественного обогащения балкарской литературы принципами советской литературы. В основе методологии статьи лежит марксистско-ленинская концепция о наследии прошлого, которая формировала новые суждения о национальных литературах. Речь идет о сохранности архетипов разного уровня и сравнении степени этой сохранности в северо-кавказской и русской литературах.

Ключевые слова: Северный Кавказ, модернизация, фатическое, литература, национальная литература, этническая литература, советская литература, идеологические акценты, призыв, заимствования.

Для цитирования: Бауаев К. К., Атабиева Л. Х. Проявления фатического начала в национальных литературах Северного Кавказа 1920–1930-х гг. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2024, № 4 (16). С. 5–10. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-5-10

**Manifestations of the phatic principle in the 1920s–1930s
national literatures of the North Caucasus**

K. K. Bauaev, L. Kh. Atabieva

Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University., Nalchik, Russia

✉ kazim_bauaev@mail.ru

Abstract. The work contains analytical information about the processes of aesthetic unification and national identity of the North Caucasian literatures of the early twentieth century. The consideration is based on reflections on the nature of the ideological factors that influenced the division of national literatures into "traditional" and "newly written". The problem of continuity and isolation of the national literatures of the North Caucasus, the issues of ideological and artistic enrichment of Balkar literature with the principles of Soviet literature are analyzed. The methodology of the article is based on the Marxist-Leninist concept of the legacy of the past, which formed new judgments about national literatures. It is about the preservation of archetypes of different levels and comparing the degree of this preservation in the North Caucasian and Russian literatures.

Keywords: North Caucasus, modernization, fatigue, literature, national literatures, ethnic, Soviet, ideological accents, appeal, borrowings.

For citation: Bauaev K. K., Atabieva L. Kh. Manifestations of the phatic principle in the 1920s–1930s national literatures of the North Caucasus. *Issues of national literature.* 2024, No 4 (16). Pp. 5–10. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-5-10

© Бауаев К. К., Атабиева Л. Х., 2024

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена высоким интересом к национальным литературам Северного Кавказа из-за необходимости понимания их развития и особенностей в XX–XXI вв. 1920–1930 гг. были ключевым периодом, когда литературы столкнулись с адаптацией к советской власти. В этот период литературы оказались под жесткой идеологической политикой большевиков, что привело к их разделению на передовые и периферийные. Это упростило и стереотипизировало восприятие литератур, за счет адекватной оценки их разнообразия. Цель – анализ влияния идеологических установок большевиков на развитие национальных литератур Северного Кавказа в период 1920–1930 гг. Задачи: рассмотреть идеологические механизмы большевистской России 1920–1930 гг.; проанализировать их влияние на литературы Северного Кавказа, в частности, на балкарскую литературу; выявить особенности формирования приспособленческих мотивов в национальных литературах; обозначить контуры влияния новой культурной революции на современное литературоведение.

Идеологические установки большевиков существенно повлияли на литературы, упрощая и искажая их восприятие. Исследование даст оценку этому влиянию с точки зрения современного литературоведения.

Методы исследования – исторический, сравнительный и текстологический виды анализа текстов национальных писателей и критики.

Ожидаемые результаты: более глубокое понимание особенностей и закономерностей формирования литератур, а также их влияния на современное литературоведение.

Судьбу северокавказских литератур 1920–1930 гг. определила непосредственная зависимость с такими базовыми положениями, как большевистское понимание революции, создание целостной идейно-художественной системы и формирование человека новых ценностных ориентаций, художественного мышления и воззрений. Было бы наивно полагать, что компоненты этой целостности можно сформировать лишь с помощью благих призывов или посредством приукрашивания реальности, выдавая желаемое за действительное. Скорее следует говорить о классовой структуризации общества, то есть о теории, которая господствовала во взглядах В. И. Ленина и его сподвижников. Например, о фактическом понимании революции как столкновения классов: «классовая борьба будет всегда и везде, в любом обществе, где существуют антагонистические классы» [1, с. 287]. Никаких сомнений и отклонений в решении, например, национального вопроса пришедшие к власти во главе с В. И. Ульяновым-Лениным большевики не допускали, более того – какие-либо эксперименты, попытки привнести в марксизм различного толка модернизации, связанные, например, с этнической самобытностью, например, народов Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии, Прибалтики и других пресекались большевиками достаточно агрессивно. Естественно, что данная концепция различия людей только по одним классовым признакам, достаточно существенно отразилась на художественной ткани национальных литератур и обусловила их похожесть и однообразие.

Концепция детерминирования национальных литератур Северного Кавказа

Преимущественная особенность национальных литератур 1920–1930 - х гг. определяется проявлением системы идей в предельно универсальной, вненациональной, обезличенной конструктивно-знаковой форме. Принципы революционной партийности, историзма, классового подхода к явлениям социально общественной действительности стали основой всей многонациональной советской литературы. Не трудно предположить, что пренебрежение национальным вопросом было для новой власти идеологически обоснованным и являлось частью их новой формации. Непримиримая позиция партийных последователей естественно предопределяла и уровень внимания к национальным литературам нового государства.

Становление нового взгляда на искусство, обусловленное особенностями освободительной борьбы, идеалами и идеями эпохи, становится определяющим началом –

решительным поворотом национальных литератур, к революционным идеалам – идеалам классовой борьбы. Попытки художественного осмысления новых идеологических установок определили новую стадию формирования и развития национальных литератур Северного Кавказа, что в дальнейшем привело к весьма сомнительным обобщениям, не связанным с живым литературным процессом, к детерминированию национальных литератур как «младописьменных».

«Радикальное изменение жизненных ценностей, как основное условие октябрьской революции в России было четко выдержано, крестьянство было готово изменить старые этнические стандарты, которые начинались с народной веры в «царя-батюшку» и религиозной нормативности поведения» [2, с. 107]. Благодаря проводимой большевиками жесткой идеологической политике случаи полной ментальной переориентации человека наблюдались все чаще. На практике это было внедрение в массы новой усовершенствованной формы марксистского учения о классах в переводе на российскую почву. Пересоздание положений марксистского учения на уровень показательной культуры было неизбежно в силу парадигмального характера нового взгляда и так же привело в дальнейшем к распределению национальных литератур на передовые, или «донорные» и периферийные, или, в терминологии советского литературоведения – «ново(младо)письменные» [3, с. 168].

Таким образом, в послереволюционной обстановке перед партией большевиков стояли конкретные задачи новой культурной политики. Главными задачами являлись определение способов уравнивания этнических и социальных элементов, создание однородной в ментальном и культурном отношении гражданской среды, то есть единого общества с общей ментальностью и культурой. Уже в 1921 г. на II Всероссийском Съезде политпросветов В. И. Ленин четко конкретизировал цели образовательных институтов государства и границы, которые удовлетворяли ожиданиям большевиков, «после решенной задачи величайшего в мире политического переворота перед нами стали иные задачи – задачи культурные, которые можно назвать «маленькими делами». Надо этот политический переворот переварить, сделать его доступным массам населения, добиться, чтобы этот политический переворот остался не только декларацией» [4, с. 168–169]. Обозначив свое видение нового культурного строительства, Ленин тем самым дает политическую установку, которая открывала перспективу проведения повсеместной и разноразмерной агитационной работы на ближайшие годы. Не трудно представить, что такой подход стал предопределяющим. Национальные литературы рассматривались только как часть огромного механизма, как новое направление политической пропаганды революционных идеалов. Художественная литература стала средством классовой борьбы и не более того. Такая идеологическая позиция прямо или косвенно поддерживалась и трактовалась как проявление интернационализма многими ведущими литературоведами страны [5]. При этом понятие «художественного» или «эстетического» достоинства тех или иных произведений искусства, литературных текстов для большевиков попросту не существовало или воспринималось как нечто пренебрежимо-незначительное. «В осмысление литератур Северного Кавказа нередко нарушались принципы историзма, этапы их формирования рассматривались в отрыве от типов общественно-практической деятельности народов означенного региона» [6, с. 4–5]. Таким образом, идеологические акценты и насущные потребности большевистской партии полностью определяли статус национальных литератур.

«Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящихся будет вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не превышенной героине, не скушающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность» [7, с. 43]. Явное нежелание признать альтернативную, внеклассовую структуру общества привело

к делению национальных литератур на уровневые категории – фактически без учета их культурно-исторического развития, достигнутого эстетического и профессионального мастерства.

Именно тогда закладывались основы литературоведческой семантики концепта «новописьменности», хотя окончательный вид эти построения приняли намного позже. Следует отметить, что не художественно-эстетическое осознание и стремление создать индивидуализированные типы людей, художественно отразить животрепещущую новь характеризовали идеологов, формировавших новые суждения о национальных литературах, а стремление выразить отношение к тому, что принимается и отрицается, провести четко социально-классовые границы между ними. Так накануне первого всесоюзного съезда советских писателей газета «Правда» писала: «Массы требуют высокохудожественной литературы, насыщенной героической борьбой международного пролетариата, пафосом победы социализма, отражающей великую мудрость и героизм коммунистической партии. Они хотят такой литературы, которая давала бы читателю глубокое художественное наслаждение, рождала бы радостные и счастливые чувства, гордость за наше историческое дело, помогало бы бороться и строить, преодолевать наши недостатки и пережитки капитализма в сознании людей. В этом – великое назначение художественной литературы социализма» [9, с. 1]. Текстуальное обоснование гипотез о каких-то особенных изменениях и движениях национальных литератур выглядело и выглядит сегодня вполне убедительно, но сама методология идентификации литературно-художественной традиции как «новописьменной» часто приводит к противоречивым выводам, прежде всего потому, что ее истоки лежат не в сфере эстетики и литературных определений, а в чисто идеологической плоскости. Единственным ограничителем в деле «омолаживания» традиции стала своеобразная систематизационная цензура, введенная в определения литературоведов – словесность народов стали разделять на этническую и этническую «советскую». Уровень развития народов Северного Кавказа искусственно, без объективного анализа поднимался до уровня социально активных народов. Следует отметить, что такой же классификационный стандарт применялся и к русской литературе, но сомнений в непрерывности ее традиции никто не высказывал [9].

В отношении же других национальных литератур «высочайшего разрешения» на продолжение генерационных линий вглубь истории – за пределы 1917 г. – дано не было. Это привело к весьма странным интерпретациям в освещении многих национальных литератур.

Донорное воздействие русской революционной поэзии на национальные литературы исследователи, как правило, находят в прямых заимствованиях и механических внедрениях русских архетипов в структуры национальных поэтических текстов. На первый взгляд, такое видение невозможно оспорить, так как тексты говорят сами за себя, агитка и лозунг русских революционных поэтов, проникнув в стихи северокавказских авторов, надолго определили пафосный строй, тематику и проблематику горской словесности:

Жангы закон жол ачады
Бюгюн жигер барыргъа,
Хар бир ишибизге да
Кючлю Низам салыргъа. //
Новый закон проложил путь
Для каждого из нас, смело идти
К новым свершениям,
Ответственно и дисциплинированно [перевод К. К. Бауаева].

Стихотворение Х. К. Теммоева «Закон победившего социализма» ярко демонстрирует новый тип героя, сформировавшийся в условиях победы октября, и его отношение к новой власти. Стремление выразить свое отношение к революции, оценить прошлое и настоящее с точки зрения социалистической идеологии, выразить чувства, мысли,

эмоции, вызванные классовой борьбой становится определяющим в послереволюционной литературе. Чрезмерная сосредоточенность поэтов и писателей на одной лишь социальной преобладающей черте людей, на различиях по классовым признакам, привела к тому, что национальные литературы страны советов стали схожими и однообразными. Национальные литераторы Северного Кавказа в качестве главного героя стали выдвигать людей из бедного сословия, жаждущих социальной справедливости. Характерно, что в национальных литературах Северного Кавказа 1920–1930-х гг. нет ни одного произведения, в котором бы авторы показали в качестве положительного героя человека из имущего сословия.

Не отрицая факт воздействия и диффузии эстетических архетипов из русской школы в национальные, мы тем не менее не можем не заметить то, что эти явления наблюдались и в рамках собственно русской художественной словесности. Многочисленные формальные и образные эксперименты, резкие отступления поэтов от своих национально-поэтических школ, появление совершенно новых направлений художественной рефлексии, расширявших фатический и апперцептивный горизонты поэтического видения – от воспевания «красного кумача» до любви «миноносца и миноносицы» – стали рассматриваться советским литературоведением как приметы бурного процесса адаптации русской традиции к новым историческим условиям и объектной среде [10].

В качестве еще одного критерия идентификации младописьменных литератур можно выделить массированное внедрение в национальное эстетическое сознание новых, часто незнакомых объектов. К примеру, «в карачаево-балкарском языке начала XX в. не было, например, таких слов, как «вагон», «машина», «паровоз», «трактор», «врач» (относительно «врача» – весьма сомнительно – К. Б.) [5, с. 24–27]. В лексиконе алтайцев, хакасов, шорцев, малочисленных народов Севера и Дальнего Востока отсутствовали также слова, выражающие многие отвлеченные понятия. Не соответствовали уровню современной цивилизации и лексиконы народов Средней Азии. «Вместе с условиями жизни людей, вместе с их общественными отношениями, вместе с их общественным бытием изменяются также представления, взгляды и понятия личности, ее структура нравственности, ее сознание» [8, с. 124]. Все это отражалось на состоянии молодых литератур: первым писателям приходилось быть одновременно и активными творцами родного языка [6]. Это в полной мере можно отнести и к основоположникам балкарской поэзии, что отмечается некоторыми исследователями [11].

Заключение

Обращаясь к творчеству многих национальных поэтов, творивших новаторскую, авангардную поэзию, мы наблюдаем совершенно неосвоенные эстетическим мышлением предметы и объекты, лишенные какого-либо культурного ореола и ассоциативности. Однако включение их в художественные тексты стало одним из признаков молодой советской поэзии, ее характерной чертой.

Л и т е р а т у р а

1. Маркс, К. Избранные произведения в 3-х томах / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 1. – Москва : Изд-во политической литературы, 1966. – 640 с.
2. Бауаев, К. К. Апперцептивная специфика балкарской поэзии и ее истоки : монография / К. К. Бауаев ; Кабардино-Балкарский гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. – Нальчик : Кабардино-Балкарский гос. ун-т им. Х.М. Бербекова, 2016. – 176 с.
3. Гойченко, Д. Д. Красный апокалипсис : сквозь раскулачивание и голодомор. Мемуары свидетеля / Д. Д. Гойченко – Киев : А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА, 2013. – 400 с.
4. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – [5-е изд.]. Т. 44. – Москва : Изд-во политической литературы, 1970. – 725 с.
5. Бауаев, К. К. Эволюционная специфика балкарской поэзии; типология апперцептивных версий : автореферат дисс. ... д. филол. н. / Бауаев Казим Каллетович. – Махачкала : Формат, 2017. – 46 с.
6. Толгуров, З. Х. В контексте духовной общности / З. Х. Толгуров. – Нальчик : Эльбрус, 1991. – 287 с.

7. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – [5-е изд.]. Т. 45. – Москва : Изд-во политической литературы, 1975. – 598 с.
8. Палиевский, П. В. Литература и теория / П. В. Палиевский. – Москва : Советская Россия, 1979. – 288 с.
9. Первый съезд советских писателей // Правда, [газета], 1934, № 206 (6092), 28 июля.
10. Комановский, Б. Л. Самые молодые литературы / Б. Л. Комановский. – Москва : Знание, 1973. – 144 с.
11. Кетенчиев, М. Б. Функционально-семантический потенциал обращений в поэзии К. Мечиева / М. Б. Кетенчиев // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета, 2012. – Т. II. – № 3. – С. 101-103.

References

1. Marx, K. (1966) *Selected Works in 3 volumes*. Moscow: Political Literature. (In Russian)
2. Bauaev, K.K. (2016) *Apperceptive Specificity of Balkar Poetry and its Origins: a Monograph*. Nalchik: Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University. (In Russian)
3. Goichenko, D.D. (2013) *Red Apocalypse: Through Rraskulachivanie i Golodomor. Memoirs of a Witness*. Kyiv. (In Russian)
4. Lenin, V.I. (1970) *Complete Works [5th ed.] Vol. 44*. Moscow: Political Literature. (In Russian)
5. Bauaev, K.K. (2017) *Evolutionary specificity of Balkar poetry; typology of apperceptual versions*. Summary of doctor of philology dissertation. Makhachkala: Format. (In Russian)
6. Tolgurov, Z.H. (1991) *In the Context of Spiritual Community*. Nalchik: Elbrus. (In Russian)
7. Lenin, V.I. (1975) *Complete Works [5th ed.] Vol. 45*. Moscow: Political Literature. (In Russian)
8. Palievsky, P.V. (1979) *Literature and Theory*. Moscow: Soviet Russia. (In Russian)
9. The First Congress of Soviet Writers. *Pravda, [newspaper]*, 1934, No. 206 (6092), 28 July. (In Russian)
10. Komanovsky, B.L. (1973) *The Youngest Literature*. Moscow: Znanie. (In Russian)
11. Ketenchiev, M.B. (2012). Functional-Semantic Potential of Appeals in the K. Mechiev's Poetry. *Izvestia Kabardino-Balkarian State University* Vol. II, No. 3, pp. 101–103. (In Russian)

БАУАЕВ Казим Каллетович – д. филол. н., зав. каф. русской и зарубежной литератур, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова».

E-mail: kazim_bauaev@mail.ru

Kazim K. BAUAEV – Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University.

АТАБИЕВА Любовь Хизировна – к. филол. н., доцент кафедры русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных учащихся, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова».

E-mail: atabievalyba@mail.ru

Lyubov Kh. ATABIEVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and General Education for Foreign Students, Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University.

УДК 821.161.1.

DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-11-19

Философская концепция красоты в рассказе Ю. В. Буйды «Лилая Фимочка»

О. В. Дедюхина

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ dedyuhina.olga28@mail.ru

Аннотация. В условиях деформации отношения современного человека к духовно-нравственным ценностям особую актуальность приобретает аксиологический потенциал философской категории красоты и ее интерпретация в произведениях новейшей русской литературы. Целью данной статьи является исследование авторской трактовки эстетического императива «красота» в рассказе Ю. В. Буйды «Лилая Фимочка», выступающего квинтэссенцией авторского понимания указанной константы. Задачи состоят в выявлении специфики концептуализации понятия красоты посредством анализа сюжетно-композиционных особенностей, мотивного комплекса, системы образов и символов. Для реализации цели и задач привлекаются культурно-исторический метод и мотивный анализ. Определяется, что сюжет рассказа являет собой авторский миф о гибели божественной красоты как основы гармоничного мироздания. Приемы деконструкции, антитезы, детализации и пародии способствуют вычленению следующих атрибутов красоты: слепота, бессознательность, равнодушие к человеку, характерных для рубежного времени. Художественным открытием Буйды является прием двойного видения (авторского и персонажей), раскрывающий неоднозначность и многоликость красоты, порой воспринимаемой как уродство. Важно, что зло и красота наделяются иррациональной природой. Выявлены смысловые пары: церковь – рынок/базар, звезда – человек, свет – тьма, красавица – чудовище, семантика которых носит концептуальный характер. Мотивный комплекс представлен мотивами самоуничижения, страдания, возмездия и воскрешения, карнавальная жизнь, формирующими философский подтекст произведения. Амбивалентные символические образы (Храм, глаза, угол, камень, крест, лед) привносят в рассказ многоплановость. Красота, предстающая в качестве фундамента бытия, предопределяет возможное духовное возрождение погрязшего во грехе человечества.

Ключевые слова: Ю. В. Буйда, современный рассказ, концепция красоты, мотив, символ, система образов, пародия, философский подтекст, прием деконструкции, иррациональное.

Для цитирования: Дедюхина О. В. Философская концепция красоты в рассказе Ю. В. Буйды «Лилая Фимочка». *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2024, № 4 (16). С. 11–19. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-11-19

Philosophical beauty concept in the Yuri Buida's story "Lilaya Fimochka"

O. V. Dedyukhina

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ dedyuhina.olga28@mail.ru

Abstract. Under conditions of deformation, the attitude of a modern person to spiritual and moral values is of particular relevance to the axiological potential of the philosophical category of beauty and its interpretation in the works of the latest Russian literature. The purpose of this article is to study the author's interpretation of the aesthetic imperative "beauty" in the story by Yuri Buida "Lilaya Fimochka", which is the quintessential author's understanding of this constant. The tasks were to identify the specifics of the concept of beauty through the analysis of plot and composition, a complex of motifs, a system

of images and characters. To achieve the purpose and objectives, methods of cultural-historical and motivational analysis were involved. It was determined that the plot of the story is an author's myth of the death of divine beauty as the basis of a harmonious universe. Receptions of deconstruction, antithesis, detailing and parody contribute to isolating the following attributes of beauty: blindness, unconsciousness, indifference to man, characteristic of a milestone. Buida's artistic discovery is the double vision technique (authorial and characters), revealing the ambiguity and diversity of beauty, sometimes perceived as ugliness. It is important that evil and beauty are endowed with an irrational nature. The semantic pairs were revealed: church – market / bazaar, star – man, light – darkness, beauty – a monster, the semantics of which are conceptual in nature. The complex of motives is represented by the motifs of self-abasement, suffering, retribution and resurrection, carnival life, forming the philosophical implication of the work. Ambivalent symbolic images (temple, eyes, angle, stone, cross, ice) bring diversity to the story. The following types of parts were distinguished: olfactory, portrait, habitats, zoomorphic, optical, color, the transformation of some parts into a metaphor is noted. Beauty, which appears as the foundation of world, predetermines the possible spiritual revival of humanity mired in sin.

Keywords: Buida, modern story, concept of beauty, motif, symbol, image system, parody, philosophical implication, deconstruction technique, irrational.

For citation: Dedyukhina O. V. Philosophical beauty concept in the Yury Buida's story "Lilaya Fimochka". *Issues of national literature*. 2024, No 4 (16). Pp. 11–19. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-11-19

Введение

Актуальность исследования определяется особой значимостью категории красоты в классической русской литературе, наиболее полная трактовка которой, безусловно, принадлежит Ф. М. Достоевскому. Однако реинтерпретация понятия «красота», выраженное в произведениях современных авторов, в частности, Ю. В. Буйды, представляется важной литературоведческой задачей. Проза Юрия Буйды, манифестирующая идеи добра, милосердия, соучастия, красоты, актуализирующая этические христианские ценности, обладает значительным духовным потенциалом, требующим осмысления.

Особенностью художественной манеры Буйды является оригинальная трансформация традиционных образов и мотивов, сюжетов. Однако литературоведческих работ, посвященных анализу особенностей поэтики произведений писателя, немного. Среди них следует указать на ряд наиболее значимых исследований при анализе философского смысла прозы Буйды. Эстетическая проблематика текстов Буйды выявлена в работе М. В. Безрукавой [1]. К. А. Дегтяренко [2], М. В. Гаврилова, М. А. Дмитриевская [3] исследуют метаморфозы с семантикой рождения, смерти, брака как сотворение авторского мифа и на их основе вычленяют особые черты мышления человека; христианская парадигма на уровнях жанра, образов, мотива, сюжета оказывается в поле зрения О. А. Колмаковой [4]. К. В. Сорокина [5] выявляет культурный диалог текстов Буйды с произведениями предшествующей литературы. Т. Г. Прохорова и И. М. Загфарова [6] определяют формы и способы конструирования иного мира в малой прозе писателя. Концепции красоты посвящена статья О. В. Сизых [7]. Обзор литературоведческих работ показал недостаточную исследованность проблемы красоты в малой прозе Буйды, ее философского звучания.

Целью данной статьи является исследование особенности интерпретации категории красоты в рассказе Ю. В. Буйды «Лилая Фимочка», в котором данная категория является доминирующей и формирует философский подтекст произведения. Для достижения поставленной цели требуется решение следующих задач: во-первых, определить, что есть

красота в авторском понимании и какими атрибутами категория красоты наделяется в рассказе «Лилая Фимочка», во-вторых, выявить, как сюжетно-композиционные особенности, представленный мотивный комплекс, система образов и символов способствуют выражению авторской идеи о характере и роли красоты в современном деформированном, лишенном духовности мире. Для реализации цели и задач привлекаются методы культурно-исторического и мотивного анализа, наиболее соответствующие избранной теме. Научная новизна статьи определяется тем, что в ней впервые анализируется философская категория красоты в рассказе Буйды «Лилая Фимочка» в контексте духовно-этических поисков писателя, определяется значимость названной философской категории в его поэтике.

Прием топонимического замещения в рассказе

Действие рассказа происходит в небольшом городе, пространство которого включает рынок/базар, площадь и церковь, как ключевые топонимические объекты, соотносящиеся с концепцией произведения. Храм является сакральным зданием, выступает символом святилища, как правило, связанного с высшими духовными устремлениями. Невежественные и примитивные жители городка, не чувствуя глубинного смысла сакрального, с уважением относились к Богу и Церкви.

Городок живет собственной обыденной жизнью: привезенную на рынок картошку разгружают пьяницы и «обормоты», бродячие собаки роются в мусорных баках, совершается крестный ход. Еще одной пространственной доминантой, противопоставленной Церкви, оказывается рынок/базар. Рынок – средоточие повседневной городской жизни, где происходят главные события, осуществляется торговля, совершаются сделки, толпится народ, бросает реплики сумасшедший Шут, обитает множество бродячих собак. Рынок в рассказе Буйды обладает сходной семантикой, что и карнавальная площадь в трактовке М. М Бахтина, которая понимается литературоведом как место «вольного фамильярного контакта» людей, разделенных в обыденной жизни различными «барьерами». При этом отмечается особый «модус взаимоотношений человека с человеком, противопоставляемый всемогущим социально-иерархическим отношениям внекарнальной жизни» [8, с. 138–139].

Автор обращается к приему топонимического замещения: закономерно возникает трансформация города в базар. Если Церковь по своей сути символически воплощает мироздание, то рынок трактуется как модель современного мира, где царят мрак, смрад и смерть. Таким образом возникают два равноправных пространственных центра, через которые проходят пути главных героев произведения.

Фимочка как олицетворение божественной красоты

Слепая дурочка Фимочка олицетворяет божественную красоту, восстанавливая гармонию в душах городских обывателей, способствуя возникновению их духовного единения. Жители, созерцающие необъяснимый бег прекрасной девочки по городу, впадали в состояние эйфории, наполнялись жизненной энергией, радостью. Произнесенное ею люди повторяют «вместе, разом, со слезами», им страшно было останавливаться, «потому что, вознесенные на вершины сердца, ... боялись обрушиться в бездны» [9, с. 237]. Имя главной героини рассказа – Евфимия – происходит от древнегреческого Εὐφροσύνη и переводится как «благопристойность, почтительность, воздержание от неподобающих слов». Дед девочки Андрей слыл глубоко верующим человеком. Его имя с греческого Ανδρέας означающее «мужественный», «храбрый», контрастирует с его сущностью. Андрей был лишен способности иметь детей и подвергся унижению изменой со стороны жены, что в конечном счете привело его к самоубийству. Однако после смерти покойный имел огромную власть над женщиной, направляя ее поступки.

Жуткий финал жизни Фимочки обусловлен трагической предопределенностью по женской линии. Ее бабушка красавица Анна / Нюта страшно расплатилась за грех

прелюбодеяния: с изрезанным бритвой лицом она жила на привязи среди свиней и смрада, спала на голом полу, молчала, объясняясь с людьми жестами. Образ женщины контаминирует греховное и светлое начала. Работая санитаркой в психиатрической больнице, вместилище пьяниц, бродяг и «бесполезных» старух, она кротко мыла заплесанный пол под сальные шуточки пьяных пациентов, а, кроме того, пытаясь просветлить их темные души, читала потерянными существам на ночь Евангелие. Подвергнутая насилию, Нюта лишается разума и начинает считать ложки со старухой Лупой, приговаривая: «Три ложки чистых до рая небесного, три ложки грязных до геенны огненной...». На вопрос, обращенный к дочери: «Сколько будет ложек?», та отвечает «Шесть». Культурологическая семантика цифры «три» связана с чувственной сферой – Небо и Дух, с одной стороны, и божественным началом мира – Святой Троицей (Отец – Сын – Святой Дух), с другой, а «шесть» – символ совершенства и красоты.

Мать Фимочки Варварушка продолжает драматическую линию семьи. Имя героини Варв́ара происходит от вар́барос и в древнегреческом означает «чужеземец», «грубый, жестокий». Кроме того, известно, что святая Варвара – одна из самых почитаемых святых в христианстве – была замучена отцом-язычником, влиятельным римским сановником за приверженность Христу. Грань между порочным и благим в ее образе размыта и оказывается на периферии, а первостепенное значение приобретают страдальческая сущность героини и ее стремление к самоуничтожению, обусловленное привычным образом жизни, выработанным годами пребывания рядом с матерью. Единственная портретная деталь, упомянутая в тексте, – «красивые и страшные глаза» – отражает общий закон существования женщин в семье, наделенных восхищающей выразительной красотой, и в то же время, тяжелой, вызывающей ужас судьбой. В финале рассказа героиня, потерявшая дочь, стоя посреди безлюдной площади, устремляет взгляд «к блистающему звездами вечному небу, слишком огромному и страшному, чтобы откликнуться душе человеческой... изнемогшей под тяжестью этой лилой жизни...» [9, с. 244].

Возникает противопоставление звезды как символа равнодушной Вселенной и маленького, слабого, грешного человека. Варвара, изображенная бесприютным, бездомным существом, считает своим домом психиатрическую больницу и мечтает жить среди свиней с веревкой на шее. Образ свиньи в различных культурах имеет многоаспектные трактовки: в древних языческих культурах свинья воспринималась как символ плодородия и благосостояния, в христианской символике олицетворяет обжорство и невежество, однако свинью как знак отшельничества имел раннехристианский подвижник святой Антоний Великий. Стремление Варвары к отречению от мирской жизни обусловлено наследственно: дочь, как и мать, испытывает потребность в уничижительных мучениях, она благодарна мужу за бесчеловечное отношение и издевательства над ней: «...он заставлял чистить дом зубной щеткой и патефонной иглой... держал... на цепи как дикого зверя» [9, с. 234–235]. Доминантным в образе Варвары выступает мотив прилежного материнства, она самоотверженно защищает дочь. Поймав злобный взгляд чудовища Бздо, Варвара вступает в бесстрашный поединок с ним, стремясь противостоять светом тьме: «...бросилась включать всюду свет... и не успокоилась, пока не включила распоследнюю настольную лампу, покрывшуюся пылью за ненадобностью..., но выхваченную из забвения» [9, с. 289]. Отметим, что внешность Варвары представлена исключительно через глаза не случайно. Глаз в символике всегда связан со светом и духовной способностью откликаться на чужую беду.

В структуре рассказа образы Нюты и Варвары соотносятся с судьбой Фимочки, предопределяя трагическую участь девочки. Фимочка изображается как дитя удивительное, обладающее «способностью пробуждать в окружающих любовь... необъяснимую, иррациональную... слепую» [9, с. 235]. В сознании жителей города она существо, противоположное человеку, подобно Божью, ангел, у нее «серебряный ангельский голос» [9, с. 236]. Появление Фимочки физически и духовно незрелые

горожане воспринимают как снисхождение божественной, но равнодушной красоты в мир: «А ей-то все равно, – завистливо вздыхала Баба Жа. – Безмозглая и беспоялая. И никто ей из нас не нужен, а вот она нам нужна. Ведь нужна”. “У мира есть красота, – нравоучительно замечал Шут Ньютон... но красоте мир не нужен”» [9, с. 237].

В тексте Буйды присутствует явная отсылка к известному высказыванию из романа Достоевского «Идиот»: «мир спасет красота» [8, с. 74], однако в рассказе современного автора отстраненное существование красоты. Кроме того, в концепции прекрасного как для Достоевского, так и для Буйды «важен нравственный посыл исцеления души человеческой, поэтому категория красоты осмысливается писателем аксиологически, а герои не способны осознать нравственную глубину бытия» [7, с. 62].

Иррациональная природа красоты

В рассказе присутствует двойное видение образа героини: глазами других персонажей и автора. Буйда актуализирует иррациональную природу героини, обладающей странной, околдовывающей красотой. Красота Фимочки действовала на людей завораживающе, ее бессмысленный бег по городу и игры с детьми, заставляли их, забыв повседневные заботы, не отрываясь смотреть на нее, внимая «бессмысленным и непристойным, чудесным» словам. Остается непоясненным авторское замечание о божественной составляющей образа красоты: «была только она одна – божественно равнодушная, прекрасная и невинная, как молния, испепелившая по неисповедимой прихоти Господней чудеснейший из Господних храмов» [9, с. 237].

Автор выписывает пародийный, отталкивающий своим уродством образ девочки, делая акцент на ее животной природе. У нее «вскинутые руки и оскаленный рот, из которого вместе с хрипом вылетали брызги слюны», она «потная голая дурочка, дивно сложенная, развалившаяся на земле и нежившаяся» [9, с. 236-237]. Лишая образ героини интеллектуального и духовного начала, автор связывает его с природной женственной стихией, определяющей характер и восприятие ее притягательности: «срывала с себя лишнюю одежду», «мужчины напряженно хмурились и неотрывно следили за упругими ее гладкими грудями, за крутыми гладкими ягодицами...» [9, с. 236]. С образом Фимочки связан мотив «карнавальной жизни», вслед за Бахтиным понимаемой как «жизнь, выведенная из своей обычной колеи, в какой-то мере “жизнь наизнанку”, “мир наоборот”», предполагающий чувственное переживание события, имеющего характер «массового действия» с вольным карнавальным поведением, жестом и словом «эксцентричными, неуместными с точки зрения логики обычной внекарнавальной жизни» [8, с. 139].

Героиня погружена в духовный сон, что выражается в отсутствии веры: «ни креститься, ни молиться... не умела, да и церковь не любила, потому что чувствовала себя уверенно всюду, но не в толпе, где только и обнаруживалось, что она незряча» [9, с. 236].

Внутренняя слепота усугубляется физическим изъязном, однако это не мешает ей чувствовать себя комфортно и ориентироваться в пространстве города. Согласно народному миромоделированию, «глаза – зеркало души», а с позиции христианской традиции глаза служат олицетворением нравственного сознания, тогда незрячесть Фимочки трактуется как маркер неспособности к духовному восприятию мира и, наоборот, активности в ней инстинктивного существования. С мотивом утраты духовного зрения связана авторская идея о нарушении нравственного равновесия в мире, которое обрекает человечество на гибель. В результате создается авторская концепция красоты, в центре которой женские образы, при этом образ дурочки со «слепыми страшными глазами» сублимирует биологически-природное начало.

Демоническое начало в бродяге Бздо

Сюжет рассказа строится как уничтожение красоты демоническими силами, персонифицированными в образе человека без имени, с шокирующим прозвищем Бздо. Природа персонажа также иррациональна, он существо неведомого происхождения,

чудовище, прибывшее из ниоткуда, свидетельством чего выступает отсутствие имени собственного. Авторской волей герой признает своим именем имя Иуда, что подтверждает причастность его к темным силам. На вопрос капитана Швили, обращенный к нему, кто он черт или Иуда, Бздо обрадовался и повторил «Иуда!» Представленный фрагмент способствует созданию пародийного двойника предавшего Христа апостола. Имя «Иуда Искарriot» указывает на двойственность библейского персонажа: «Иуда» – «восхваление Господа» и «Искарriot» – «житель пригорода», «убийца». Символично, что и Бздо, и Иуда предстают обитателями периферии города, что подчеркивает их принадлежность к темной стороне бытия. Однако если Иуда Искарriot совершает предательство Спасителя сознательно, из меркантильной цели, то акт предательства со стороны героя рассказа Буйды пожалевшей его Варвары происходит бессознательно. Кроме того, в тексте автор противопоставляет Иисуса и Бздо, создавая примитивно-жестокий образ человекоподобного существа без души. Сюжетообразующей функцией наделяется высказывание священника: «Иисус тоже, наверное, был вшив и духовит, но он пошел на крест за нас, а этот на крест кого угодно загонит, помочится на него и плюнет, потому что души у него нету. Или же она во власти дьявола» [9, с. 230]. Тот же принцип противопоставления обнаруживается в оценке Бздо жителями города: «Не человек, а эхо, – сказал Люминий. – Вроде вши: живет с людьми, а не человек» [9, с. 227].

Явными знаками inferнального начала в образе бродяги выступает ряд деталей. Одной из них является ольфакторная деталь: «пахло от него немытым телом, нестиранным бельем, да и изо рта разило как из братской могилы» [9, с. 226]. Данная подробность вводит в текст мотив зловония, соотносящийся с хтонической сущностью незнакомца. Портретные детали: «огромный, шипокопечий, костистый, с изрезанным шрамами лицом» – свидетельствуют о животной физической силе и жестокости персонажа, ассоциирующегося с асоциальным элементом. Следующая деталь – место обитания Бздо: «Он поселился в дырявом вагончике, где даже пауки стеснялись жить, – спал в узком ящике голышом на битом стекле, жрал, что придется и держался от женщин подальше. С раннего утра до позднего вечера таскал мешки, ящики и коробки, подметал и выносил мусор... пил воду с руки» [9, с. 226].

Аскетизм, который обычно связан с духовными целями, в рассказе Буйды лишен данного смысла и парадоксально указывает на бездуховность героя, обнаруживая зооморфные черты. Уподобление животному видится в выборе героем места проживания, вместо гостиной он выбирает холодную собачью конуру с пахнущей псиной соломой. Кроме того, в поведении героя отмечаются черты мазохизма: он спал на битом бутылочном стекле, и его тело было «покрыто шрамами и порезами» [9, с. 231]. Демоническая сущность персонажа проявляется постепенно: вначале он предстает безобидным, робким, безответным, смиренно терпящим унижение и обиды, не пьет вина, не сквернословит. В эпизоде убийства собаки характер «вонючего чучела» обнаруживает звериное начало: «а иногда, устроившись где-нибудь в уголке, он вдруг замирал, превращаясь в камень и не сводил глаз с какого-нибудь бродячего пса... Собака, подняв голову, ловила взгляд Бздо и замирала... начинала неуверенно тянуться к мужчине... и тут Бздо делал молниеносное движение... пес, страшно взвывая, взлетал высоко в воздух... и в стороны летели брызги крови, а пес падал бездыханный наземь, распоротый от мошонки до губ» [9, с. 227–228].

Персонаж изображается как жестокий, кровожадный, безжалостный убийца. Семантика образов угла и камня, появляющихся во фрагменте, амбивалентна и обуславливает особенности характера и поведения чудовища в человеческом облики. Согласно народным верованиям угол символизирует дом-очаг, «свое» охранительное пространство, которое противопоставлено «чужому», враждебному. В то же время угол считается местом обитания нечистой силы и соотносится в целом с потусторонней сферой, к которой принадлежит монстр. Символ камня существует во всех мировых религиях и

олицетворяет определенность, устойчивость, незыблемость, неизменяемость, крепость, а в Египте считался символом заблуждения и неверия, атрибутом дьявольского духа. Таким образом, символические детали «угол» и «камень» есть знаки, раскрывающие отрицательную сущность персонажа.

Лейтмотивная деталь облика Бздо – фатально-гипнотический взгляд, «обладающий волшебной силой», лишаящий и человека, и любое другое живое существо воли, способности сопротивляться злу, исходящему от него. Следует отметить сюжетообразующую роль указанной детали. Такой же гипнотический взгляд, каким он смотрел на базарных псов, монстр-убийца устремляет на Лилую Фимочку. Оптические детали глаз/взгляд по мере повествования трансформируются в метафору «глаз-взгляд», олицетворяющую абсолютное невежество, примитивность, отсутствие духовности, физическое животное начало современного общества. Еще одной характерной деталью является и богохульство молчуна. Проходя мимо церкви, он плевался, грозил кулаком кресту, однажды справил нужду в алтаре, священнику «заехал в ухо», ворвался в процессию во время крестного хода и производил непристойные действия. Утрата человеческого облика привела к тому, что Бздо воспринимался как «урод».

Мотивы страдания и возмездия

Авторское представление о красоте в финале рассказа, вводящем мотивы страдания и возмездия, достигает кульминации. Мотив страдания усиливается через введение характерной узнаваемой детали – креста, связанного с распятием: «Девочка была прибита к дверям огромными гвоздями <...> Руки ее были широко раскинуты, а бедра окровавлены...» [9, с. 243]. Автор уточняет положение рук героини – «раскинутыми крестом руками». Образ креста способствует возникновению пародийной аллюзии на библейскую легенду распятия Иисуса на Голгофе, а героиня оказывается пародийным двойником Христа. Если в Библии крест выступал знаком распятия и смерти ради спасения грешного человечества, то в рассказе Буйды данная символическая деталь олицетворяет грехопадение человечества, его отречение от духовных основ, выраженных в христианских заповедях. В финале обнаруживается и еще один крест, Варвара в поисках дочери бежит в сторону высившейся над «приплюснутыми домами и черными деревьями всеми своими куполами и крестами, затмевавшими звезды» [9, с. 242] церкви и, минуя арку, украшенную золотой славянской вязью и беленым каменным крестом, оказывается около освещенной паперти. Лейтмотивный образ света соотносится с небесным свечением звезды, олицетворяющим огромную Вселенную с затерявшимся в ней страдающим человечеством. Создается величественный образ Церкви как символа одухотворенного Космоса, однако человек оказывается за пределами гармоничной вселенной, оставаясь в положении отверженного, лишенного сознания червя. Мотив страдания сопровождается мотивом возмездия. Бздо, воплощающий уродливую действительность, лишает себя жизни: «Он повесился на мерзлой голой осине. Он висел черным лицом к церкви... В широко открытых глазах слезы превратились в лед» [9, с. 244]. Черный колорит, отрицающий свет, выступает в рассказе символом греха, разрастаясь к финалу в олицетворение небытия, зла (не случайно анализируемые события происходят ночью). Негативный смысл цвета поддерживается метафорической деталью, «лед», в контексте рассказа означающей безжалостность, жестокость, равнодушие и мертвенность души. Однако мортальная образность одновременно заключает в себе возможность будущего воскрешения. Завершающий повествование диалог убогих женщин, потерявших красоту горбатенькой Бабы Жи и крикливой Скарлатины, поддерживает эту идею.

Память о чудовищном существе по авторскому замыслу, возможно, будет способствовать духовному возрождению человека.

Заключение

Исследование философского наполнения понятия красоты в рассказе Буйды «Лилая Фимочка» позволяет прийти к некоторым выводам. Сюжет рассказа представляет собой авторский миф об уничтожении необходимой миру божественной красоты темными силами хаоса, царящего в нем. В тексте выражен уникальный философский взгляд на категорию красоты и ее бытование в современном мире, деформирующем эстетические универсалии. Прием деконструкции, примененный автором, реинтерпретирует традиционную структуру красоты, соединяющую духовное и плотское, сужая семантику данного понятия до физиологического уровня. В образе Фимочки, явившейся в контексте рассказа воплощением божественной красоты, подчеркивается естественное природное начало. Атрибутами красоты становятся слепота, бессознательность, равнодушие к человеку, одновременно характеризующие социум конца XX–начала XXI вв. Специфика художественной концептуализации красоты в рассказе Буйды обусловлена двойным взглядом: авторским и персонажей. То, что с точки зрения персонажей представляется прекрасным, в авторском восприятии отталкивающе. Девочка, олицетворяющая ангельскую красоту, показана «безмозглым и слепым» неполноценным существом, и в действительности – авторская пародия на красоту. В рассказе показано, что зло и красота обладают иррациональной природой.

Художественная трактовка красоты обуславливает особенности структуры сюжета, мотивного и символического комплексов рассказа Буйды. Доминантным приемом организации текста становится антитеза, формирующая антиномии, концептуализирующие красоту. Смысловые пары Церковь – рынок/базар, звезда – человек, свет – тьма, красавица – чудовище соотносятся с мотивами самоуничтожения, страдания, возмездия и воскрешения, карнавальной жизни, углубляющими философский подтекст произведения. Корпус символических образов (Храм, глаза, угол, камень, крест, лед) отличает амбивалентность, позволяющая придать изображаемому конфликтность и неоднозначность. Нравственный хаос, присущий обществу, закрепляет прием пародийного двойника Христа: с одной стороны, это бездомный убийца, а с другой – распятая им девочка, а также прием детализации. Особенно важное значение при обрисовке «человека из ниоткуда» приобретают следующие типы деталей: ольфакторная, портретная, места обитания, зооморфная, оптическая, цветовая. Авторская индивидуальность проявляется в трансформации детали в метафору (глаз – взгляд) и бытийный символ (черное лицо – мир как небытие). Присутствие красоты как первоосновы жизни Буйда осмысляет философски с точки зрения потенциальной возможности духовного воскресения для страдающего человечества.

Л и т е р а т у р а

1. Безрукавая, М. В. Проза Ю. Буйды : герой в пространстве эстетического понимания жизни / М. В. Безрукавая // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 6. – Ч. 2 – С. 236–240.
2. Дегтяренко, К. А. Метаморфоза как репрезентация мифологического мышления в рассказе Ю. Буйды «Чудо о Буяних» / К. А. Дегтяренко // Вестник РГУ им. И. Канта. Серия: Филологические науки. – 2008. – Вып. 8. – С. 49–54.
3. Гаврилова, М. В. Мифопоэтика рассказа Ю. Буйды «Все проплывающие» / М. В. Гаврилова, М. А. Дмитриевская // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2012. – Вып. 8. – С. 152–157.
4. Колмакова, О. А. Христианский дискурс в романе Ю. Буйды «Вор, шпион и убийца» / О. А. Колмакова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 164–168.
5. Сорокина, Ю. К. Интерпретация евангельского сюжета в рассказе Ю. Буйды «Пасхальный пес» / Ю. К. Сорокина // Вестник ТГГПУ. – 2010. – № 4(22). – С. 231–234.

6. Прохорова, Т. Г. Формы инобытия в новеллистике Юрия Буйды / Т. Г. Прохорова, И. М. Зафарова // *Филология и культура*. – 2016. – № 1(43). – С. 251–255.
7. Сизых, О. В. Концепт «красота» в рассказе Ю. В. Буйды «Ла Тунь» / О. В. Сизых // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2019 – Т. 12. – С. 60–64.
8. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского: в 7 т. / М. М. Бахтин. – Москва : Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. – Т. 6.
9. Буйда, Ю. В. Жунгли / Ю. В. Буйда. – Москва : Эксмо, 2010.
10. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений: в 20 т. / Ф. М. Достоевский. – Москва : ТЕРРА, 1998.

References

1. Bezrukavaya, M.V. (2015). Prose of Yuri Buida: a Hero in the Space of Aesthetic Understanding of Life. *Historical and Socio-Educational Thought*, Vol. 7, 6, pp. 236–240. (In Russian)
2. Degtyarenko, K.A. (2008). Metamorphosis as a Representation of Mythological Thinking in the Story by Yu. Buida “The Miracle of Buyanikha”. *Bulletin of the Kant Russian State University. Series: Philological Sciences*, Vol. 8, pp. 49–54. (In Russian)
3. Gavrilova, M.V., Dmitrovskaya MA. (2012). Mythopoetics of the Story by Yu. Buida “Everyone Who Floats”. *Bulletin of the Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, Vol. 8, pp. 152–157. (In Russian)
4. Kolmakova, O.A. (2017). Christian Discourse in Y. Buida’s Novel “A Thief, Spy and a Murderer”. *Bulletin of Kemerovo State University*, 1, pp.164–168. (In Russian)
5. Sorokina, Yu.K. (2010). Interpretation of the Gospel Plot in the Sstory “The Easter Dog” by Yu. Buida. *Vestnik TGGPU*, 4 (22), pp. 231–234. (In Russian)
6. Prohorova, T.G., Zagfarova, I.M. (2016). Forms of Other Existence in the Short Stories by Yuri Buida. *Philology and Culture*, 1(43), pp. 251–255. (In Russian)
7. Sizyh, O.V. (2019). The concept of “Beauty” in the Story by Yu.V. Buyda “La Tun”. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, Vol. 12, pp. 60–64. (In Russian)
8. Bahtin, M.M. (2002). *Problems of Dostoevsky's Ppoetics: in 7 Volumes*. Moscow: Russian Dictionaries. Languages of Slavic Cculture, Vol. 6. (In Russian)
9. Buida, Yu.V. (2010). *Jungle*. Moscow: Eksmo. (In Russian)
10. Dostoevskiy, F.M. (1998). *Collected Works: in 20 volumes*. Moscow: TERRA. (In Russian)

ДЕДЮХИНА Ольга Владимировна – к. филол. н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: dedyuhina.olga28@mail.ru

Olga V. DEDYUKHINA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 821.511.2Вэлла.09

DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-20-28

Этномир в творчестве ненецкого писателя Юрия Вэлла: Концепты. Рецепция

А. С. Жулева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

✉ aszhuleva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена становлению и развитию художественности новописьменной ненецкой литературы. Основная цель: определение истоков и раскрытие этнокодов художественных концептов и концептосферы ненецкой литературы. Задачей исследования является выявление роли и значимости выделенных концептов в создании образной системы. Осуществляется также поиск методологических подходов к постижению сложного и мало-изученного литературного процесса, протекающего в своеобразных условиях транскulturации. Обоснованы и активизированы междисциплинарный, историко-культурный и компаративистский подходы, использованы приемы аналитико-синтетического чтения текстов. Исследование проведено на материале текстов Юрия Вэлла, как написанных на ненецком и хантыйском языках и переведенных на русский, так и созданных им на русском языке. Отмечены активный поиск автором оригинальных жанров, его стремление сохранить родовую этничность в процессе транскulturации. Раскрыта специфика символизма целого ряда трансформированных и воплощенных первообразов (архетипов). Обозначено отличие познавательного и художественного концептов. Проявлено, как художественные концепты и концептосфера, включающие ментальные признаки и явления, сохраненные исторической памятью ненцев, участвуют в создании образов и развитии сюжетов, в воплощении избранной идеи и раскрытии темы.

Ключевые слова: ненецкая литература, ненецкая поэзия, художественный концепт, концептосфера, символика, этнопоэтика, мировидение, Юрий Вэлла, ненецкий рассказ, рассказ-миниатюра.

Для цитирования: Жулева А. С. Этномир в творчестве ненецкого писателя Юрия Вэлла: Концепты. Рецепция. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2024, № 4 (16). С. 20–28. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-20-28

The Ethno-world of the Nenets writer Yuri Vella: Concepts. Reception

A. S. Zhuleva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia

✉ aszhuleva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the formation and development of artistry of the newly written Nenets literature. The main goal was to determine the origins and reveal the ethnocodes of artistic concepts and conceptosphere. Among the tasks was the manifestation of their role and significance in the creation of the image system. There was also a search for methodological approaches to comprehending the complex and little-studied literary process that takes place in peculiar conditions of transculturation. Interdisciplinary, historical-cultural and comparativist approaches were substantiated and activated, and analytical and synthetic reading of texts was used. The research was conducted on the material of Yuri Vella's texts written both in Nenets and Khanty languages and translated into Russian, and those created by him in Russian. The author's active search for peculiar genres and his aspiration to preserve his ancestral ethnicity in the process of transculturation are noted. The specificity of symbolism of a number of transformed and embodied primordial images (archetypes) is revealed. The difference between cognitive and artistic concepts is outlined. It is shown how artistic concepts and the

© Жулева А. С., 2024

conceptosphere, including mental signs and phenomena preserved by the historical memory of Nenets, participate in the creation of images and the development of plots, in the embodiment of the chosen idea and the disclosure of the theme.

Keywords: Nenets literature, Nenets poetry, artistic concept, concept sphere, symbolism, ethnopoeitics, worldview, Yuri Vella, Nenets story, miniature story.

For citation: Zhuleva A. S. The Ethno-world of the Nenets writer Yuri Vella: Concepts. Reception. *Issues of national literature*. 2024, № 4 (16). Pp. 20–28. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-20-28

Введение

Таинственен и трудно постижим когнитивный «скачок», активизировавший зарождение и развитие литератур малочисленных российских народов Севера в XX в. Не менее загадочно и содержание этнического мира, представленное в произведениях ненецких писателей. Самобытна значимость слова в мифологическом сознании зачинателей и создателей письменного художественного слова, обретенная в значительной степени из устного народного творчества. Не случайно ненецкий писатель Юрий Вэлла* в качестве эпиграфа к рассказу-миниатюре «Поговори со мной» взял бытующее у ненцев представление о разновидностях и жизненности слова: «Изрекали Старцы издревле: “Мысленное Слово, произнесенное с уверенностью, все равно что слово, произнесенное вслух”» [1, с. 110]. В рассказе предстает своеобразный вариант трансформации познавательного концепта «слово» в художественный. Необычна экспозиция рассказа: посреди тундры встретились две упряжки (без обозначения людей), и с протянутой ладони «скатилось мысленное Слово». В представлении ненцев это не простая метафора, а бытующее в мифах, фольклоре и героическом эпосе (сюдбабц) представление о слове как некой духовной и материальной сущности. Традиционно волшебное Слово наблюдает за развитием событий и в сложных ситуациях помогает положительным героям. Логос как первообраз и первоисточник, создающий гармонию мира, активно участвует и в литературном процессе. Таинственные персонажи слово-песня, слово-сказка нередко появляются в зачине поэм, рассказов, стихотворений раньше главных героев. Этот вариант зачина мы видим и в рассказе Вэллы «Поговори со мной». Читая рассказ, мы только после появления скатившегося с ладони Слова постепенно узнаем из содержания диалога героев, что общаются молодые люди – студентка, приехавшая на каникулы, и оленевод. Их внутренний диалог, наполненный просыпающейся симпатией и влюбленностью, отличается от сдержанного реального (живого) общения героев. И такое сочетание мысленного и звучащего слова создает ситуацию, активизирующую действие в рассказе, интригуя, привлекает внимание читателя. Слово-персонаж в рассказе участвует как некий наблюдатель за внутренней и проявленной письменной, а также звучащей в воображении речью как персонажей, так и автора. Познавательный концепт «слово» активно наполняется новым смыслом, обретая статус художественности.

Художественный концепт и концептосфера в творчестве Юрия Вэллы

В процессе анализа значительного количества работ о литературе народов Севера было отмечено, что проблема выявления сущности и функционирования художественных концептов остается нераскрытой и требует должного внимания. Для ее решения, и определения подходов к проблеме, был рассмотрен ряд произведений ненецкого писателя Юрия Вэллы, который уделял творящей силе слова особое внимание, осуществляя поиск оригинальных жанров, стремился сохранить родовую этничность в процессе транскультурации. Мастерски владея ненецким и русским языками, он хорошо знал также язык хантов, с которыми лесные ненцы живут по соседству, писал свои произведения на трех языках, внося вклад в подтверждение рациональности и жизненности маркера: «Я и другие – не дихотомия, а континуум».

В качестве основной задачи в работе стал анализ символики, а также значимости и роли художественных концептов, концептосферы в произведениях ненецкого автора.

В современной науке концепт (от лат. *conceptus* – собрание, восприятие, зачатие) – акт «схватывания» смыслов вещи (проблемы) в единстве речевого высказывания), введенный в философию П. Абеляром в связи с анализом проблемы универсалий, потребовавшим расщепления языка и речи, активно используется философами и лингвистами, этнологами и психологами, и в меньшей мере литературоведами, хотя следует отметить, что материалом для обоснования гипотез в разных науках служат чаще всего фольклор и литература. В ходе проведенного нами исследования осуществлялась опора на междисциплинарный подход, в частности, в построении гипотезы о художественных концептах в литературе использованы философские достижения, полученные в процессе анализа мышления, его конституирующих форм, моделей, с помощью которых человек в различное историческое время воспринимал те или иные реалии. Эти модели мышления могут конкурировать друг с другом, сталкиваться. Философы стремятся решить задачи извлечения и прояснения категорий и моделей, в терминах которых люди мыслят. Они уделяют значительное внимание разъяснению того, что означает концепт. Для понимания сути художественных концептов в литературе, в том числе новописьменной литературе ненцев, представлялось особо значимым выявление скрытых в метафорическом орнаменте философских трудов сущностных свойств концепта.

Автор термина «художественный концепт» философ С. А. Аскольдов уделял значительное внимание постижению таинства слова. Он обозначил отделение своего нового термина от других концептов в процессе размышлений о сути и значимости концептов в искусстве, в том числе и в литературе. Общим для него стало одно «загадочное явление»: как слово, не вызывая никаких художественных «образов», создает художественное впечатление, имеющее своим результатом духовное обогащение, так и концепт, не вызывая никакого познавательного «представления», понимается и создает «нечто», могущее быть объектом точной логической обработки. Аскольдов поставил вопрос: «Что это за туманное “нечто”, в котором в области знания всегда, а в искусстве слова в значительной мере заключается основная ценность?» [2, с. 29]. И сам дал ответ: «В проблеме познания это “нечто” носит название “концепта”, под которым надо разуметь два его вида: “общее представление” и “понятие”. В проблеме искусства это “нечто” пока не связано, с четким термином. Мы будем называть его “художественным концептом” с полным сознанием имеющихся в данном случае существенных отличий» [2, с. 29].

Следует отметить, что своей работой Аскольдов как бы, возродил идеи Средневековья, времени, когда активно дискутировался вопрос об истоках и сущности универсалий и был обоснован предложенный философом П. Абеляром термин «концепт».

С. А. Аскольдов развил идеи об универсалиях и концепте, обосновал отличие художественного концепта от познавательного, отметив его психологическую сложность, ассоциативность и динамическую устремленность к потенциальным образам. Рассматривая понимание концептов, он выделяет их заместительную роль в области мысли, которая совпадает по своей цели и по значению с разного рода заместительными функциями в области реальных жизненных отношений.

Оценивая вклад С. А. Аскольдова в возрождение и развитие теории концепта, дополняя его, Д. С. Лихачев в своем докладе на конференции в ИМЛИ РАН (октябрь 1993), а также позднее в одноименной работе «Концептосфера русского языка» обосновал предложенный им термин «концептосфера», расширил сферу исследования художественного концепта в сторону историко-культурного рассмотрения. Он обозначил свое видение концепта:

«В отличие от С. А. Аскольдова, я полагаю, что концепт существует не для самого слова, а, во-первых, для каждого основного (словарного) значения слова отдельно и, во-вторых, предлагаю считать концепт своего рода “алгебраическим” выражением

значения (“алгебраическим выражением” или “алгебраическим обозначением”), которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей их сложности человек просто не успевает, иногда не может, иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т. д.) Заместительная функция концепта облегчает общение еще в одном отношении: оно позволяет при языковом общении преодолевать несущественные, но всегда существующие между общающимися различия в понимании слов, их толковании, отвлекаться от “мелочей” (иногда, впрочем, очень важных, например, в поэзии) [3, с. 242].

Д. С. Лихачев отмечал значимость работ лингвокультуролога Ю. С. Степанова для активизации внимания к концепту как многослойной и многофункциональной категории, назвал появление его трудов и его школы актом высвечивания идей С. А. Аскольдова.

В «Словаре русской культуры» Ю. С. Степанова [4] широко использован потенциал научного знания, методы разных наук. В процессе наполнения словарных статей в роли истоков использованы литературные произведения. Также привлечены в разной степени и методология, знания социологии и ряда других гуманитарных наук, в том числе естественных, в частности, математики. В статье о концепте «Культура» привлечен семиотический подход, представлена в статьях (без ссылки на автора, к сожалению) заместительная функция художественного концепта С. А. Аскольдова при описании эволюционных родов. Для исследователей художественного концепта в литературе словарь Ю. С. Степанова — значимое подспорье.

В процессе раскрытия сущности архетипов, создающих концептосферу, нами знания из области психологии. По мнению К. Юнга, «любое отношение к архетипу, переживаемое или просто именуемое, “задевает” нас; оно действительно потому, что пробуждает в нас голос более громкий, чем наш собственный» [5, с. 230].

В процессе определения специфики и значимости художественных концептов и концептосферы для становления ненецкой литературы на материале произведений Вэллы осуществлялась опора на работы этнографов А. М. Кастрена [6] и Л. В. Хомич [7], историка Е. Т. Пушкаревой [8], фольклористов Т. Лехтисало [9] и Л. А. Лара [10]. В ходе раскрытия исследуемой темы были активно использованы принципы исследования жизненного и художественного текста, направленные на «прозревание вещей невидимых в вещах очевидных» [11, с. 11].

Художественный концепт, как отмечал Д. С. Лихачев, может быть определен автором в названии произведения и стать значимым для раскрытия содержания, в комплекте с другими концептами формировать концептосферу. «Ветерок с озера» — так назвал Юрий Вэлла сборник и рассказ, включающий раздумья пожилых оленеводов о будущей судьбе своего стойбища, расположенного на берегу озера. Стихия ветра у лесных ненцев в летнее время становится помощником для пастухов и спасением оленей от одолевающих их насекомых. Ветерок с открытого пространства, с озера разгоняет дым костров. В начале повествования мы узнаем, что человека без имени, дедушку шестилетнего мальчика Хылу, и бабушку, тоже без имени, что было свойственно ненецким сказкам, где многие герои нередко присутствовали без указания имен (уточнялась лишь родственная связь с главным персонажем, у которого было имя), волнует предстоящее осенью поступление внука в школу. «Не отнимет ли и его у меня шумный город? — тревожится пожилой оленевод. Трое сыновей его, уехав на учебу, не продолжили дело его и предков. Автор, настроив и читателя на раздумья, создает в рассказе благодатную атмосферу бытия в оленеводческом стойбище, подчеркивая его привлекательность. Описывает красоту и единение человека и окружающей природы. Соучаствует в создании гармонии жизни и ветерок с озера. Символично его появление, связанное с человеком — оленевод раздул тлеющие угольки кострища, добавил дров и мха, «и легкий ветерок потянул в лес облако вязкой пелены дыма, в котором один за другим

скрывались олени» [1, с. 48]. Ветерок, разгоняя дым, спасал оленей от налипающих насекомых. Известно немало случаев гибели оленей от сосущих кровь комаров. Не случайно Вэлла взял в качестве эпиграфа пословицу лесных ненцев «Настоящий олень от укуса первого весеннего комара торопится туда, где в детстве вдохнул запах дымокура». Утренний ветерок в рассказе способствует защите оленей и человека от вредителей. На озере ветер играючи пробуждал от сна воду и активизировал жизнь водного мира, прибрежную траву и кустарник, который стал что-то нашептывать. «Ветерок-шалун» сумел своим неожиданным порывом отвлечь оленевода от нахлынувших внезапно мыслей об ослаблении, угасании многолюдной в прошлом жизни стойбища, направив внимание на проснувшегося и выбежавшего из чума внука как надежду на воскрешение. Создает впечатление доброжелательного отношения дедушки к внуку ласковый ветерок, который играет в волосах и на лице мальчика, когда они едут на обласе (лодке) на рыбалку. Затихший вечером ветер позволяет и людям, и животным насладиться ароматом прибрежных трав и цветов. Однако в мыслях оленевода периодически появляются сомнения: не забудет ли внук во время учебы кочевую жизнь, аромат родного леса, стойбища, запах дымокура, вкус оленьего мяса и рыбы на свежем воздухе, когда лицо ласкает ласковый прохладный ветерок с озера» [1, с. 53]. Тревожные раздумья оленевода оказались напрасными. Соучастие доброжелательного ветерка не осталось забытым уже юношей Хылу, с которым встречается читатель в заключении рассказа. Студент зооветинститута готовится вернуться в стойбище и часто навещает дедушку и бабушку, в городе он нередко вспоминает, как по утрам «в лицо дул прохладный ветерок с озера».

Художественный концепт “ветер” в рассказе символичен, участвует в создании образов и в композиционно-сюжетном построении. При его поддержке читатель постигает не только мир настоящего и прошлого бытования ненецкого народа, его мировидение, но и приобщается к размышлениям автора и героев о будущем, об актуальных проблемах сохранения традиционного образа их жизни. Поскольку проблема перехода на оседлый образ жизни и ухода из оленеводства молодежи была особо важной для ненцев, ханты и других северных народов, Вэлла выделил рассказ, написанный в 1970 г., как особо значимый и при составлении сборника, дал ему название «Ветерок с озера» [1].

Слово “ветер”, означающее природную стихию, в рассказе Вэлла трансформировалось в художественный концепт, в загадочное явление, создающее живительное впечатление, духовно обогащающее, ценное для раскрытия сгустка смыслов и специфики сюжетно-композиционного построения, могущее быть объектом точной логической обработки.

Наполняясь художественными концептами, концептосфера и рассказа, и всего сборника становится составляющей индивидуально-авторского творческого процесса, отражением его самосознания, мифологического мировидения. Юрий Вэлла был активным собирателем и хранителем устного народного творчества, в создании произведений опирался на его национально-исторические традиции, развивая их. Он активно использовал, например, краткие сообщения, характерные для мифов и легенд, активизировал бытовавший у ненцев синкретизм устной поэзии и прозы, внутреннюю диалогичность речи. Совмещая в одном лице литератора, мыслителя, хранящего духовные ценности народа, общественного деятеля и образцового оленевода, Вэлла «созидал «картину мира», мифологизируя собственную личность и судьбу, воссоздавая уходящие культурные парадигмы» [12, с. 282].

Художественный концепт «любовь», имея биологическую чувственную подоснову, является одним из наиболее поэтизированных. Он многослоен и богат образностью в творчестве Вэлла. Автором задействованы разнообразные мотивы пробуждения любви: родительская любовь, любовь к родной земле, к отечеству, а также часто определяющая судьбу человека – любовь мужчины и женщины. В пятом разделе книги «Ветерок с озера» под названием «Сказание о любви» собраны семь разнообразных по форме рассказов о проявлении этого всемогущего и мятежного чувства. В рассказе

«Твоя Родина» присутствует ностальгическое пробуждение любви к родной земле двух симпатизирующих друг другу молодых людей, приехавших навестить родные места, где они жили в раннем детстве, но потом волею судьбы учились и жили вдалеке от них. Понимая, что герои не могут сами поделиться воспоминаниями и знаниями о полузабытом крае, автор задает наводящие вопросы-напоминания о тундровой жизни, ее природы, дополняя собственными размышлениями о насущных проблемах. Комментируя их возможные отрывочные воспоминания из детства, автор предлагает молодым людям задуматься о душевной боли оставленных ими в одиночестве (сиротстве) матерей и бабушек.

Для усиления эмоционального воздействия своих слов писатель напоминает об Авке – олененке-сироте, одиноко стоящем на соседнем с чумами бугре, долго и неподвижно всматривающемся вдаль. Авка – это оставшийся без матери олененок, которого обычно брали в чум и выкармливали. Создавая зооморфный образ, автор персонифицирует его, предполагая, что возможно, тот видит задранную волками мать и, страдая, пребывает в тоске. Эти эмоции не покидают его и тогда, когда он становится крупным, гордым и красивым оленем. По мнению автора, олень остается таким же одиноким, беззащитным и хрупким, как тот мир, который его окружает. Напоминаем, что повадки и особенности характера оленей Айваседа изучал и знал в подробностях, вел полевые записи, наблюдая и порой сам участвуя в обрядах, организовал ставшее показательным оленеводческое стойбище и жил в нем. В произведениях Вэлла творчески соединяет познавательный и художественный варианты концепта, связанного с оленем.

Обозначенная писателем как триптих «Азбука оленевода» содержит по семь примет-наставлений в каждой из трех частей: «Поговорки оленевода», «Арифметика оленевода», «Кое-что из «сакральной азбуки» [1, с. 159–164]. Размышляя и наблюдая за приобщением диких оленей, он делает вывод: из дикого оленя воспитать домашнего можно, но только в третьем поколении. Отбить же своих оленей от стада дикарей трудно, но возможно. Для этого, по мнению автора, Природа (написано слово с большой буквы) отпускает три попытки в первые три дня, из которых наиболее эвентуальна только первая попытка. Заводить же оленье стадо, удерживать его невозможно без создания условий, обеспечивающих их сохранность. Одно из них – соблюдение наставлений предков:

«Если ты стал оленеводом, заключи договор с Чернолицым (бурым медведем) такого содержания: «Я не буду охотиться на твоих детей, и ты не охотись на моих оленей». И держи слово, какой бы охотничий азарт тебя ни провоцировал. Тогда у твоих оленей будет меньше проблем» [1, с. 162].

Большинство поэтизированных Вэлла наставлений возникли не только из опыта и собранного фольклора, но и из детских сказок. В ненецкой этологической сказке «Два оленя», помещенной в сборнике «Ненецкий фольклор «под номером 1 и записанной Н. М. Терешенко [13, с. 27–29] отражен древний период из жизни народа – приобщение к оленеводству. Антропоморфные герои дикий и домашний олень ведут диалог о преимуществах бытия каждого из них. Защищающий свободу дикий олень ироничен и насмешлив, дерзко высмеивает зависимость от человека своего визави. Сдержанный в эмоциях домашний олень советует дикому оценить преимущества его бытия. Далее в сюжет включена ситуация из их жизни. Во время сильного ветра пастух отгоняет стадо в ложбину, ночью стережет, отгоняя волков. Дикий же олень из-за ветра и поземки остался голодным, а ночью с трудом добежал до чума, спасаясь от хищника. И здесь его спасает человек. Древняя мифологическая сказка демонстрирует приемы формирования правил общения и взаимодействия с животным миром, которые оказывали воздействие на устранение хаоса. Ритуал покаяния человека перед домашним оленем за лишение его свободы описан Вэлла в рассказе-миниатюре «Жертвоприношение».

В процессе анализа отмечено, что художественный концепт «олень» в произведениях Вэлла на ненецком языке отличается большой смысловой точностью и разнообразием. Присутствуют названия оленей, сопряженные с возрастом, мастью и полом. У ненцев, как

и других народов Севера, свое название имеют олени и в зависимости от выполняемой работы, и от занимаемого места в упряжке, а также от поведения, поскольку не все из них, в частности, любят постоянно держаться вместе, иных же трудно дрессировать при обучении.

Имеющий сакральное происхождение олень находится в мифологии ненцев под покровительством божества Илебямпэртя (его порой определяют, как духа – посланника Нума). Домашний олень на ненецком языке – ты, дикий – илебць. Учитывая, что имя божества и название дикого оленя имеют корень иле – в переводе означает жить, – можно предположить, что именно дикий олень изначально был определен в священные животные. Вторая часть имени божества пэртя означает «делающий что-либо, занимающийся чем-либо, следовательно, имя божества объясняет его предназначение и роль – дарить людям удачную охоту, охранять стадо, обеспечивая таким образом жизнедеятельность и выживание человека. Илебямпэртя, будучи небожителем, был близок к ненцам, ему посвящали жертвоприношения. В одной из ненецких космологических легенд происхождение Илебямпэртя связано с человеком: в ней Нум определил в покровители оленей и птиц человека, который при жизни совершил много добрых дел.

Расшифровать символический язык бессознательного, воздействующего на творческий процесс, на выбор убедительных и побудительных, несамоочевидных тонких метафор непросто. Свое стремление сохранить единение этноса, например, Вэлл завуалировал в стихотворном письме персонажа Т. Юргенсон, обозначив метафизическую связь с оленем и, соответственно, с топосом. В его сознании эти образы присутствуют постоянно, даже вдали от северного края.

Наверное,
Это и есть стадный инстинкт,
И поэтому
Мне долго нельзя в городе —
Я отстану от своего стада
И потеряюсь [14, с. 70].

Для подтверждения того, что художественные концепты и концептосфера во многом зависят от контекста и индивидуальности концептоносителя был использован компаративный подход с привлечением произведений другого ненецкого автора – Василия Ледкова*. Отмечено, например, что в его картинах природы художественный концепт “ветер” представлен не как у Вэлл – благостный ветерок, а как ветер-воитель, выступающий зачинщиком конфликтов, жаждущий борьбы и победы: «Ветер вцепился в хребет волны, / Выпустил когти / А у волны на спине видны / Белые кости» (стихотворение «Ветер вцепился в хребет волны», пер. М. Борисовой) [15, с. 23].

Заключение

В ходе исследования выявлено, как, наполняясь художественными концептами, концептосфера становится частью индивидуально-авторского творческого процесса, отражением его самосознания, мифологического мировидения. Концептосфера произведений Вэлл содержит значительное число художественных концептов, включающих ментальные признаки и явления, сохраненные исторической памятью ненцев. Концепты становятся когнитивно-прагматически значимыми для создания образов и развития сюжетов, воплощения избранной идеи и раскрытия темы. Но роль и своеобразие художественных концептов Вэлл этим не ограничиваются. Проявлено также, что они символичны и диалогичны, а также ассоциативны.

Художественные концепты воплощаются автором в ткань произведений, определяя особенности сюжета и поведение героев. В художественных концептах, кроме разнообразных смысловых значений, присутствует эмотивная составляющая: чувства, желания, волевые импульсы, вообще много иррационального, можно говорить порой об их логической неустойчивости и индивидуации. Однако нельзя не учитывать, что

подоснова их константы содержит смысловую общность, имеет в большей степени познавательный характер и, пересекаясь с неопределенной стихией поэтических слов и приемов, направляет на создание художественных образов и оказывает влияние на раскрытие идейного смысла, авторского замысла. Становится возможным обозначение (определение) художественных концептов и концептосфер как индивидуальных представлений с общей значимостью.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют об его актуальности и значимости для постижения особенностей развития ненецкой и других новописьменных литератур народов Севера на разных языках, способны оказать влияние на совершенствование методологии их изучения.

Л и т е р а т у р а

1. Вэлла, Ю. Ветерок с озера : проза / Юрий Вэлла. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. – 336 с.
2. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская речь. Новая серия. Вып. 2. – Ленинград : ACADEMIA, 1928. – С. 28–44.
3. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка // Дмитрий Лихачев. Избранные труды по русской и мировой культуре. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2015. – С. 240–251.
4. Степанов, Ю. С. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
5. Юнг, К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству / К. Г. Юнг // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. : Трактаты, статьи, эссе. – Москва, 1987. – С. 214–231.
6. Кастрен, М. А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) / М. А. Кастрен – Москва : Тип. А. Семена, 1860. – 495 с.
7. Хомич, А. В. Ненцы. Историко-этнографические очерки / А. В. Хомич. – Москва ; Ленинград : Наука, 1966. – 339 с.
8. Пушкарева, Е. Т. Картина мира в фольклоре ненцев: системно-феноменологический анализ / Е. Т. Пушкарева. – Екатеринбург : Баско, 2007. – 248 с.
9. Лехтисало, Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев) / Т. Лехтисало ; Пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. – Томск : Издательство Томского университета, 1998. – 136 с.
10. Лар, Л. А. Мифы и предания ненцев Ямала / Л. А. Лар. – Тюмень : Изд-во Института проблем освоения Севера СО РАН, 2001. – 290 с.
11. Касаткина, Т. А. «Мы будем-лица...» Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского / Т. А. Касаткина. – Москва : ИМЛИ РАН, 2023. – 432 с.
12. Жулева, А. С. Художественное и ролевое житнетворчество Юрия Вэллы (Айваседы) (80-е гг. XX–начало XXI в.) А. С. Жулева // Мифопоэтическая модель мира в ненецкой литературе. – Москва : ИМЛИ РАН, 2019. – С. 282–310.
13. Куприянова, З. Н. Ненецкий фольклор : Учеб. пособие для пед. училищ / Сост. З. Н. Куприянова. – Ленинград : Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1960. – 293 с.
14. Вэлла, Ю. Земля Любви : диалоги / Юрий Вэлла. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2009. – 75 с.
15. Ледков, В. Н. Ивовое море / В. Н. Ледков. – Архангельск : Сев.-Зап. книж. изд-во, 1968. – 48 с.

R e f e r e n c e s

1. Vella, Yu. (2008) Wind from the Lake: Prose. Khanty-Mansiysk: Polygraphist. (in Russian)
2. Askoldov, S.A. (1928) Concept and Word. In: Shcherba, L.V., Alekseev, S.A., Chernyshev V.I., Peshkovsky A.M (eds.) Russian Speech. New series. Issue 2. Leningrad: ACADEMIA, pp. 28–44. (in Russian)
3. Likhachev, D.S. (2015) Conceptosphere of the Russian Language. In: Likhachev, D.S. Selected Works on Russian and World Culture. St. Petersburg State University Press, pp. 240–251. (in Russian)
4. Stepanov, Yu.S. (1997) Dictionary of Russian Culture. A Research Experience. Moscow: Languages of Russian Culture School. (in Russian)

5. Jung, K.G. (1987) On the Relation of Analytical Psychology to Poetic-Artistic Creativity. In: Kosikov, G.K. (ed.). *Foreign Aesthetics and Theory of Literature of the 19th-20th Centuries. Tractates, Articles, Essays.* Moscow, Moscow University Press, pp. 214–231. (in Russian)
6. Kastren, M.A. (1860) *Alexander Kastren's Travelling in Lapland, Northern Russia and Siberia (1838–1844, 1845–1849).* Moscow: A. Semyon Publishing House. (in Russian)
7. Khomich, A.V. (1966) *Nenets. Historical and Ethnographic Sketches.* Moscow-Leningrad: Nauka. (in Russian)
8. Pushkareva, E.T. (2007) *The Picture of the World in the Nenets Folklore: a System-Phenomenological Analysis.* Ekaterinburg: Basco. (in Russian)
9. Lehtisalo, T. (1998) *Mythology of the Yurako-Samoyeds (Nenets).* Translated from German and published by Lukina N.V. Tomsk: Tomsk University Publishing House. (in Russian)
10. Lar, L.A. (2001) *Myths and Legends of the Nenets of Yamal.* Tyumen: Institute of Problems of Northern Development Publishing House. (in Russian)
11. Kasatkina, T.A. (2023) 'We Will Be-Faces...' Analytical and Synthetic Reading of Dostoevsky's Works. Moscow: IMLI RAS. (in Russian)
12. Zhuleva, A.S. (2019) Artistic and Role Life of Yuri Vella (Aivaseda) (1980s – early 21st Century). In: Zhuleva, A.S. *Mythopoetic Model of the World in Nenets Literature.* Moscow: IMLI RAS, pp. 282–310. (in Russian)
13. Kupriyanova, Z.N. (1960) *Nenets Folklore: Study Guide for Pedagogical Colleges.* Leningrad: Uchpedgiz. (in Russian)
14. Vella, Yu. (2009) *Land of Love: Dialogues.* Khanty-Mansiysk: Polygraphist. (in Russian)
15. Ledkov, V.N. (1968) *The Willow Sea.* Arkhangelsk: Northwest Publishing House. (in Russian)

ЖУЛЕВА Альбина Сергеевна – к. пед. н., с. н. с. отдела литератур народов России, ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН).

E-mail: aszhuleva@mail.ru

Albina S. ZHULEVA – Cand. Sci. (Pedagogy), Senior Researcher, Department of Literatures of the Peoples of Russia, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

УДК 821.37.013

DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-29-35

Диалог культур в образовательно-воспитательном процессе Короленковского университета: к 85-летию ГИПУ

Н. Н. Закирова, В. Н. Мартыанова

Глазовский инженерно-педагогический университет имени В.Г. Короленко, г. Глазов, Россия

✉ natnik50@rambler.ru

Аннотация. В статье дается обзор участия студентов-филологов Глазовского университета в инновационной деятельности, имеющей воспитательное и просветительское значение в социокультурном и образовательном пространстве поликультурной Удмуртии. Проектные работы студентов факультета социальных коммуникаций и филологии, представленные на Межнародном молодежном этническом форуме «Наследие предков» (2024) основаны на материале диалектологических и фольклорных экспедиций, исследований в области этнографии, литературного краеведения, семействедения, методики, науковедения, регионалистики.

Ключевые слова: Короленковский университет, Глазов, Удмуртия, учебно-воспитательный процесс, проектная деятельность, культурология, филология, регионалистика.

Для цитирования: Закирова Н. Н., Мартыанова В. Н. Диалог культур в образовательно-воспитательном процессе Короленковского университета: К 85-летию ГИПУ. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2024, № 4 (16). С. 29–35. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-29-35

A dialogue of cultures in the educational process of Korolenko University: to the 85th anniversary of GEPU

N. N. Zakirova, V. N. Martyanova

V.G. Korolenko Glazov Engineering and Pedagogical University, Glazov, Russia

✉ natnik50@rambler.ru

Abstract. The article reviews the participation of philology students of Glazov University in innovative activities that have educational and enlightening significance in the socio-cultural and educational space of multicultural Udmurtia. The project of students from the Faculty of Social Communications and Philology, presented at the International Youth Ethnic Forum "Heritage of Ancestors" in 2024, are based on the material of dialectological and folklore expeditions, research in the field of ethnography, literary local history, family studies, methodology, science studies, and regional studies.

Keywords: Korolenko University, Glazov, Udmurtia, educational process, project activities, cultural studies, philology, regional studies.

For citation: Zakirova N. N., Martyanova V. N. A dialogue of cultures in the educational process of Korolenko University: to the 85th anniversary of GEPU. *Issues of national literature.* 2024, No 4 (16). Pp. 29–35. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-29-35

Введение

Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» в числе национальных целей развития содержит важное направление: «реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности».

Единственный педагогический вуз Удмуртии – Короленковский университет – шагает в ногу со временем. Современный ГИПУ – флагман физико-математического образования в стране, оплот психолого-педагогических наук и передовых воспитательных практик, точка роста регионоведения Приволжского федерального округа. Вуз активно сотрудничает с центрами русского языка в Таджикистане, Монголии, Венесуэле, Никарагуа, Аргентине, на Кубе. В чести в учебно-воспитательной работе университета сотрудничество с «ближним кругом»: с культурно-просветительскими учреждениями региона.

Студенты факультета социальных коммуникаций и филологии – активные участники событий, проводимых ГИПУ совместно с Домом дружбы народов (ДДН) г. Глазова.

Так, в октябре 2023 г. группа первокурсников-филологов участвовала в фольклорной экспедиции в д. Дзякино Глазовского района, а в марте 2024 г. старшекурсники успешно защитили проекты на Межнациональном молодежном форуме «Наследие предков», призванном сохранить и передать духовные ценности старших молодому поколению и укрепить межнациональные отношения среди подростков и молодежи в поликультурной Удмуртской Республике.

Русская культура Удмуртии в интерпретации студенчества ГИПУ

Проекты, основанные на местном материале, являются наиболее эффективной формой работы по формированию метапредметных компетенций обучающихся. Метод проектов формирует личностные и социально значимые качества и компетенции: умение находить самостоятельно источники, способность ориентироваться в разнообразии информации, умение анализировать, обобщать и представлять ее в виде оформленного результата: доклада и научной статьи.

Представим краткий обзор оригинальных студенческих проектов и публикаций, подготовленных под руководством доцентов кафедры русского языка и литературы ГИПУ Н. Н. Закировой и В. Н. Мартыановой.

Студенты третьего курса Е. Лаптур и А. Мымрина разработали и удачно апробировали сценарий внеклассного мероприятия для обучающихся 5–7 классов «Дерево сильно корнями, а человек – Родиной». Авторы проекта изучили научные источники [1–6], самостоятельно исследовали диалектизмы русского говора деревни Кишонки Балеинского района Удмуртской Республики и продемонстрировали духовно-нравственный потенциал лингвистического материала, собранного студентами в период их диалектологической практики. В занимательной и понятной для школьников форме, с привлечением литературно-краеведческих текстов юные филологи представили уникальный материал для проведения внеклассных мероприятий в школе, направленных на привитие детям духовно-нравственных ценностей, главной из которых является отчизнолюбие [7].

Старшекурсница А. Главатских в проектной работе «Из поколения в поколение: педагогическая династия рода Казаковых» убедительно доказала, что изучение наследия предков – важнейшая задача не только каждой семьи, но и государства, которое славится прежде всего своими гражданами, мастерами своего дела и патриотами родной земли. Роль учителя в формировании молодого поколения самая важная, наряду с семейным воспитанием. Для достижения цели: характеристики педагогической династии рода Казаковых – хранителей и носителей интеллектуальных и культурных традиций русского учительства – студентом был решен целый комплекс задач, опубликованы статьи о

665-летнем педагогическом стаже своих предков и было убедительно продемонстрировано, что продолжение и развитие профессиональной династичности – показатель верности традициям, возрастания мастерства и преданности своему делу [8, 9].

Третьекурсница С. Шкляева посвятила свой проект описанию многообразных форм сотрудничества студенчества ГИПУ с Обществом русской культуры (ОРК) Глазовского Дома дружбы народов.

Глазов – один из многонациональных городов Удмуртии. В ДДН слаженно работают девять национальных объединений: общества удмуртов, русских, татар, немцев, азербайджанцев, бесермян, евреев, армян и казаков. Эта работа является наглядным примером «диалога культур» в действии. Глазовское отделение Общества русской культуры – одно из самых активных в городе и в регионе. В молодежный его состав входят школьники и студенты. Содружество поколений и народов – приоритетное направление в работе Общества русской культуры, активно сотрудничающего с Глазовским инженерно-педагогическим университетом.

Работа по грантовым программам, посвященным изучению русского языка иностранными студентами ГИПУ и зарубежных стран, связана с разнообразными формами их вовлечения в общекультурную среду России, в мир русских традиций. Иностранные студенты знакомятся с русскими народными костюмами, водят хороводы, играют в русские народные игры, угощаются блюдами национальной кухни, активно погружаются в атмосферу праздников русского народа.

Формирование российской гражданской идентичности – важнейший приоритет государственной образовательной политики России. Деятельное участие студенчества в этом процессе – необходимо для профессиональной подготовки современного учителя [10].

Подхватывая эстафету от С. Шкляевой, выпускник ГИПУ, магистрант УдГУ В. Мусихина представила проект «Русской песни мотив...», посвятив его памяти методиста ОРК Н. Р. Мышкиной. Заслуженный работник культуры Удмуртской Республики Нина Ростиславовна, чутко чувствуя проблемы и потребности современной молодежи, активно занималась культурно-просветительской работой в детских садах, школах, ссузах и вузах города. Частая гостья в студенческих группах всех факультетов ГИПУ, она особенно близка была с будущими учителями-филологами, которые вовлекались ею в интереснейшие мероприятия, совместно воплощали творческие идеи. Она читала лекции-концерты, проводила литературно-музыкальные гостиные, творческие конкурсы, многочисленные фольклорные праздники.

Остались в памяти студенческой молодежи ГИПУ яркие фестивали «ГлазовЭтноФест» и исследовательский этап проекта «Наследие предков». Месячники русской культуры в Глазове, проводимые ежегодно в апреле ОРК в интересной и постоянно меняющейся форме, знакомят с такими жанрами устного народного поэтического творчества, как сказки, былины, песни, частушки, пословицы, поговорки, загадки. Все эти фольклорные жанры в Год культурного наследия народов России стали основой праздника русской культуры «В мире нет милей и краше песен и преданий наших». В Доме дружбы народов было проведено это мероприятие с участием творческих коллективов, студентов и школьников Глазовского района. Методические разработки по русскому фольклору являются ценным материалом для будущих учителей-словесников [11, 12].

В номинации конкурса «Герои нашего времени» студент пятого курса Я. Соловьева достойно представила проект «Фольклорист и краевед А. Г. Татаринцев в памяти студентов ГИПУ». Старшекурсница осветила жизненный и профессиональный путь ученого, чье научное наследие для современной молодежи – безусловный образец бережного отношения к русской истории, культуре и литературе. Глубина и основательность его познаний обладают воспитательным потенциалом, оказали влияние на историю образования в Глазове, на становление филологической научной школы в ГИПУ и составляют гордость российской науки. Память о выдающемся русском ученом, педагоге,

фольклористе и краеведе увековечена в энциклопедии «Удмуртская Республика», в кабинете его имени в ГИПУ, в курсовых и дипломных работах студентов филфака, в книгах и статьях о нем [9, 11, 13–16].

В номинации «На перекрестке культур (взаимодействие разных культур, их сходство и различия)» выпускник ГИПУ М. Скрыбина защитила проект «Книга дружбы народов "Глазов литературный"».

Альманах «Глазов литературный» представляет собой продолжение ранее вышедшей в издательстве «Удмуртия» книги «Глазов в лицах и фактах» [17–19]. В нем представлены художественные произведения поэтов и прозаиков, а также публицистика и литературная критика авторов разных поколений, биографически связанных с городом на Чепце и отражающих в своем творчестве исторические судьбы, культуру и литературу северной столицы Удмуртии. Книга содержит тексты представителей разных поколений, профессий и национальностей. В числе 85 авторов русские, удмуртские, татарские, азербайджанские, немецкие, финские авторы. Иллюстрированное портретами и видами города издание включает художественные тексты на разных языках.

Справедливо мнение М. Скрыбиной: «Альманах является площадкой для публикации художественных произведений, публицистики и литературной критики авторов разных возрастов (есть и наши студенты). Это позволяет сохранить и передать будущим поколениям историю, культуру и литературное наследие Глазова, привлечь внимание к творчеству местных авторов. Проект "Глазов литературный" способствует развитию литературного краеведения, формированию интереса к истории и культуре родного края, патриотическому воспитанию молодежи. Такие проекты способствуют созданию положительного имиджа региона, привлечению внимания к нему со стороны туристов, инвесторов и творческих людей, что в свою очередь способствует его развитию в целом».

Заключение

Глазовское студенчество по программам учебной деятельности и воспитательной работы вуза серьезно вовлечено в занятия регионалистикой [20]. Спектр проблем творческих, научных и практико-ориентированных проектов, представленных студенчеством Короленковского университета на форуме «Наследие предков», отвечает современным вызовам и соответствует требованию «воспитания патриотичной и социально ответственной личности».

Л и т е р а т у р а

1. Закирова, Н. Н. Языковые черты речи русского населения севера Удмуртии (грамматический уровень) / Н. Н. Закирова, В. Н. Мартянова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 11(149). – DOI 10.60797/IRJ.2024.149.61.
2. Мартянова, В. Н. Языковые черты речи русского населения севера Удмуртии (фонетический уровень) / В. Н. Мартянова, Н. Н. Закирова // Российский лингвистический бюллетень. – 2024. – № 7(55). – DOI 10.60797/RULB.2024.55.22. – EDN HBIUAV.
3. Мартянова, В. Н. Слово в русских говорах Удмуртии : учеб. пособие по спецкурсу «Лингвокраеведение Прикамья» для студентов филолог. факультетов и школьников 10–11 гуманитарных классов / В. Н. Мартянова. – Глазов : ГГПИ, 2004. – 88 с.
4. Мартянова, В. Н. Топонимы – источник информации о лексике русских народных говоров / В. Н. Мартянова, В. С. Тюкалова // Проблемы школьного и дошкольного образования : материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Глазов, 22–26 марта 2021 года. – Глазов : Глазовский государственный педагогический институт имени В.Г. Короленко, 2021. – С. 305–309. EDN: WEHSWY.
5. Мартянова, В. Н. Русская диалектная лексика – источник формирования метапредметных компетенций обучающихся средней школы / В. Н. Мартянова, В. В. Соснина // Проблемы школьного и дошкольного образования : Материалы X региональной научно-практической конференции,

Глазов, 25–29 марта 2019 года. – Глазов : Глазовский государственный педагогический институт имени В.Г. Короленко, 2019. – С. 225–230.

6. Мартянова, В. Н. Воплощение идей ФГОС в практике учителя (на примере проекта на основе диалектизм) / В. Н. Мартянова // Проблемы школьного и дошкольного образования : Материалы IX региональной научно-практической конференции, Глазов, 20–23 марта 2018 года. – Глазов : Глазовский государственный педагогический институт имени В.Г. Короленко, 2019. – С. 330–335. EDN: BNIRCF.

7. Мырина, А. Синтаксические конструкции в русском говоре Д. Киршонки Базезинского района Удмуртской Республики / А. Мырина // Славистика : новые имена в науке : Сборник научных трудов участников VII Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции молодых ученых, приуроченной к 150-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова и Году педагога и наставника, Горловка, 07 декабря 2023 г. – Горловка : Донецкий государственный педагогический университет, 2024. – С. 112–114. – EDN RVDKOK.

8. Главатских, А. П. Верность профессии учителя, как семейная ценность педагогической династии / А. П. Главатских // История, теория и практика развития педагогических идей в свете современных тенденций образования : Статьи и материалы II Всероссийской студенческой научно-практической конференции (с международным участием), посвященной Году педагога и наставника, 21 мая 2024 г. Коломна / под общей редакцией: М. Н. Кадыковой, Г. С. Вяликовой. Редакционная коллегия: С. А. Ермолаева, С. С. Савельева, В. В. Трофимова, Т. В. Яковлева. – Коломна : ГСГУ, 2024. – С. 77–80.

9. Главатских, А. П. Из истории педагогической династии Казаковых / А. П. Главатских, Н. Н. Закирова // Основные тенденции гуманитарного образования : векторы современного развития : материалы Итоговой очно-заочной научно-практической конференции / под ред. С. Л. Скопкаревой, И. А. Гришановой. – Ижевск : Шелест, 2024. – С. 44–48.

10. Закирова, Н. Н. Курс краеведческого марафона ГГПИ – воспитание отчизнолюбия молодежи / Н. Н. Закирова // Актуальные вопросы отечественной теории и практики социального воспитания подрастающего поколения: Сбор. науч. трудов Всерос. НПК. – Глазов : ГГПИ, 2022. – С. 62–69.

11. Закирова, Н. Н. В мире нет милей и краше песен и преданий наших (Сценарий праздника русской культуры) / Н. Н. Закирова, С. С. Маратканова, Н. Р. Мышкина // Основные тенденции гуманитарного образования : векторы современного развития: Материалы НПК преподавателей и студентов, Ижевск, 8 июня 2022 г. – Ижевск : Шелест, 2022. – С. 405–409.

12. Мусихина, В. В. Глазовское студенчество и русская культура Удмуртии / В. В. Мусихина, Д. А. Сысоева // Воспитание будущего учителя-исследователя : Сборник материалов по итогам научной сессии студентов, Глазов, 01–20 апреля 2021 года. – Глазов : Глазовский государственный педагогический институт имени В.Г. Короленко, 2021. – С. 127–133. – EDN NLNABJ.

13. Закирова, Н. Н. А. Г. Татаринцев / Н. Н. Закирова // Современное короленковедение : биобиблиографический справочник. – Глазов : ГИПУ, 2023. – С. 127–131; 247.

14. Закирова, Н. Н. Подвижник науки: А. Г. Татаринцев / Н. Н. Закирова // «Сеять разумное, доброе, вечное» : Преподаватели Глазовского пединститута в воспоминаниях, очерках, рассказах. – Вып. IV. – Глазов, 2014. – С. 178–181.

15. Закирова, Н. Н. Профессор А. Г. Татаринцев – основатель научной школы / Н. Н. Закирова // Научное обозрение : гуманитарные исследования. – Москва, 2015. – № 3. – С. 99–105.

16. Закирова, Н. Н. Памяти медиевиста А. Г. Татаринцева : к 95-летию ученого / Н. Н. Закирова, Я. А. Чиговская-Назарова // Литература Древней Руси и Нового времени : Материалы XII Всероссийской конф.: Москва, 1–2 декабря 2022 г. – Москва : МПГУ, 2023. – С. 336–348.

17. Глазов в лицах и фактах / Сост. Л. Ф. Смелков, Н. Н. Закирова, Е. Н. Мишина. – Ижевск : Удмуртия, 2023. – 304 с.

18. Глазов литературный / Сост. Л. Ф. Смелков, Н. Н. Закирова, Е. Н. Мишина. – Ижевск : Шелест, 2023. – 468 с.

19. Закирова, Н. Н. Книга дружбы «Глазов литературный» / Н. Н. Закирова // Современные проблемы исследования национальной классики : Материалы Всероссийской научно-практической

конференции с международным участием, посвященной 75-летию со дня рождения Л. П. Кулаковской, Якутск, 06–07 декабря 2023 года. – Якутск : Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, 2024. – С. 194–199. – EDN BPFOFC.

20. Zakirova N.N. Regional component in the main curriculum of secondary general education / N.N. Zakirova, V.N. Martyanova, O.Yu. Ovchenkova [et al.] // SHS Web of Conferences: International Scientific Conference "Eurasian Educational Space: Traditions, Reality and Perspectives" 2021, Glazov, May 12, 2021. Vol. 121. – Glazov: EDP Sciences, 2021. – P. 02009. EDN: AHVMMQ

References

1. Zakirova, N.N. (2024) Linguistic Features of Speech of the Russian Population in the North of Udmurtia (Grammatical Level). *International Scientific Research Journal*, 11(149). DOI 10.60797/IRJ.2024.149.61 (in Russian)

2. Martyanova, V.N. (2024) Linguistic Features of Speech of the Russian Population in the North of Udmurtia (Phonetic Level). *Russian Linguistic Bulletin*, 7(55). DOI 10.60797/RULB.2024.55.22. EDN HBIUAV. (in Russian)

3. Martyanova, V.N. (2004) *Word in Russian Dialects of Udmurtia*: a textbook on the special course "Linguistic studies of the Kama region" for students of philological faculties and schoolchildren of 10-11 humanities classes. Glazov: GEPU. (in Russian)

4. Martyanova, V.N. (2021). Toponyms as a source of information on the vocabulary of Russian folk dialects. In: *Problems of school and preschool education: proceedings of the 12th All-Russian conference (with international participation)*, Glazov, 2021. Glazov: V.G. Korolenko Glazov State Pedagogical Institute, pp. 305–309. EDN: WEHSWY. (in Russian)

5. Martyanova, V.N. (2019) Russian dialectal vocabulary as a source of formation of meta-subject competencies of secondary school students. In: *Problems of school and preschool education: proceedings of the 10th regional scientific and practical conference*, Glazov, 2019. Glazov: V.G. Korolenko Glazov State Pedagogical Institute, pp. 225–230. (in Russian)

6. Martyanova, V.N. (2019) Implementation of the ideas of the Federal State Educational Standard in the practice of a teacher: a case of a project based on dialectisms). In: *Problems of school and preschool education: proceedings of the 9th regional conference*, Glazov, 2018. Glazov: V.G. Korolenko Glazov State Pedagogical Institute, pp. 330–335. EDN: BNIRCF. (in Russian)

7. Mymrina, A. (2024) Syntactic constructions in the Russian dialect of the village of Kirshonki, Balezinsky district, Udmurt Republic. In: *Slavic studies: new names in science: proceedings of the 7th All-Russian full-time and part-time conference of young scholars dedicated to the 150th anniversary of the birth of Ushakov and the Year of the Teacher and Mentor*, Gorlovka, 2023. Gorlovka: Donetsk State Pedagogical University, pp. 112–114. EDN RVDKOK. (in Russian)

8. Glavatskikh, A.P. (2024) Loyalty to the teaching profession as a family value of a pedagogical dynasty. In: *Kadykova, M.N., Vyalikova G.S. (eds.) History, theory and practice of development of pedagogical ideas in light of modern educational trends: proceedings of the 2nd All-Russian student conference (with international participation) dedicated to the Year of the Teacher and Mentor*, Kolomna, 2024. Kolomna: GSGU, pp.77–80. (in Russian)

9. Glavatskikh, A.P. (2024) From the history of the pedagogical dynasty of the Kazakovs. In: *Skopkareva S.L., Grishanova I.A. (eds.) Main trends in humanitarian education: vectors of modern development: proceedings of the Final in-person and correspondence conference*. Izhevsk: Shelest, pp. 44–48. (in Russian)

10. Zakirova, N.N. (2022) Course of the local history marathon of the State Pedagogical Institute: education of love for the fatherland in youth. In: *Current issues of domestic theory and practice of social education of the younger generation: proceedings of the all-Russian conference*. Glazov: GSPI, 2022, pp. 62–69. (in Russian)

11. Zakirova, N.N. There are no songs and legends in the world sweeter and more beautiful than ours (a scenario of the Russian cultural festival). In: *Main trends in humanitarian education: vectors of modern development: proceedings of the Conference of Teachers and Students*, Izhevsk, 2022. Izhevsk: Shelest, pp. 405–409. (in Russian)

12. Musikhina, V.V. (2021) Glazov students and Russian culture of Udmurtia. In: *Education of the future teacher-researcher: collection of materials based on the results of the scientific session of students, Glazov, 2021*. Glazov: V.G. Korolenko Glazov State Pedagogical Institute, pp. 127–133. EDN NLNABJ. (in Russian)
13. Zakirova, N.N., Tatarintsev, A.G. (2023) *Modern Korolenko Studies: biobibliographic reference book*. Glazov: GEPU, pp. 127–131. (in Russian)
14. Zakirova, N.N. (2014) *Devotee of Science: A. G. Tatarintsev*. In: Pozdeev, G.A. (ed.) *Sowing the Reasonable, the Good, the Eternal: Teachers of the Glazov Pedagogical Institute in Memoirs, Essays, Stories, Vol. IV*. Glazov: GEPU, pp. 178–181. (in Russian)
15. Zakirova, N.N. (2015) Professor A. G. Tatarintsev as a Founder of an Academic School. *Scientific Review: Humanities Research*, 3, pp. 99–105. (in Russian)
16. Zakirova, N.N. (2023) In memory of the medievalist A. G. Tatarintsev: to the 95th anniversary of the scholar. In: *Ancient literature and the new time: proceedings of the 12th All-Russian Conference, Moscow, 2022*. Moscow: Moscow State Pedagogical University, pp. 336–348. (in Russian)
17. Smelkov, L.F., Zakirova N.N., Mishina E.N. (eds.) (2023) *Glazov in Persons and Facts*. Izhevsk: Udmurtia. (in Russian)
18. Smelkov, L.F., Zakirova N.N., Mishina E.N. (eds.) (2023) *Literary Glazov*. Izhevsk: Shelest. (in Russian)
19. Zakirova, N.N. (2024) The Book of Friendship "Literary Glazov". In: *Modern problems of studying national classics: proceedings of the all-Russian conference with international participation dedicated to the 75th anniversary of the birth of L. R. Kulakovskaya, Yakutsk, 2023*. Yakutsk: M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, pp. 194–199. EDN BPFOFC. (in Russian)
20. Zakirova N.N. (2021) Regional component in the main curriculum of secondary general education. In: *SHS Web of Conferences: International Scientific Conference Eurasian Educational Space: Traditions, Reality and Perspectives 2021, Glazov, 2021, Vol. 121*. Glazov: EDP Sciences, p. 02009. EDN: AHVMMQ

ЗАКИРОВА Наталия Николаевна – к. филол. н., доцент, ФГБОУ ВО «Глазовский государственный инженерно-педагогический университет имени В.Г. Короленко».

E-mail: natnik50@rambler.ru

Natalia N. ZAKIROVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, V.G. Korolenko Glazov State Engineering and Pedagogical University.

МАРТЬЯНОВА Вера Николаевна – доцент, ФГБОУ ВО «Глазовский государственный инженерно-педагогический университет имени В.Г. Короленко».

E-mail: vnmartyanova48@yandex.ru

Vera N. MARTYANOVA – Associate Professor, V.G. Korolenko Glazov State Engineering and Pedagogical University.

УДК 821.512.157Ойунский.09

DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-36-42

1928-1929 годы – переломный период в биографии П. А. Ойунского

В. П. Николаев, В. Б. Окороква

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ bokorsaisar@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена одной из малоизвестных страниц многогранной деятельности выдающегося государственного, общественного деятеля, писателя П. А. Ойунского – это годы его работы наркомом просвещения, здравоохранения и социального обеспечения Якутской АССР (06.01.1928–04.03.1929). О Платоне Алексеевиче Слепцове–Ойунском написано множество статей, очерков, воспоминаний, стихотворений, издано много книг, сборников, альбомов и т. п. Его имя внесено в энциклопедии, справочники. Но все же есть еще нераскрытые страницы из его короткой жизни, это его жизнедеятельность в 1928–1929 гг. Эти годы стали переломными в его судьбе, когда П. А. Ойунский пересмотрел свои взгляды на многие общественные процессы и определил свой дальнейший путь как ученого и творческого человека. Восстановление исторической справедливости и полной картины жизнедеятельности государственного деятеля, писателя и ученого П. А. Ойунского продолжается до сих пор и становится необходимой задачей исследователей.

Ключевые слова: П. А. Ойунский, нарком, национальная культура, общественная деятельность, государственный деятель, творчество, судьба писателя, история Якутии, общественно-политическая жизнь Якутии.

Для цитирования: Николаев В. П., Окороква В. Б. 1928-1929 годы – переломный период в биографии П. А. Ойунского. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature*. 2024, № 4 (16). С. 36–42. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-36-42

The years of 1928-1929: a turning point in Platon Oyunsky's biography

V. P. Nikolaev, V. B. Okorokova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ bokorsaisar@mail.ru

Abstract. This article is devoted to one of the little-known pages of the multifaceted activity of the outstanding statesman, public figure, writer Platon Alekseevich Sleptsov–Oyunsky: the years of his work as the Commissar of Education, Health and Social Security of the Yakut ASSR (06 January 1928–04 March 1929). Numerous articles, essays, memoirs, poems have been written about Platon Oyunsky, as well as many books, collections, albums, etc. have been published. His name is included in encyclopedias and reference books. However, there are still undiscovered pages from his short life, namely, his life activity in 1928–1929. These years became a turning point in his fate, when Platon Oyunsky revised his views on many social processes and determined his future path as a scholar and creative person. Restoration of historical justice and a full picture of the life activity of the statesman, writer and scholar Platon Oyunsky continues until now and becomes a necessary task for researchers.

Keywords: Platon Oyunsky, People's Commissar, national culture, public activity, statesman, creativity, fate of the writer, history of Yakutia, social and political life of Yakutia.

For citation: Nikolaev V. P., Okorokova V. B. The years of 1928-1929: a turning point in Platon Oyunsky's biography. *Issues of national literature*. 2024, No 4 (16). Pp. 36–42. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-36-42

Введение

О Платоне Алексеевиче Слепцове–Ойунском написано множество статей, очерков, воспоминаний, стихотворений, издано много книг, сборников, альбомов и т. п. Его имя внесено в энциклопедии, справочники. Но все же есть еще нераскрытые страницы из его короткой жизни, это его жизнедеятельность в 1928–1929 гг. Эти годы стали переломными в его судьбе, когда Ойунский пересмотрел свои взгляды на многие общественные процессы и определил свой дальнейший путь как ученого и творческого человека.

Данная статья посвящена одной из малоизвестных страниц многогранной деятельности выдающегося государственного, общественного деятеля, писателя П.А. Ойунского – это годы его работы наркомом просвещения, здравоохранения и социального обеспечения Якутской АССР (06.01.1928–04.03.1929).

Этот созидательный и творческий период работы, когда он руководил тремя социально значимыми сферами: просвещение, здравоохранение и социальное обеспечение – от состояния которых зависело социально-культурное развитие общества, на наш взгляд, описан исследователями жизни писателя не в полной мере. Восстановление исторической справедливости и полной картины жизнедеятельности государственного деятеля, писателя и ученого П. А. Ойунского становится необходимой актуальной задачей исследователей.

Деятельность П. А. Ойунского в 1928–1929 гг.

П. А. Ойунский с июня 1926 г. по февраль 1928 г. находился в отпуске в Москве (на лечении). К этому времени здоровье П. А. Ойунского, подорванное туберкулезом, ухудшилось, требовалось лечение. Постановлением ЯЦИК № 10 от 05 июля 1926 г. П. А. Ойунский был освобожден от должности председателя ЯЦИК «ввиду его отъезда в Москву».

По возвращении в Якутск Постановлением СНК ЯАССР от 06 января 1928 г. П. А. Ойунский был назначен наркомом просвещения, здравоохранения и социального обеспечения Якутской АССР (НКПЗС). Этот объединенный наркомат – один из крупных структурных единиц правительства Якутской АССР, функционировал с 29 октября 1923 г.

В 1923–1929 гг. руководителями Наркомата просвещения, здравоохранения и социального обеспечения ЯАССР становились видные государственные и общественные деятели республики, которые в разные годы работали на руководящих постах советско-партийной и хозяйственной деятельности. Это И. Н. Винокуров, С. Н. Донской-П, А. Ф. Бояров и П. А. Ойунский. Очевидно, их большой опыт, масштабность взглядов, организаторские способности, знание жизни и быта местного населения, уважение, которое они заслужили честным служением народу, способствовали укреплению системы охраны здоровья, притом быстрыми темпами и широкими масштабами.

П. А. Ойунский, приступив к работе, начал активную деятельность, нацеленную на развитие просвещения, здравоохранения и социального обеспечения. Тезисы «О мероприятиях по развитию якутской национальной культуры» П. А. Ойунским написаны в январе 1929 г., т. е. почти что век тому назад. Положения тезиса, их разработка, разъяснение, постановка задач и пути их решения актуальны и сегодня. Документ составлен не с поверхностным знанием дела, а с глубоким проникновением автора в аспекты и проблемы намечающейся работы наркомата. Тезисы дают исчерпывающий ответ на вопрос: «Как должна развиваться якутская национальная культура?». Ибо автор тезисов знает и чувствует якутскую национальную культуру не понаслышке, а по той работе, которой он руководил, будучи председателем СНК и ЯЦИК, и по тем масштабным мероприятиям, проведенным Наркомпросздравсобесом, также сам будучи крупным писателем и деятелем родной культуры.

Его директивы по работе НКПЗС были конкретны, охватывали всю масштабную работу Наркомпросздравсобеса и представляли собой программный документ его деятельности на I пятилетку развития народного хозяйства Якутской АССР.

П. А. Ойунский подчеркивает, что надо «жить и развиваться в пределах бюджетных средств и по установленному плану» [1, с. 194]. Это было веление времени. Требовалось

принятие жестких мер по строгому соблюдению бюджета. От бюджета зависела вся работа по внедрению плана развития в жизнь, но он был ограничен, средств всегда не хватало. Об этом талантливый писатель написал в своем сатирическом рассказе «Сылгы төбөтө» («Голова лошади», 1930), где высмеял горе-работников, жарко спорящих и неумело делящих бюджет.

Продолжая дело, начатое им на руководящем посту республики, П. А. Ойунский вел огромную работу по образованию, культуре и здравоохранению в республике. П. А. Ойунский говорил о необходимости развития всех направлений культуры и искусства: литературы, театра и кино, изобразительного искусства, музыки, музейного дела и др. Еще в письме 1926 г. секретарю Якутского ВКП (б) С. М. Аржакову П. А. Ойунский писал о необходимости создания национальной письменности и литературного языка, организации кружка якутских писателей и объединении творческих сил [2]. То есть он планировал создание такого союза писателей, который затем был образован после 1 съезда писателей СССР в 1934 г., и он был избран председателем Правления якутских писателей.

Ойунский обращал серьезное внимание на театральное дело. При этом он сам был активным автором спектаклей, ставились такие его произведения, как «Красный Шаман», «Светлоликая Туйаарыма Куо» и др. Более того, он выступил как театальный критик, что имело большое значение для улучшения качества постановки спектаклей.

П. А. Ойунский всячески поддерживал разностороннюю культурно-просветительскую работу и бережно относился к талантам, например, к писателям А. Е. Кулаковскому, А. И. Софронову, народному певцу С. Звереву, художнику И. В. Попову и др. Так, например, на коллегии НКПЗС, состоявшейся 14.03.1928 г., было обсуждено обращение И. В. Попова «Об изыскании средств для окончания его работ и для продолжения его художественно-исследовательской работы» [1, с. 190]. Обращение художника на коллегии озвучил сам П. А. Ойунский. Коллегия приняла решение «предложить Г. А. Попову совместно с научными обществами возбудить ходатайство о назначении художнику И. В. Попову пенсии или пособия» [1, с. 191].

Известно, что П. А. Ойунский настоял на принятии народных певцов, таких, как Е. Иванова, П. Ядрихинский–Бэдьээлэ, С. Зверев–Кыыл Уола, Н. Степанов–Ноорой и др. в Союз писателей.

Особое внимание уделялось улучшению образования в республике. Строились школы, ширился охват учащихся и увеличивалось количество учителей. В 1927 г. по республике насчитывалось 95 школ, к 1929 г. их количество стало более 200. В НКПЗС в 1928 г. был составлен «План введения всеобщего обязательного обучения в Якутии». Внимание уделялось и подготовке специалистов по народному хозяйству, студентам выдавались стипендии, пособия. Поддерживались и научные исследования, проводимые в республике. Сам П. А. Ойунский в эти годы написал научный труд, имевший огромное значение в изучении героического эпоса-олонхо «Якутская сказка (олонхо)» (1927).

В этот период в Якутской АССР новый импульс развития получила издательская деятельность, в Якутске стали печататься учебники и книги на родном языке.

Огромное внимание уделялось развитию здравоохранения. В 1928 г., в начале первой пятилетки в Якутской АССР функционировали 17 больниц, 40 фельдшерских пунктов, в том числе 30 кроватных и лечебно-профилактических учреждений почти по всем основным видам медицинской помощи, которые можно было организовать в тех социально-экономических условиях. При этом в отличие от предыдущих лет значительно улучшились материально-техническая база и кадровое обеспечение, что было особенно значимо для сельской местности и северных округов. Шла серьезная борьба против туберкулеза, от которого страдали многие жители республики и была высока смертность среди них. В 1928 г. был построен противотуберкулезный диспансер, планировалась постройка противотуберкулезного санатория. Наркомздравсобесом в бюджете 1928 г. на

приобретение рентгенологического кабинета было заложено 5000 руб., на его установку – 60 руб. П. А. Ойунским были приглашены на работу врач-рентгенолог Б. А. Цыбульский, рентгентехник В. Т. Кривенко.

В целом в 1925–1930 гг. в Якутской АССР был заложен фундамент организации комплексной противотуберкулезной работы с вовлечением широких слоев общественности и населения, который как составная часть советской, отечественной системы противотуберкулезной службы в последующем получил международное признание.

Такой прорыв был достигнут и в просвещении, культуре и социальном обеспечении населения.

В 1929 г. П. А. Ойунский написал стихотворение «Кэлэр кэскил ырыата» («Песня о прекрасном будущем»), где художественно описал жизнь и быт своих сородичей: «...в юрте холод и мрак, льдом покрылся тюфяк; земляные полы, плесневеют углы и сыро, и сиро...» [3, с. 48]. В этих тяжелых условиях трахома и туберкулез были распространенными заболеваниями: «Кровенеет слеза, ест трахома глаза, и чахоточный хрип всюду слышать могли б...» [3, с. 49]. Большинство якутского населения проживало в темных, окутанных пеленой густого дыма юртах, совмещенных с хотоном: «куч навозных холмы, – скот, а рядом и мы» [3, с. 48]. Здесь поэт восклицает: «Можно ль в доме таком жить со счастьем рядком, с ним расти, в путь идти!» [3, с. 49]. По причине таких нечеловеческих условий проживания была высокой смертность населения, особенно среди детей и женщин. Потому не раз указывалось на опасность вымирания якутского народа. Об этом он пишет: «Гаснет мой род большой! ...на лежанках найду в скорбной доле своей только трупы детей...» [3, с. 49].

При этом поэт, предвосхищая светлое будущее, восклицает, что его народ не только дом построит и картофель посадит, но овладеет техникой, обратит мощь морей, силу солнца в свою пользу. К этому большому прорыву призывает свой народ: «Ну-ка брат!.. Смело, брат!..» [3, с. 50].

Стихотворение «Кэлэр кэскил ырыата» – произведение о жизни и быте якутского населения в 1920–1930-х гг., призывающее к повсеместной борьбе за их оздоровление. Эту проблему П. А. Ойунский знал хорошо. Он уверен в том, что оздоровление жизни и быта – это залог того, «чтоб отныне вовек счастлив был человек» [3, с. 50].

И он эту уверенность выражает четко и ясно: «Будет так! Только так!» [3, с. 50] (Перевод О. Шестинского).

К 10-летию Октябрьской революции в 1927 г. Ойунский написал рассказ «Сүүс сыллаах улуу былаан» («Великий столетний план»), в котором говорит о прекрасном, счастливом будущем своего народа – жизнь будет развитой, трахома, туберкулез будут побеждены, более того, создадут эликсир здоровья и исчезнут все болезни. Ойунский всегда мечтал о счастье для своего народа, его идеалом человека была образованная, активная и здоровая гармоничная личность.

1920-е гг. были временем бескомпромиссной классовой борьбы, скрытого и открытого противостояния проявлений уходящего старого строя с нововведениями зарождающегося и безудержно укрепляющегося нового мира. В это же время усилились внутривластные распри, проводились т. н. «партистские» в рядах ВКП (б), на всех уровнях властных структур шла политическая борьба по многим аспектам хозяйственного строительства, образования, здравоохранения, культуры, деятельности общественных организаций и т. д.

Эту или похожую на эту ситуацию, выраженную открытым или скрытым противостоянием разных общественных сил на политической арене того периода, на наш взгляд, П. А. Ойунский художественно обрисовал в своем стихотворении «Мөккүөр» («Противостояние»), написанном им в 1925 г. П. А. Ойунский был в гуще этих событий, как председатель ЯЦИК руководил и принимал активное участие в советском строительстве, имел свое видение на настоящее и на будущее родной республики.

В этом стихотворении П. А. Ойунский использовал мотивы известной в народе сказки «Чаркый икки Барыллыа (икки)» (“Чирок и Беркут”). Автор стихотворения не только углубил социальный пласт сказки, но и расширил его до общественно-политической значимости.

В общественно-политической жизни Якутской АССР эти годы ознаменованы трагическими событиями, жестоко было подавлено движение т. н. «конфедералистов» во главе с П. Г. Ксенофонтовым. В результате работы комиссии по делу «ксенофонтовщины» 9 августа 1928 г. вышло Постановление ЦК ВКП (б) «О Якутской организации», которое имело серьезные негативные последствия для местных советско-партийных работников и многих других национальных кадров. Руководители республики были разогнаны. «Как следствие был изгнан из Якутии Максим Кирович Аммосов, лишенный права возвращаться в течение десяти лет» [4, с. 199]. «В проведенной в сентябре 1928 г. VI областной партийной конференции из 30 членов комитета 20 не были включены в новый состав, среди них П. А. Ойунский, М. К. Аммосов, И. Н. Барахов и др. Зная обстановку, Ойунский не явился на конференцию, за что также подвергся критике. Проведенный в 1929 г. VI съезд ЯЦИК исключил из прошлого его состава большинство членов – 26 человек» [5, с. 89]. А. Е. Мординов с горечью писал о том, что огромный потенциал Ойунского как руководителя, организатора советского строительства не был полностью использован: «Он полноценно работал в 1917–1927 гг. в течение всего десяти лет, а это для его возможностей очень маленький срок. После этого времени он занимал незначительные для него должности» [6, с. 190].

В это же время шла жесткая борьба и на литературном поприще. Период характеризовался ужесточением литературной критики, который доходил до навешивания разных ярлыков отдельным писателям, в том числе П. А. Ойунскому. Молодые писатели обвиняли мастера слова, называя его “попутчиком”, за его неподдельный интерес к народному устному творчеству, эпосу, мифам и сказкам.

П. А. Ойунский на эти бесосновательные выпады не раз отвечал статьями в газетах «Автономная Якутия» и «Кыым». В 1929 г. написал стихотворение «Ойуунускай көмүллүбүт ырыата» (“Песня на похоронах Ойунского”), в котором поэт предвидел свое бессмертие как писателя. На наш взгляд, поэт этим стихотворением сполна ответил своим критикам и критиканам. Также в 1929 г. он создал одно из своих великих произведений – философский рассказ «Кудангса Великий», в котором написал о роли великой личности в истории и его судьбе. Рассказ как бы перекликается с судьбой самого писателя.

В те времена часто организовывались т. н. «литературные суды». Добрались и до П. А. Ойунского. В 1929 г. на таком суде при стечении множества любопытных людей П. А. Ойунский не только сумел отбиться от нападков, но и защитить свои творения «Красный Шаман», «Великий столетний план», и, восхитив присутствующих своим ораторским искусством, порадовал всех своей блистательной победой над оппонентами.

Дал суровую отповедь своим критиканам Ойунский и в статье «Спекулянты литературы» (1930), а в статье «О переводе “Кысыл Ойун”» (1930) написал: «Как бы ни шумели мои некоторые современники, воспевающие глупейшие погребальные гимны народному творчеству и прославляющие себя, как львов и орлов современности, – их шум меня не заставит бросить недоконченным мой труд по народному творчеству и не заставит меня встать на путь крикливого осуждения народного творчества» [7, с. 119–120]. И в начале 1930-х гг. П. А. Ойунский написал олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» в 40 тысяч строк, что стало его личным подвигом и вкладом в сохранение народного эпоса и великим предвидением о том, что олонхо прославит якутский народ. В 2005 г. ЮНЕСКО признало его общечеловеческим шедевром.

В личной жизни П. А. Ойунского того времени также было достаточно трагедий: в 1929 г. умерли его мать, затем и жена с ребенком. Умирали и родные братья и сестры. Он остался без родных и близких людей, в одиночестве.

Согласно Постановлению 1-й сессии ЯЦИК 6-го созыва с 04 марта 1929 г. П. А. Ойунский был освобожден от должности наркома просвещения, здравоохранения и социального обеспечения Якутской АССР.

Приказом Наркомпросздравсобеса от 11 марта 1929 г. П. А. Ойунский был назначен заведующим Якутским государственным издательством.

Таким образом, работа П. А. Ойунского в Наркомпросздравсобесе явилась кратковременным его возвращением на государственную службу. После отставки от должности наркомпросздравсобеса он окончательно расстался с государственной и политической деятельностью.

За короткий срок в должности наркомпросздравсобеса П. А. Ойунским и руководимым им наркоматом был выполнен большой объем работ по укреплению и развитию социального благополучия и культурного возрождения республики. Он еще раз убедительно показал себя умелым организатором и деятельным руководителем.

1928–1929 гг. для П. А. Ойунского стали началом его плодотворной научно-исследовательской деятельности в целях культурного возрождения республики, изучения якутского языка и литературы. В эти годы он написал много произведений, известные критические статьи, приступил к письменному изложению героического эпоса. В 1931 г. поступил в аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию, стал основателем и директором первого научного Института в республике. Имел много планов и просил правительство не отвлекать его от научной и творческой деятельности. Н. Н. Тобуроков, работая в архиве, нашел докладную записку Ойунского руководителям республики П. М. Певзнику, Н. Н. Окоемову, в которой он, в частности, писал: «Я считаю более полезным работать в качестве научного работника и писателя...» [8, с. 65]. Записка была датирована 11-м августа 1937 г. Он имел много планов в научной и творческой деятельности, но, к сожалению, так и не сумел их полностью претворить в действительность. Жизнь на него имела свои планы, П. А. Ойунский был необоснованно репрессирован в 1938 г. и умер в застенках 31 октября 1939 г. 46-ти лет от роду. Был реабилитирован 15 декабря 1955 г.

Заключение

Таким образом, в жизни и деятельности П. А. Ойунского период с 1926 по 1929 гг. был поворотным, судьбоносным. Начиная с этого периода он уже другой Ойунский. Впереди – новая жизнь, наполненная семейным счастьем, трудовыми достижениями, творческим подъемом. В годы противостояния, борьбы за правду, отстаивания своей правоты и своих произведений он не сломился, наоборот, еще больше окреп духом и обрел новое дыхание для будущих своих дел. В тот период жизнь без борьбы не представлялась, она была нормой жизни. Это была борьба П. А. Ойунского за счастье родного народа, за светлое будущее угнетенных, обездоленных соплеменников.

Л и т е р а т у р а

1. Платон Алексеевич Ойунский. Жизнь и деятельность : сборник архивных документов / Сост. Н. С. Степанова. – Якутск : Бичик, 2015. – 448 с.
2. Платон Алексеевич Ойунский. Жизнь и деятельность : сборник архивных документов. Ч. 2. / Сост. Н. С. Степанова. – Якутск : Бичик, 2018. – 215 с.
3. Ойунский, П. А. Стихотворения / Перевод О. Шестинского. – Ленинград : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1978. – 414 с.
4. Сидоров, О. Г. Платон Ойунский / О. Г. Сидоров. – Москва : Молодая гвардия, 2016. – 285 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»).
5. Окурокова, В. Б. Ойунский : жизнь и творчество / В. Б. Окурокова. – Якутск : Ситим-медиа, 2013. – 416 с.
6. Мординов, А. Е. Воспоминания об Ойунском // Ойунский П. А. Воспоминания и статьи. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1963. – С. 188–197.

7. Ойунский, П. А. Произведения. В 7 тт. Том 7 // Воспоминания, выступления, статьи, рассказы. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1962. – 224 с.
8. Тобуроков, Н. Н. Кто он, Платон Ойунский? / Н. Н. Тобуроков. – Якутск : Бичик, 2014. – 192 с.

References

1. Stepanova N.S. (ed.) (2015) Platon Alekseevich Oyunsky. Life and Work: a Collection of Archival Documents. Yakutsk: Bichik. (In Russian)
2. Stepanova N.S. (ed.) (2018) Platon Alekseevich Oyunsky. Life and Work: a Collection of Archival Documents. Part 2. Yakutsk: Bichik. (In Russ.)
3. Oyunsky, P.A. (1978) Poems. Translated from Yakut by O. Shestinsky. Leningrad: Soviet Writer. (In Russian)
4. Sidorov, O.G. (2016) Platon Oyunsky. The Lives of Remarkable People Series. Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russian)
5. Okorokova, V.B. (2013) Oyunsky: Life and Work. Yakutsk: Sitim-media. (In Russian)
6. Mordinov, A.E. (1963) Memories of Oyunsky. In: Oyunsky P. A. Memoirs and Articles. Yakutsk: Yakutsk Publishing House, pp. 188-197. (In Russian)
7. Oyunsky, P.A. (1962) Works. In Seven Volumes. Vol. 7. Memoirs, Speeches, Articles, Stories. Yakutsk: Yakut Book Publishing House. (In Yakut)
8. Toburokov, N. N. (2014) Who is He, Platon Oyunsky? Yakutsk: Bichik. (In Russian)

НИКОЛАЕВ Валериан Парфеньевич – д. мед. н., магистрант ИЯКН СВ РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: nikolaevvalerian@mail.ru

Valerian P. NIKOLAEV – Dr. Sci. (Medicine), Master's student, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ОКОРОКОВА Варвара Борисовна – д. филол. н., профессор кафедры якутской литературы ИЯКН СВ РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: bokorsaisar@mail.ru

Varvara B. OKOROKOVA – Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of Sakha Literature, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 821.554Куриловы.09(571.56)
DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-43-50

Творчество братьев Куриловых в контексте юкагирской литературы Якутии

Ж. В. Охлопкова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Россия, Якутск
✉ gvburtseva@mail.ru

Аннотация. В статье делается обзор творчества Семена Николаевича, Гаврила Николаевича и Николая Николаевича Куриловых в контексте юкагирской литературы Якутии. Литературное наследие Куриловых на родном языке определяется как вершина развития национального языка. Рассматриваются устойчивые средства и приемы художественной образности, анализируются эстетические принципы и закономерности формирования оригинального художественного мира писателей в аспекте взаимодействия с национальной духовной культурой. Целью исследования является выявление наиболее характерных поэтологических особенностей художественного мышления авторов, сформированных в контексте национальной традиции. С именем Г. Н. Курилова связано создание письменности и образование литературной формы юкагирского языка. Большая заслуга Н. Н. Курилова в том, что, продолжая преемственность, он утвердил наличие художественной традиции в юкагирской литературе и, углубляя новаторский поиск, обогатил юкагирскую литературу новыми формами, жанрами, направлениями, темами и образами.

Ключевые слова: юкагирская литература Якутии, Семен Николаевич Курилов, Гаврил Николаевич Курилов-Улуро Адо, Николай Николаевич Курилов, художественная традиция, национальная картина мира, устойчивые образы, мотивы.

Для цитирования: Охлопкова Ж. В. Творчество братьев Куриловых в контексте юкагирской литературы Якутии. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2024, № 4 (16). С. 43–50. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-43-50

Creativity of the Kurilov brothers in the context of Yukaghir literature of Yakutia

Zh. V. Okhlopkova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch,
Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia
✉ gvburtseva@mail.ru

Abstract. The article provides an overview of the works of Semyon, Gavril and Nikolai Kurilovs in the context of the Yukaghir literature of Yakutia. The literary heritage of the Kurilovs in their native language is defined as the pinnacle of the development of the ethnic language. Stable means and techniques of artistic imagery are considered, aesthetic principles and patterns of formation of the original artistic world of writers in the aspect of interaction with national spiritual culture are analyzed. The purpose of the study is to identify the most characteristic poetical features of the artistic thinking of the authors, formed in the context of the Yukagir tradition. The name of Gavril Kurilov is associated with the creation of writing and the formation of the literary form of the Yukaghir language. Nikolai Kurilov's great merit is that, continuing the continuity, he confirmed the existence of an artistic tradition in Yukaghir literature, and deepening his innovative search, enriched Yukaghir literature with new forms, genres, directions, themes and images.

Keywords: Yukaghir literature of Yakutia, Semyon Kurilov, Gavril Kurilov-Uluro Ado, Nikolai Kurilov, artistic tradition, national picture of the world, stable images, motives.

For citation: Okhlopko Zh. V. Creativity of the Kurilov brothers in the context of Yukaghir literature of Yakutia. *Issues of national literature*. 2024. No 4 (16). Pp. 43–50. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-43-50

Введение

Феномен братьев-юкагиров Семена Николаевича, Гаврила Николаевича и Николая Николаевича Куриловых уникален тем, что в закономерности преемственности литературного наследия, семейного, генетического, мировоззренческого интеллектуального опыта, каждому из них удалось сохранить неповторимость и индивидуальность своего творчества и доказать, что двуязычная литература может занимать ведущую роль в формировании национального самосознания. Художественное наследие Куриловых на русском и юкагирском языках, начиная с первого юкагирского романа Семена Курилова «Ханидо и Халерха», в равной степени передает этнокультурный код нации, ныне юкагирская литература Якутии рассматривается как система с устойчивым национально-историческим ядром. Этническое самоопределение – это первооснова, через призму которой Куриловы оценивают все то, что наблюдают в себе, в своем творчестве и деятельности, посвященной формированию представлений общества о самобытности юкагиров.

По свидетельству Николая Курилова, только с выходом романа Семена Курилова впервые они поменяли запись в советском паспорте в графе национальность «с эвенов на юкагиров». Картотека Семена Курилова о юкагирах, знающих язык и культуру, включала 449 имен, поэтому он называл себя «Юкагир-450». С каждым годом этот список становился все меньше, но мечта Семена Курилова сбылась, «слово «юкагир» узнал весь мир». Благодаря Гаврилу Курилову–Улуро Адо и Николаю Курилову, юкагирский язык, находящийся на грани исчезновения, приобрел практический алфавит и письменность. Основу любого национального языка составляет литературный язык, в этом плане становление новописьменной литературы является результатом сознательного, созидательного и целенаправленного творчества.

Национальное мировидение Куриловых прослеживается через устойчивые средства и приемы художественной образности, национальную топику и концептосферу. В этом плане ярко выраженное лирическое начало проявляется в создании неповторимого по своей красоте и глубине образа тундры как реально-географического и символического пространства. По мысли Д. С. Лихачева, природа всегда является «выражением души народа», а «пейзаж страны элементом национальной культуры» [1, с. 71]. Топос тундры как «хронотоп, пространственно-временной континуум» [2], как текстопорождающий и семантический центр – это не просто пейзажное описание природного пространства, унаследованного с детства, даже больше, это философско-эстетическая категория, некая основа духовной, культурной и исторической самоидентификации. Поэтически тундра сближается с архетипом «дом матери», в котором звучат наставления – «слова отцовы» (Н. Курилов), голоса «предков, ставших телом тундры» (Г. Курилов).

В первом юкагирском романе-трилогии «Ханидо и Халерха» Семена Курилова, эпично повествующем о тяжелом прошлом народов Крайнего Севера, с первых страниц материализуется мифопоэтический и философский образ тундры: «Суровая тундра простирается между сибирскими реками Индигиркой и Колымой. Суровы все тундры, но эта – озерная, самая северная» [3, с. 3]. Место действия разворачивается в колымской тундре, а именно близ озер Большое и Малое Улуро, в которой издревле юкагирский тордох соседствует с чукотской ярангой и эвенскими чорама дьо.

По мысли Льва Гумилева, именно реальное географическое пространство откладывает неизбежный отпечаток на ментальность любого этноса, формирует психологический облик его представителей, этнокультурные и онтологические характеристики [4]. Эти представления о художественном пространстве текста нашли отражение в работах Р. Барта [5], В. Н. Топорова [6], Ю. М. Лотмана [7], Ю. Б. Борева [8].

Формирование новописьменной юкагирской литературы

Истоки юкагирской литературы берут начало в очерковом повествовательном жанре, написанном Николаем Ивановичем Спиридоновым–Тэки Одулоком, первым юкагиром, получившим высшее образование и ученую степень. Путевой очерк «На Крайнем Севере» явился результатом экспедиций писателя 1925–1928 гг., в котором собранный фактический материал получил своеобразное художественное выражение с присущим Тэки Одулоку историзмом мышления. Существует единственно распространенное мнение считать его исключительно документальным, географо-этнографическим. Композиционно он построен по модели путевого дневника, обладает ярко выраженным художественным началом, что позволило нам охарактеризовать его как путевую прозу, выделив жанровые маркеры травелога [9].

Впервые очерк «На Крайнем Севере» был издан в 1933 г. под рубрикой «Библиотека странствий и путешествий». Путешествия можно назвать литературным метажанром, в основе которого лежит описание путешественником достоверных сведений о каких-либо землях, странах, народах в форме заметок, дневников, очерков, мемуаров. Т. Одулок описывает свои перемещения и впечатления, записывает размышления по поводу увиденного, при этом появляется особый тип путешественника-патриота. Автор испытывает искреннюю любовь к бескрайним камчатским, чукотским, колымским землям, особенно к долинам реки Ясачная на Колыме, в которых «каждый лес, каждый островок, каждый кустик на этой территории являются вехами, указывающими нам путь» [10, с. 103].

Появление жанра очерка, как и повести «Жизнь Имтеургина-старшего», обусловлено стремлением рассказать горькую правду о бедствиях коренных малочисленных народов. В предисловии очерка автор напрямую констатирует: «Я их привожу с единственной лишь целью – показать читателю центра лицо нашей северной, совершенно оторванной от остального мира, жизни» [10, с. 103]. В повести это проявляется через внешние и внутренние конфликты Имтеургина, его семьи как цепи закономерных исторических потрясений. В этом плане нарастание драматизма, усиление событийного развертывания действия, психологически напряженного, несмотря на простоту повествования, является показателем жанрового развития. Типичные факты существования Имтеургина-старшего обобщают целые жизненные явления, судьбы целых родов северян повествуют об их страданиях и постулируют «право на голос».

Далее в 1960-х гг. достижением национальной прозы стал роман «Ханидо и Халерха» Семёна Николаевича Курилова, который создан с опорой на национальные легенды и предания на материале повседневной жизни. Через судьбы юноши Ханидо (Орлёнок) и девушки Халерхи (Чайка) писатель изображает историческую судьбу своего народа. Писатель мастерски использовал сюжеты, образы, принципы изображения героев и сюжетостроения, берущие начало в фольклоре.

С великим именем Гаврила Николаевича Курилова–Улуро Адо связано создание письменности юкагирского языка так, как он является автором первого букваря. Псевдоним поэта в переводе с юкагирского языка означает «Сын озера». Письменность юкагирского языка разработана в 1970 г. на основе русского алфавита, а также норм графики и орфографии языка тундренных юкагиrow. Официально литературный язык был принят в 1983 г., а впервые использован в книге стихов Улуро Адо, вышедшей в 1969 г.

Г. Н. Курилов впервые в юкагирской литературе написал поэмы «Капли пота», «Письма матери», «Человек и Красный Зверь», «Незакатное солнце», «Нунни», «Гул

Нявалданныя», «Идилвей». Поэтическое образное мышление, сенсорная и визуальная насыщенность стихов оказались знаковыми чертами юкагирской поэзии в целом, той «визитной» карточкой, которая и определяет национальное своеобразие этнической словесной культуры. В новой книге Г. Н. Курилова–Улуро Адо «Ангелы мои с драгоценными дарами» (2024), благодаря мемуарному повествованию, читатель ближе соприкасается с биографией поэта, творческой и личной судьбой гениального человека. Сама жизнь поэта заслуживает целого романа-эпопеи, так как у него действительно драматическая судьба, как и судьба юкагирского народа, наполненная испытаниями, неугасающим пламенем таланта и любви, искренности и тайны. Книгу отличает исповедальность и выстраданность каждой строки, в которой слышится боль за вымирающий исчезающий народ. Поэт заставляет прислушаться и проникнуться голосом своего страдающего народа («Одуматься бы нам», «Тоска аборигена»). В его творческом наследии проявилась душа народа, животворящая память, правда самого факта истории.

Лирика Улуро Адо изобилует описанием Севера как «ойкуменного чуда», в котором «снега милое скрипенье», «серебром течет ночное небо», «старинной песни нежная строка», «предки, ставшие телом тундры», «крылья духа», «нескончаемый праздник», «танцующий стерх», «песня чистой любви» и другие живые метафоры в особом чувстве духовной идиллии и ностальгии по ушедшему времени и людям, которые жили в нем. Мотив реки жизни, выражающий глубинные духовные связи человека с родным пространством, ярко раскрывается в творчестве поэта. Персонифицированный образ родной реки в стихотворении «Милая Лабунмэдэну» (юкагирское название реки Большая Чукочья), воспринимается в качестве топоса, формирующего судьбу юкагира и целого народа: «Без тебя для юкагира / нет, как нет, земли и неба / нет всего большого мира!». Архетипический смысл восприятия реки кроется в сказании о богатыре, великом охотнике, вожаке кочевья Эдилвее, родоначальнике юкагирского рода, который родился и жил на реке Лабунмэдэну. Размышляя о судьбе народа, его прошлом, настоящем и будущем, авторы обращаются к категории исторической архаичной памяти. Г. Курилов–Улуро Адо признается: «И начал вымирать мой народ, – безмерно честный, – прожив на вечной мерзлоте аж десять тысяч лет». Необходимо отметить, что во всем творчестве Куриловых ощущается эта зачастую изнурительная борьба за право оставаться юкагирами, со своим этническим самосознанием и языком, оставаться со своим малочисленным, но сильным народом во всех радостях и горестях, отстаивать идеалы добра и справедливости, а также свое место в литературе и свою творческую индивидуальность.

Творчество Николая Курилова отличается расширением сферы функционирования художественных текстов, так как он работает в различных литературных жанрах: от лирической поэзии до рэп-текстов, от документальной прозы до фэнтези, детских и драматургических произведений. Все эти разнообразные формы стали выражением внутреннего «Я» художника, образным отражением и освоением мира, продиктованы биографическими, историческими и литературными реалиями.

«Юкагиром родился, помни... Будь достойным имени предка, юкагир – вадул», – говорит Курилов. Творцом языка является народ, сохранение юкагирского языка – это сохранение юкагирского «Я», поэтому многие стихи поэт посвятил величию родного языка. Поэт как будто кричит нам во весь голос о спасении языка и самого народа. «Юкагирский язык мой, / Какой же ты сильный и древний! / Не смогли погresti тебя / Тысячелетий пласты: / Прорастали слова твои, / Словно большие деревья, / Из-под стонов ушедших веков, / Из глухой мерзлоты...». Возрождение и дальнейшее развитие юкагирского языка должны стать национальной идеей. Под влиянием языкового окружения более многочисленных народов, вместе с обогащением и усвоением доминирующих языков, происходит вытеснение родного языка, в результате этнос утрачивает свой язык и культуру. Проблема исчезновения «миноритарных» языков под влиянием внешних факторов, социально-демографических условий функционирования,

приводит и к оскудению творческого потенциала. Писатель внимательно относится к первоначальному этапу формирования личности – детству, поэтому мотив взросления и становления героя становится сквозным в его творчестве.

Многочисленные детские произведения автора, которые очень близки к устно-поэтическому творчеству, фольклорным текстам юкагирских сказок и сказаний, повести, стихи, пьесы, авторские сказки, опубликованные в книгах «Живу в тундре» (1985), «Каникулы в тундре» (1987), «Морошка и солнце» (1994), «Лук и стрелы» (2022) и других обращены к подрастающему поколению, в среде которых идет утрата национального видения и восприятия мира. Юкагирская культура показывает лучшие образцы российской детской литературы, передающей воспитательные ценности, не зависящие от идеологических установок, несмотря на то, что детская литература как культурное явление в целом на сегодняшний день испытывает кризис.

Интерес Николая Курилова к образам детей связан с самим жизненным материалом, размышлениями об историческом будущем. Особое значение для этнопедагогики представляют народные игры, одна из них, - «олени на пальцах», стала основой сюжетно-композиционной организации одноименной пьесы Курилова. Это драматическое произведение делает отсылку к фольклорной, этнографической, культурологической составляющей детской игры. «Долгие и длинные, темные полярные ночи и дни юкагиры коротали при отблеске костра, горевшего круглые сутки. В такие периоды домашние игры скрашивали их быт. В первую очередь сюда можно включить игры пальцами, например: «силки», поиск «потерявшегося» пальца, перетягивания мизинцами, изображение силуэтов животных, «перекидывание суставных костей» [11, с. 110].

Рисуя образы детей в пьесе «Олени на пальцах», автор показывает, что речь современных детей изобилует американским сленгом и жаргонизмами, что они больше знакомы с популярными героями американских боевиков, чем с героями сказок. Национальная игра «олени на пальцах» как путь к познанию мира, лежит в основе сюжета, обучает творческой активности и изображению повадок животных, возвращает к истокам народной культуры. Авторская идея заключается в том, что ролевая игра должна привести детей к приобретению необходимых умений, чтобы «легко жить в тундре».

Художественное пространство тундры представляет собой онтологическую «модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [12, с. 440]. Картины северного пространства автор наполнил словесными и зримыми образами и ассоциациями: «как эхо», «свет любви моей», «суровой тундры сила», «два крыла», «счастливей, чем птица», «тысячелетий пласты», «небесная пыль», «цветы и травы тундры», «огонь сияний», «глухая мерзлота», «мир красоты», «оленьи хрипы, топота копыт», «наше счастье», «наследье» и другими. По словам Ю. М. Лотмана, этот «язык пространственных представлений» в литературном творчестве «принадлежит к первичным и основным» [12, с. 447]. Специфика изображения тундры связывается с аутентичным и значимым историческим знанием своих корней, сближением внешнего (природного) и внутреннего (душа лирического героя) планов, обязательным наличием зрительного восприятия: «Родная тундра, нет тебя просторней, / Так тосковал, и думал не однажды, / Что так бы мне в родной народ врасти, / Как эти травы и цветы... И каждой, / Пусть и скромной песней в душах прорасти». Зрительное восприятие тундры как необъятного простора, в котором нет предела или границы, неотделимо от метафизического представления о полноте бытия и свободе. Понятие простора как формы, по замечанию исследователей, можно отнести к непередаваемым явлениям, понятным только носителям культуры, «указывающим не только на неопределенную форму пространства, но и на нечто, имеющее для человека экзистенциальную ценность» [13, с. 53].

Пространственная организация семантики простора тундры, «необъятной, родной, нехоженной, разноцветной, мерцающей, скромной, мудрой, могучей, воздушной,

суровой, лунной, весенней, осенней», организуется в лирическом тексте по горизонтали-вертикали: «как много здесь простора и покоя», «и небо здесь высокое такое, / посмотришь – кружится голова». Таким образом, визуальные образы тундры в национальной картине мира связаны не только со зрительным и эмоционально-чувственным компонентом, а в значении необходимости самого существования: «Где хороши поля, леса и реки, да тундры нет? / Но что без тундры я?!».

Мастерство Курилова в пейзажной лирике заключается в его таланте как художника, тонко передающего красками самые неприметные и еле уловимые оттенки северной природы. Художественному слову всегда присущи олицетворение и изобразительное начало, но, тем не менее, не все поэты создают картины в воображении и «рисуют их словами». Живописность – это продукт художественного видения мира. Поэтому неотъемлемой чертой поэтики творчества Николая Курилова является живопись или рисунок словом, метафоричность и визуальность поэтического слова.

Всю бы тундру, возможно,
Перенёс на холсты.
По весне я летаю
И рисую во сне...
Наяву – лишь мечтаю
Побывать в вышине.
Чтобы взору открылся
Простор вековой,
Чтоб на холст опустился
Мазок золотой!

Созерцание и визуализация живописного ландшафта тундры во взаимодействии красок, природных форм, линий, цвета, света, запахов, при которой возникает впечатление полноты и богатства, многообразия и изменчивости ее неприметного и статичного на первый взгляд мира.

Есть короткое стихотворение, посвященное ледоходу, в котором каждое слово – метафора с индивидуальным характером.

Тают снежные седины,
Просыпается река
Словно стадо, ходят льдины.
Чешут спины и бока

Утром – новая картинка
Стихла светлая река
Заезавшаяся льдинка
Догоняет облака.

Благодаря ассоциативному воздействию на воображение и чувства читателя, в таком миниатюрном стихотворении зримость словесного образа ледохода настолько ощутима, что превращается в ожившую картину. Сравнение как один из способов осмысления действительности, а также как форма художественного мышления выражает идею национального мировосприятия. Раскрывается авторская репрезентация образа северной реки во время ледохода, в которой национально-специфическим фрагментом языковой картины мира стало употребление логически (семантически) несовместимых слов в поэтическом сравнении: «словно стадо ходят льдины», чешут друг об друга бока. Поэт воспроизводит не просто момент ледохода, а лаконично показывает его в движении, когда очертания картины и ее краски меняются. Находит яркое экспрессивное средство оценки, что приводит к своеобразной персонификации образов «льдинок»: «заезавшаяся льдинка догоняет облака».

Образ родины в творчестве Курилова тесно соотнесен со сквозным образом матери, который не только биографичен, но и архетипичен, так как концентрирует в себе древнейшие представления о семье и о мироздании, следуя архетипической модели «мать – дитя (сын)». Основоположник юкагирской литературы Н. И. Спиридонов–Тэки Одулок свидетельствовал о том, что женщина является центральной фигурой юкагирской семьи. По словам Г. Н. Курилова, в традиционной культуре тундренных юкагиrow есть устойчивый круг образов, символизирующих мифологические представления, связанные с женской сущностью: «Хурууд-ииваа» – «Небо-мать», «Йэрпэйэд-абучиэ» – «Солнце-Бабушка», «Киндъэд-абучиэ» – «Луна-Бабушка», «Лукунбурэбэ-абучиэ» – «Земля-Бабушка», «Лавйэд-абучиэ» – «Вода-Бабушка», «Энуд-абучиэ» – «Река-Бабушка», «Чавуд-ииваа» – «Море-Мать».

Мать в творчестве Куриловых выступает хранительницей и покровительницей дома, в ее образе заключена ностальгическая память о семейных и этнических традициях, ценностях, прикосновение к сакральности ровдуги юкагиrow. Образ матери придает пространству, окружающему лирического героя, устойчивость и стабильность – «мой юкагирский дом родной, дом матери моей».

Заключение

Для новописьменных северных литератур Якутии характерно не только ускоренное становление, но и формирование в условиях нескольких языков, якутского, русского, эвенского, эвенкийского и юкагирского. Это исторически закономерные явления, при чем взаимодействия и взаимовлияния становятся одним из существенных факторов развития. В период отсутствия письменности, юкагирские писатели смогли представить с помощью письменного слова чужого языка иной образ национального мира и этно-фольклорный уровень мышления национального героя. Юкагиры заговорили о себе и своей жизни в уникальных произведениях на русском языке, в разрезе литературного пограничья. Это путевой очерк «На Крайнем Севере» (1933), повесть «Жизнь Имтеургина-старшего» (1934) Н. И. Спиридонова–Тэки Одулока, роман «Ханидо и Халерха» С. Курилова (1969).

Юкагирский литературный язык прошел небольшой, но очень яркий путь в своем развитии, учитывая, что фактически нет разрыва между созданием письменности и литературным языком. Творчество Гаврила Николаевича и Николая Николаевича Куриловых на родном языке говорит о том, что в живом юкагирском языке достаточно художественных средств для создания новых, интересных, выразительных произведений.

Л и т е р а т у р а

1. Лихачев, Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачев // Избранные работы: в 3 т. Т. 2. – Ленинград : Худож. лит., 1987. – С. 418–494.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1979. – 424 с.
3. Курилов, С. Н. Ханидо и Халерха / пер. с юкагир. Р. Палехова. – Москва : Сов. Россия, 1988. – 623 с.
4. Гумилев, Л. Н. Этносфера : история людей и история природы. – Москва : Прогресс, 1993. – 543 с.
5. Барт, Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – Москва : Прогресс, 1989. – 616 с.
6. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст : семантика и структура. – Москва, 1983. – С. 227–284.
7. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста // Ю. М. Лотман // Об искусстве. – Санкт-Петербург : Искусство – СПб, 1998. – С. 14–285.
8. Боров, Ю. Теория литературы. Т. IV / Ю. Боров // Литературный процесс. – Москва, ИМЛИ РАН, 2001. – 624 с.
9. Бурцева, Ж. В. Путевой очерк Тэки Одулока «На Крайнем Севере»: проблемы жанра и литературного картирования / Ж. В. Бурцева // Северо-восточный гуманитарный вестник. – 2020. – № 1. – С. 123–130.

10. Одулок, Т. На Крайнем Севере : Под полярными созвездиями / Т. Одулок. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1987. – 432 с.
11. Карасева, Г. И. Игра как фактор этнической идентификации коренных малочисленных народов Республики Саха (Якутия) / Г. И. Карасева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 4. – С. 110–112.
12. Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: В 3 т. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1. – 478 с.
13. Лишаев С. Пространство простора / С. Лишаев // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия Философия Филология. – 2010. – № 2(8). – 50–69.

References

1. Lihachev, D.S. (1987). Notes on Russian. In: Lihachev, D.S. *Selected Works*, in 3 Volumes. Vol. 2. Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura, pp. 418–494. (In Russian)
2. Bahtin, M. M. (1979). *Aesthetics of Verbal Creativity*. Moscow: Iskustvo. (In Russian)
3. Kurilov, S. N. (1988). *Khanido i Khalerxa*. Moscow: Sovetskaya Rossiya. (In Russian)
4. Gumilev, L. N. (1993). *Ethnosphere: the History of People and the History of Nature*. Moscow: Progress. (in Russian)
5. Bart, R. (1989). *Selected Works: Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress. (In Russian)
6. Toporov, V. N. (1983). Space and Text. In: Toporov, V. N. *Text: Semantics and Structure*. Moscow, pp. 227–284. (In Russian)
7. Lotman, Yu. M. (1998). The Structure of a Literary Text. In: Lotman, Yu. M. *About Art*. St. Petersburg: Iskustvo, pp. 14–285. (In Russian)
8. Borev, Yu. (2001). The Theory of Literature, Vol. 4. In: Borev, Yu. *Literary Process*. Moscow: IMLI RAN. (in Russian)
9. Burseva, Zh. V. (2020) Teki Odulok's Travel Notes "In the Far North": the Issues of Genre and Literary Mapping. *North-Eastern Humanitarian Herald*, 1, pp. 123–130. (In Russian)
10. Odulok, T. (1987). *In the Far North: Under the Polar Constellations*. Yakutsk: Yakutsk Publishing House. (In Russian)
11. Karaseva, G. I. (2010). Game as a factor of ethnic identity for indigenous small-numbered peoples of the Sakha Republic (Yakutia). *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 4, pp. 110–112. (In Russian)
12. Lotman, Yu. M. (1992) The Problem of Artistic Space in Gogol's Prose. In: Lotman, Yu. M. *Selected Articles*: In 3 volumes. Tallinn: Alexandra. (In Russian)
13. Lishaev, S. (2010). The Space of Vastness. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series Philosophy Philology*, 2(8), pp. 50–69. (In Russian)

ОХЛОПКОВА Жанна Валерьевна – к. филол. н., с. н. с. Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН ФГБУН ФИЦ «ЯНЦ СО РАН».

E-mail: gvburtseva@mail.ru

Zhanna V. OHLOPKOVA – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS.

– ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА –

УДК 821.161.1-34.09

DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-51-59

Семья и семейные отношения в русских народных сказках*Т. П. Дмитриева¹, С. И. Егорова²*¹Майинский лицей имени И.Г. Тимофеева, с. Майя Мегино-Кангаласского района РС (Я), Россия²Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ dmitrievaTP01@mail.ru

Аннотация. Влияние семьи на становление личности было и остается одной из важных проблем. Семья занимает центральное место в жизни человека. В центре почти всех народных сказок – семья. Русские народные сказки служат источником для изучения образа семьи, ее значимости в жизни людей. Цель – исследование роли членов семьи в русских народных сказках и выявление особенностей семейных отношений. В ходе работы изучены теоретические закономерности сказки как жанра фольклора, исследованы роль и функции членов семьи, выявлены особенности семейных отношений в русских народных сказках. Объектом исследования стали 30 русских народных сказок. В работе использованы методы ситуационного анализа, классификации и обобщения. Авторы приходят к выводу, что каждый образ члена семьи наполнен особыми качествами и функциями, важными для гармонического существования семьи; сказки служат зеркалом, в котором отражаются как положительные, так и отрицательные стороны семейной жизни.

Ключевые слова: русские народные сказки, виды сказок, бытовые сказки, народно-поэтическое произведение, семья, отношения, семейные ценности.

Для цитирования: Дмитриева Т. П., Егорова С. И. Семья и семейные отношения в русских народных сказках. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2024, № 4 (16). С. 51–59. DOI. 10.25587/2782-6635-2024-4-51-59

Family and family relations in Russian folk tales*T. P. Dmitrieva¹, S. I. Egorova²*¹I.G. Timofeev Mayinsky Lyceum, Maya village,

Megino-Kangalassky district, Sakha Republic (Yakutia), Russia

²M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ dmitrievaTP01@mail.ru

Abstract. The influence of the family on the formation of personality has long been one of the important issues. The family occupies a central place in a person's life. Family is in the focus of almost all folk tales. Russian folk tales serve as a source for studying the image of the family, its importance in people's lives. The purpose is to study the role of family members in Russian folk tales and identify the features of family relations. In the course of the work, the theoretical patterns of fairy tales as a genre of folklore were studied, the role and functions of family members were investigated, and the features of family relations in Russian folk tales were revealed. The object of the study was 30 Russian folk tales. The methods of situational analysis, classification and generalization were used in the work. The authors conclude that each image of a family member is filled with special qualities and functions important for the harmonious existence of the family; fairy tales serve as a mirror that reflects both the positive and negative sides of family life,

Keywords: Russian folk tales, types of fairy tales, household tales, folk poetry, family, relationships, family values.

For citation: Dmitrieva T.P., Egorova S.I. Family and family relations in Russian folk tales. *Issues of national literature*. 2024, No 4 (16). Pp. 51–59. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-51-59

Введение

Русские народные сказки слагались народом веками, передаваясь от поколения к поколению. Они имеют огромное влияние на духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения. Через сказку ребенок учится находить выход из трудных жизненных ситуаций, верить в победу добра над злом.

Сказка – один из основных видов устной народной прозы, встречающийся у различных народов. В Древней Руси для обозначения сказки существовало слово “баснь”, “байка” от глагола “баять”, а сказочников называли “бахарями”. В русском языке слово “сказка” появилось в XVII в. Сначала это слово означало сказанное или написанное в документе слово, свидетельство, имеющее юридическую силу, а затем приобрело другой смысл.

Подтверждением этого являются определения слова «сказка» в толковых словарях. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даль объясняет: «Сказка – всякое деловое показанье, объяснение, ответ подсудимого, речи свидетелей, отчет о случае, происшествии» [1, с. 533]. А в словаре С. И. Ожегова слово «сказка» имеет несколько значений: «1. Повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил. 2. Выдумка, ложь. 3. То же, что чудо» [2, с. 718].

Эту тему рассматривали в своих трудах известные русские ученые-фольклористы К. С. Аксаков, В. П. Аникин, А. И. Никифоров, Э. В. Померанцева, В. Я. Пропп и др.

К. С. Аксаков пишет: «Между сказками и песнями, по нашему мнению, лежит резкая черта... Сказка – складка (вымысел), а песня – быль...» [3, с. 27]. Ученый подчеркивает влияние вымысла (склада) на содержание сказки и на характер главных героев.

Похожую мысль развивает в своем труде А. И. Никифоров: «Сказки – это устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением» [4, с. 173].

Э. В. Померанцева полагает, что народная сказка – это «эпическое художественное произведение преимущественно прозаического, волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел» [5, с. 45].

Схожее мнение можно найти в исследованиях В. Я. Проппа. Он подчеркивает ведущий принцип сказки – выдумку: «Сказка есть нарочитая поэтическая функция, она никогда не выдается за действительность» [6, с. 34]. По его мнению, этот жанр направлен, прежде всего, на развлечение и назидание.

С данными точками зрения не соглашается В. П. Аникин. Фольклорист утверждает: «Не установка на вымысел является главной чертой сказки, а установка на раскрытие жизненной правды с помощью возвышающего или снижающего реальность условно-поэтического вымысла, формы которого складывались в тесной связи с обширным кругом понятий и представлений народа, как в древнее, так и в позднее историческое время» [7, с. 114]. Далее он объясняет, что сказка – это повествование реального содержания, в котором по необходимости используется прием неправдоподобного изображения реального.

Русский фольклор богат разнообразными народными сказками. Все исследователи предлагают свои критерии их классификации. Фольклористами самой лучшей признана классификация А. Н. Афанасьева:

- 1) сказки о животных;
- 2) фантастические или волшебные;
- 3) новеллистические (бытовые) сказки [8, с. 40].

В сказках о животных рассказывается про повадки, проделки и приключения обыкновенных диких и домашних зверей, отношения между которыми похожи на отношения между людьми. Характер зверей уподобляется человеческому.

В волшебной сказке человек обращается с существами, каких не встретишь в жизни. Начинается волшебная сказка с того, что главный герой по тем или иным причинам уходит из дома, а затем из обычного мира. В. А. Бахтина отмечает: «Здесь идеально прекрасные герои идеально красиво трудятся, идеальны во взаимоотношениях в семье и с любимой, последовательны и бескомпромиссны с врагами» [9, с. 115]. Сказка учит смелости, доброте и другим хорошим человеческим качествам.

Бытовую сказку называют еще и социально-бытовой, сатирической или новеллистической. Появилась она гораздо позднее, чем волшебная и говорится в ней о жизни. Бытовая сказка точно передает быт, обстоятельства народной жизни. «Бытовые сказки могут служить средствами изучения крестьянского мировоззрения и крестьянской житейской философии» [10, с. 59]. В такой сказке правда соседствует с вымыслом, с событиями и действиями, которых быть не может. Здесь все обыкновенно, все происходит в повседневной жизни. В бытовой сказке противопоставляются слабый и сильный, бедный и богатый. В бытовой сказке положительный герой физической силы не применяет, как в волшебной, с помощью чудесных орудий. Здесь нет чудес. В такой сказке происходит состязание ума, ловкости и сообразительности.

Итак, в определении понятия «сказка» в современной фольклористике не существует единого мнения. Однако большинство исследователей подчеркивает главные ее свойства: наличие вымысла, выдумки, фантазии и опору на фантастический сюжет, волшебное действие, отдаленное от реальности. Русская народная сказка – это сокровище народной мудрости. Ее отличает глубина идей, богатство содержания, поэтический язык и высокая воспитательная направленность.

Роль членов семьи в русских народных сказках

Во многих русских народных сказках семья играет центральную роль. Действие сказки начинается, прежде всего, в семье и далее развивается за пределы домашнего очага. Каждый персонаж семьи, неся в себе определенный смысл и значение, имеет ту или иную роль. Изучив сюжет, систему образов героев, проблематику 30 волшебных, бытовых сказок и сказок о животных, мы распределили их на следующие группы:

- сказки, в которых семья – это основная ценность человеческой жизни;
- сказки о негативных семейных отношениях;
- сказки, показывающие взаимоотношения между родными братьями и сестрами;
- сказки, раскрывающие проблему между приемными родителями и детьми.

Семья – основная ценность человеческой жизни. К данной группе сказок мы отнесли следующие 12 сказок (табл. 1).

Таблица 1

Сказки о семейных ценностях

1. «Репка»	7. «Снегурочка»
2. «Счастливая семья»	8. «Кот и лиса»
3. «Зимовье зверей»	9. «Иван Бесталаный и Елена Прекрасная»
4. «Теремок»	10. «Маша и Медведь»
5. «Царевна-лягушка»	11. «Умная внучка»
6. «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»	12. «Морской царь и Василиса Премудрая»

В этих сказках основной ценностью человеческой жизни является счастливая семья. Семья счастлива, если оба супруга проявляют душевные качества, любовь, терпение и уважение. На первый взгляд кажется, что муж – самая важная фигура в семье, но при этом и жене отводится не менее важная роль. От матери многое зависит в семье. Если она умна, мудра, отец преодолевает все препятствия и становится защитником и опорой семьи («Царевна-лягушка», «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что», «Морской царь и Василиса Премудрая»). «Мудрая жена – помощница мужу» – так утверждают эти сказки.

Детям отводится особая роль. С их появлением в семье добавляется счастье. Они часто являются символом надежды и продолжения рода. «Дети должны слушаться родителей» – такова идея этих сказок. Но в некоторых случаях дети толковее и сообразительнее своих родителей («Умная внучка», «Царевна-лягушка»).

Значительное внимание уделяется бабушкам и дедушкам (старикам). Они сами воспитывают внуков («Умная внучка», «Снегурочка», «Маша и Медведь», «Репка») или являются дополнительным персонажем («Морской царь и Василиса Премудрая»). Эти сказки подчеркивают важность каждого члена семьи, семья объединяется ради общей цели и достигает результата. Так, бабушки и дедушки олицетворяют связь между поколениями, выступают как передатчики мудрости и традиций.

Сказки о негативных семейных отношениях: «Федул и Маланья», «Сварливая жена», «Кому горшок мыть», «Каша из топора», «Чудесная рубашка», «Волшебное кольцо». В сказках, помимо счастливых отношений, отражаются еще и негативные отношения, семейные конфликты. Если в семье брань и разлад, один из супругов все ругается, не уважает своего спутника, попрекает («Федул и Маланья», «Сварливая жена»), имеется предательство самого близкого человека («Чудесная рубашка», «Волшебное кольцо»), то все это мешает супругам быть счастливыми вместе, портит человеческие отношения, делает человека несчастливым в семье.

Сказки, показывающие взаимоотношения между братьями и сестрами: «Шемякин суд», «Два брата», «Семь Симеонов», «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», «Гуси-лебеди», «Серебряное блюдечко и наливное яблочко», «Безручка», «Финист-ясный сокол». Родные братья и сестры в народных сказках выступают или в роли союзников, или в роли соперников. Эти персонажи показывают, как внутри семьи могут существовать коварство и соперничество («Шемякин суд», «Серебряное блюдечко и наливное яблочко», «Безручка», «Финист-ясный сокол»), поддержка и взаимопомощь («Два брата», «Семь Симеонов», «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», «Гуси-лебеди»). При этом в связях родных людей часто проявляется зависть к самому младшему брату или сестре («Серебряное блюдечко и наливное яблочко», «Финист-ясный сокол»). Усложняет ситуацию сосуществование в одном хозяйстве невестки и золовки, поэтому они становятся источником напряженности в семье. Исходя из этого, единство братьев и сестер ведет к успеху, а разногласие и недопонимание – к трагическим последствиям.

Сказки, раскрывающие проблемы между приемными родителями и детьми: «Морозко», «Волшебная дудочка», «Хаврошечка», «Василиса Прекрасная». Нередко в сказках умирает один из супругов, и в дом приходит мачеха со своими детьми, или круглая сирота воспитывается в приемной семье. Как показывают эти сказки, добрый и тихий муж не может противостоять злобной и сварливой новой жене, а приемного ребенка в семье заставляют выполнять самую сложную работу. Властность, жадность, нетерпимость и жестокость мачехи или приемных родителей не приводят счастья в семье, разрушают семейные узы.

Таким образом, каждый образ члена семьи наполнен особым значением, что позволяет придать народным сказкам огромный воспитательный характер. Сказка заставляет ребенка пережить вместе с героями такие чувства, которые оказывают влияние на всю его последующую жизнь [11].

Особенности семейных отношений в русских народных сказках

В сказках по мере развития сюжета все члены семьи часто проходят через испытания, что позволяет выявить сложность и многогранность семейных отношений. В процессе столкновения с трудностями раскрывается характер героев, ценности и идеалы семей.

В таблице, приведенной ниже, мы попытались передать краткую характеристику взаимоотношения семей в русских народных сказках (табл. 2).

Таблица 2

Взаимоотношения членов семьи в русских народных сказках

Название сказки	Вид сказки	Социальное положение семьи	Статус семьи в сказке	Состав семьи	Взаимоотношения в семье
«Репка»	Бытовая	Крестьянская	Опекунская	Бабушка, дедушка, внучка и животные	Дружные. Важность каждого члена семьи. Нужно работать вместе, чтобы достигнуть результата
«Счастливая семья»	Бытовая	Крестьянская и боярская	Кр.-полная Боярская-неполная	Муж и жена, боярин, дочь, 7 нянь	«Было бы только здоровье, любовь и согласие в семье». Любовь и уважение в семье – залог счастья.
«Зимовье зверей»	Сказка о животных			Баран, бык, свинья, гусь, петух	Если все члены семьи едины и дружны, их никто не одолеет.
«Теремок»	Сказка о животных			Мышь, лягушка, заяц, лиса, волк, медведь	Семье любая работа не сложна.
«Царевна-лягушка»	Волшебная	Царская семья	Неполная	Царь, 3 царевича, жены царевичей, Кощей	За семью надо сражаться, преодолевать трудности.
«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»	Волшебная	Царская семья	Неполная	Царь, стрелок Андрей, Марья-царевна, советник царя, Баба-яга	Если в семье согласие, лад и любовь, вместе можно преодолеть любые трудности. Мудрая жена – помощница мужа.
«Снегурочка»	Волшебная	Крестьянская	Полная	Мать, отец, дочка	С появлением детей в семье добавляется счастье. Учит детей быть послушными, любить родных.

«Кот и лиса»	Сказка о животных			Кот, лиса	Чтобы жить долго и счастливо, надо уважать, понимать, дополнять друг друга.
«Иван Бесталаный и Елена Премудрая»	Бытовая	Крестьянская	Неполная	Мать, сын Иван, жена Ивана, отец Елены	Семья счастлива, если оба супруга проявляют душевные качества, поддержку.
«Маша и Медведь»	Сказка о животных		Опекунская	Бабушка, дедушка, внучка Маша, Медведь.	Надо слушаться родителей.
«Умная внучка»	Бытовая	Крестьянская	Опекунская	Дед, внучка, бабушка, богатый сосед, царь.	Забота и помощь старикам. Дед – защитник семьи. Внучка, хоть и мала, во всем помогает деду, работающая, толковая,
«Морской царь и Василиса Премудрая»	Волшебная	Царская семья	Полная	Царь, царица, царевич, морской царь, старушка, Василиса Премудрая.	Благодаря умнице-жене герои преодолевают все препятствия. Иван хочет жить в родном краю вместе с женой и пожилыми родителями.
«Федул и Маланья»	Бытовая	Крестьянская	Полная	Муж, жена, дети.	В семье брань и разлад, потому что муж не уважает жену, не помогает ей. В конце муж за это наказан.
«Сварливая жена»	Бытовая	Крестьянская	Полная	Жена, муж, дети.	Жена все бранится и ругается, упрямится. Муж проучил ее.
«Кому горшок мыть»	Бытовая	Крестьянская	Полная	Жена, муж.	Высмеивается лень и глупость.
«Каша из топора»	Бытовая	Крестьянская	Полная	Баба, дед, солдат.	Высмеивается жадность хозяев.
«Чудесная рубашка»	Волшебная	Купеческая	Неполная	Купец, 3 сына, орел, сокол, воробей, Елена Прекрасная, Змей Горыныч.	Предательство жены разрушило семью. Самые близкие люди могут причинить зло.
«Волшебное кольцо»	Волшебная	Крестьянская семья, царская семья.	Неполная	Крестьянский сын Семен, мать, царь, его дочь и сын.	Царская дочь обманула мужа Семена, так как хотела выгоды. Наказание за предательство: новый муж превратился в гадюку.
«Шемякин суд»	Бытовая	Бедный брат и богатый брат	Полная	Два брата, купец, судья.	Проблемы, недоверие в взаимоотношениях родных братьев.
«Два брата»	Бытовая	Крестьянская	Полная	Старший брат, жена, 3 детей. Младший брат, жена.	Взаимопомощь и поддержка родных братьев.

«Семь Симеонов»	Волшебная	Крестьянская	Неполная	Старик и семеро сыновей его, царь, царевна.	Каждый брат обладал удивительным умением, младший брат – игрец на дуде. И его умение пригодилось. Братья все вместе преодолевают все трудности. Поддержка родных.
«Сестрица Аленушка и братец Иванушка»	Волшебная	Крестьянская	Полная	Сестра Алена, брат Иван, мать, отец.	Забота о родных помогает в самых сложных ситуациях, надо слушаться старших в семье.
«Гуси-лебеди»	Волшебная	Крестьянская	Полная	Мать, отец, дочь, сын.	Дороже для человека его семья, все члены семьи должны быть вместе.
«Серебряное блюдечко и наливное яблочко»	Волшебная	Крестьянская	Полная	Старик, старуха, три дочери, пастушок, царь.	Зависть, коварство родных сестер может довести до убийства.
«Безручка»	Волшебная	Крестьянская	Полная	Брат, сестра, невестка, зять, сын, народ.	Самые близкие люди могут причинить зло. Народ помогает бедной одинокой матери. Любовь матери к своему ребенку преодолевает все трудности. Любовь сильнее злодейства.
«Финист – ясный сокол»	Волшебная	Крестьянская	Неполная	Отец, три дочери, молодец, старуха.	Зависть старших дочерей к младшей приводит зло в семью. Завистливые люди – злые люди, способные на предательство.
«Морозко»	Бытовая	Крестьянская	Полная	Мачеха, ее дочь, муж, его дочь.	Добрый и тихий муж не может противостоять злобной и сварливой новой жене.
«Волшебная дудочка»	Волшебная	Крестьянская	Полная	Мачеха, ее дочь, муж, его дочь.	Добрый и наивный старик-вдовец женился на той, которую следует обходить стороной. Из-за жадности и корысти мачехи пострадала падчерица.
«Хаврошечка»	Волшебная	Крестьянская	Приемная семья	Сирота, мачеха, три ее дочки.	Круглая сирота вынуждена работать за всех, попала в семью, ее заморили работой.
«Василиса Прекрасная»	Волшебная	Купеческая	Неполная	Купец, его дочь, мачеха с двумя дочерьми.	Мачеха заставляла выполнять падчерицу самую сложную работу. купец не нашел в новой жене добрую мать для дочки. Судьба наказала мачеху.

Из анализа таблицы следует, что в каждой из сказок представлена семья. Семьи разные по своему социальному положению – от крестьянской до царской. Также разнообразно изображение семей в русских народных сказках: бабушки и дедушки, воспитывающие внуков; полная семья; неполная семья; приемная семья. Отношения между членами семьи рассматриваются очень глубоко.

Можно с уверенностью сказать, что в сказках, показывающих, что семья – основная ценность человеческой жизни, представлена счастливая семья. В них искренние, заботливые отношения, построенные на уважении и согласии между всеми членами семьи. «Нужно помогать друг другу, только на основе сотрудничества и взаимопомощи можно достичь цели» [12, с. 805]. В них описана семья как одно целое, благодаря поддержке друг друга семья добивается успеха, преодолевает все трудности.

В сказках о негативных семейных отношениях, где присутствует брань и разлад, упрямство и предательство, показаны злобные семейные отношения. Они делают человека несчастливым в семье, могут привести к распаду семьи.

Отношения, построенные на зависти, коварстве, лицемерии, приводят к трагическим последствиям.

Взаимоотношения, показывающие варианты отношений семьи с мачехой или приемных родителей и детей, – пример того, как не должно быть в семье. Осуждаются властность, командный дух, ненасытность в отношениях между супругами, которые в конце сказки обязательно наказываются.

Таким образом, сравнительный анализ сказок позволил выявить отрицательные и положительные стороны семейных отношений.

Заключение

Проведенная работа позволяет сделать выводы, что народная сказка – один из самых любимых и популярных жанров фольклора. Русская народная сказка – это сокровище народной мудрости, она формирует представление о семье и ее роли в жизни человека.

Семья в русской народной сказке представляет собой не просто собирательное понятие, но сложную сеть взаимосвязей, в которой каждый член семьи играет уникальную роль. Каждый образ члена семьи наполнен особыми качествами и функциями, которые важны для гармонического существования семьи.

Сказки служат зеркалом, в котором отражаются как положительные, так и отрицательные стороны семейной жизни, что позволяет читателям задуматься о своих собственных отношениях и ценностях. В конечном итоге становится очевидным, что счастлива та семья, в которой отношения строятся на любви и согласии, взаимоуважении и поддержке.

Л и т е р а т у р а

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Москва : Терра–Книжный клуб, 1998. – Т. 2. – 779 с.
2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / Под редакцией Н. Ю. Шведовой. – Москва : Русский язык, 1990. – 921 с.
3. Адоньева, С. Б. Волшебная сказка в контексте традиционной фольклорной культуры / С. Б. Адоньева. – Ленинград : Издательство Ленинградского гос. университета, 1989. – 204 с.
4. Никифоров, А. И. Сказка, ее бытование и носители / А. И. Никифоров. – Москва : Художественная литература, 1937. – 783 с.
5. Померанцева, Э. В. Русская устная проза / Э. В. Померанцева. – Москва : Просвещение, 1985. – 272 с.
6. Пропп, В. Я. Русская сказка / В. Я. Пропп. – Москва : Лабиринт, 2000. – 416 с.
7. Аникин, В. П. Русская народная сказка : Пособие для учителя / В. П. Аникин. – Москва : Учпедгиз, 1959. – 255 с.
8. Камалова, Л. А. Изучение русских народных сказок в контексте «диалога культур» в школах / Л. А. Камалова. – Казань : Школа, 2006. – 153 с.

9. Бахтина, В. А. Художественная функция фантастики в народных сказках / В. А. Бахтина. – Саратов, 1973. – 178 с.
10. Андреев, Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне / Н. П. Андреев. – Ленинград : Гослитиздат, 1929. – 118 с.
11. Киракосян, К. Э. Традиционное использование русской народной сказки в воспитании детей / К. Э. Киракосян, Т. М. Савенко // Теория и практика образования в современном мире : материалы VI Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, декабрь 2014). – Санкт-Петербург : Сатис, 2014. – 115–118 с.
12. Лулудова, Е. М. Русские народные сказки и их архетипические составляющие / Е. М. Лулудова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 8 (ч. 4). – С. 803–807.

References

1. Dal, V. I. (1998) *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. Moscow: Terra Book Club. (In Russian)
2. Ozhegov, S. I. (1990) *Dictionary of the Russian Language*, Shvedova, N. Y. (ed.). Moscow: Russian Language. (In Russian)
3. Adonyeva, S. B. (1989) *A Fairy Tale in the Context of Traditional Folklore Culture*. Leningrad: Leningrad State University Publishing House. (In Russian)
4. Nikiforov, A. I. (1937) *Fairy Tale, Its Existence and Media*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russian)
5. Pomerantseva, E. V. (1985) *Russian Oral Prose*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)
6. Propp, V. Ya. (2000) *Russian Fairy Tale*. Moscow: Labyrinth. (In Russian)
7. Anikin, V. P. (1959) *Russian Folk Tale*. Moscow: Uchpedgiz. (In Russian)
8. Kamalova, L. A. (2006) *The Study of Russian Folk Tales in the Context of the Dialogue of Cultures in Schools*. Kazan: Shkola. (In Russian)
9. Bakhtina, V. A. (1973) *The Artistic Function of Fiction in Folk Tales*. Saratov. (In Russian)
10. Andreev, N. P. (1929) *Index of Fairy-Tale Plots According to the Aarne System*. Leningrad: Goslitizdat. (In Russian)
11. Kirakosyan, K. E., Savenko, T. M. (2014) The Traditional Use of the Russian Folk Tale in the Upbringing of Children. In: *Theory and practice of education in the modern world: proceedings of the VI International Scientific Conference (St. Petersburg, December 2014)*. St. Petersburg: Satis, pp. 115–118. (In Russian)
12. Luludova, E. M. (2015) Russian Folk Tales and Their Archetypal Components. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 8 (part 4), pp. 803-807. (In Russian)

ДМИТРИЕВА Татьяна Петровна – учитель русского языка и литературы, МБОУ «Майинский лицей имени И.Г. Тимофеева» МР «Мегино-Кангаласский улус».

E-mail: dmitrievaTP01@mail.ru

Tatyana P. DMITRIEVA – teacher of Russian language and literature, I.G. Timofeev Maya Lyceum, Megino-Kangalassky district, Sakha Republic (Yakutia).

ЕГОРОВА Саргылана Ивановна – к. филол. н., доцент кафедры якутской литературы ИЯКН СВ РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: sargi@mail.ru

Sargylana I. EGOROVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Sakha Literature, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 398

DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-60-65

Композиционная структура якутских алгысов

А. М. Захарова¹, К. Г. Алексеев²

¹Арктический государственный институт культуры и искусств, г. Якутск, Россия

²Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ mza888@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ композиционной структуры в алгысах ысыахов дореволюционного, советского и современного периодов. Национальный древний праздник ысыах (якут. ыһыах), посвященный общению с Верхними божествами, в архаичной форме сохранился до наших времен и остается главенствующим фактором сплочения народа саха, самовыражения его как этноса. Праздник традиционно представляет собой комплекс обрядов и ритуалов, центральным среди которых выступает обрядовая церемония алгыс (благословение), которая как отдельный фольклорный жанр имеет специфические особенности. На современном этапе развития сибирской фольклористики, несмотря на усилия исследователей из национальных республик, жанры обрядовой и шаманской поэзии, вызывающие интерес специалистов разных направлений, остаются недостаточно изученными. Выбор темы исследования и постановка проблемы были обусловлены данным обстоятельством. Необходимость сравнительно-сопоставительного рассмотрения алгысов ысыаха предопределяет актуальность работы. В зависимости от характера исследования были использованы описательный, структурно-типологический, лексико-семантический и лингвистический методы исследования. В исследовании отмечается, что процесс культурной трансляции, выраженной в межпоколенной передаче практик проведения обрядовых церемоний благословения алгыс, является успешным, что отражается в сохранении основных жанровых признаков и элементов, характерных для традиционных якутских алгысов.

Ключевые слова: алгыс, композиционная структура, традиции, культура, фольклор, ысыах, молитва, благословение, божества, адресатно-персональный ряд, айыы.

Для цитирования: Захарова А. М., Алексеев К. Г. Композиционная структура якутских алгысов. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2024, № 4 (16). С.60–65. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-60-65

Compositional structure of Yakut *algys* blessings

A. M. Zakharova¹, K. G. Alekseev²

¹Arctic State Institute of Culture and Arts, Yakutsk, Russia

²M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ mza888@mail.ru

Abstract. The article analyses the compositional structure in the Yhekh *algys* blessings in the pre-revolutionary, Soviet, and modern periods. The traditional ancient festival Yhekh (Yak. ыһыах), dedicated to communication with the Upper deities, has survived in its archaic form to our times and remains the main factor of uniting the Sakha people and expressing them as an ethnos. The festival traditionally represents a complex of rites and rituals, the centrepiece of which is the *algys* (blessing) ceremony, which, as a separate folklore genre, has its own peculiarities. At the present stage of development of Siberian folkloristics, despite the efforts of researchers from the national republics, the genres of ritual and shamanic poetry, which arouse the interest of specialists of different directions, remain insufficiently studied. The choice of the research topic and statement of the problem was conditioned by this circumstance. The necessity of comparative and comparative consideration

of Yhekh's algy's on the basis of data predetermines the relevance of the work. Depending on the nature of the study, descriptive, structural-typological, lexico-semantic and linguistic methods of research were used. The study notes that the process of cultural transmission expressed in the intergenerational transmission of practices of ritual ceremonies of algy's blessing is successful, which is reflected in the preservation of the main genre features and elements characteristic of traditional Yakut algy's.

Keywords: algy's, compositional structure, traditions, culture, folklore, yhekh, prayer, blessing, deities, addressee-personal series, ajyy.

For citation: Zakharova A. M., Alekseev K. G. Compositional structure of Yakut *algy's* blessings. *Issues of national literature*. 2024. No 4 (16). Pp. 60–65. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-60-65

Введение

Алгыс — это традиционные якутские просьбы о помощи и защите, которые имеют глубокие корни в культуре и фольклоре народа саха. Композиционная структура алгысов представляет собой уникальное сочетание риторических приемов, символизма и культурных элементов, отражающих мировоззрение и ценности якутской общины.

Сбор текстов якутских алгысов был начат в первой половине XVIII в. Как отмечает Л. С. Ефимова, в историографии изучения якутского алгыса выделяются три этапа: дореволюционный, советский, постсоветский [1].

Основные компоненты алгысов включают введение, в котором обозначается цель обращения; описание желаемого результата или защиты, что подчеркивает важность просьбы; и заключение, выражающее надежду на помощь свыше. Чаще всего алгыс строится на метафоричности и образности, что позволяет создать эмоциональную связь между говорящим и слушающим.

Ключевыми элементами композиции являются обращение к природным силам, предкам и богам, что указывает на глубокую связь человека с окружающим миром. Алгыс также может включать элементы ритуала, выражая коллективные чувства и укрепляя социальные связи в обществе. Изучение композиционной структуры якутских алгысов открывает новые горизонты для понимания не только фольклора саха, но и их исторической и культурной идентичности.

Композиционная структура якутских алгысов

Г. У. Эргис [2], С. Д. Мухомлева [3] замечали, что в композиционном плане якутские алгысы состояли из трех частей: из обращения, просьбы и описания жертвы. Здесь нужно дать несколько уточнений. Из текстовых материалов видно, что после обращения, просьбы в третьей части якуты не только описывали жертву, но и угощали своих адресатов — объектов культов поклонения. Г. У. Эргис писал, что алгыс был композиционно цельным и подробно его описал: «он состоял из вступления, призывающего “всех святых небожителей, к которым неизменно обращаются с хвалой и молением”, и девяти молитвенных заклинаний сверхъестественных существ и заключительного заклинания. В первом заклинании обращались к самому верховному существу в представлениях якутов, затем к покровителю коневодства». Он писал: «праздничный алгыс представлял собой монолог, произносимый в торжественном тоне, или песнопение, состоящее из восьми или девяти частей, по числу сверхъестественных существ, к которым обращались (аҕыс ахтар айыыга или тобус добун айыыга). Каждое обращение представляло собой отдельную тираду. Все части алгыса согласованы, последовательны и скрепляются они вступлением, описывающим приготовление ысыаха, и заключением, выражающим общую просьбу о благоденствии рода человеческого» [2, с. 164–165; с. 168].

Сравним композиционную структуру дореволюционных алгысов:

Я. И. Линденау «Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.) Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока» [4]:

1 часть. Обращение. Обращение к высшим божествам, духам-хозяевам срединного мира, роду хоринцев, который почитает ворона, главе нижнего мира.

2 часть. Изложение просьбы. Просьба молочного изобилия, материального достатка, прошение земных благ, надежной защиты от темных сил.

3 часть. Приношение им дара: кумыс.

Предметы и атрибуты. Кубки (бэлкэйдэр) – Isoch-Uinuja, ложка (хамыйах) – Isoch-Chamja

Ритуальные движения. Возле шамана ставят двух мальчиков, которые держат кубки – Isoch-Uinuja, а двое других мальчиков разливают кумыс. Шаман берет ложку Isoch-Chamja, держа ее обеими руками и стоя перед очагом, черпает из одного Isoch-Uinuja кумыс и при каждой фразе 3 раза брызгает кумыс вверх. Шаман дает каждому глоток из кубка. После этого он берет ложкой из другого кубка и при каждой фразе 3 раза брызгает вверх. Поворачивается к юго-западу, на запад, при каждом упоминании урочищ брызгает он кумыс только 1 раз вверх. Шаман поворачивается на запад. Брызгает 1 раз вверх.

Обрядовые слова. Общение с культами поклонения как с живыми людьми.

По материалам Линденау, адресант после обращений к божествам, «тус арбаа эргиллэр», т. е. поворачивался на запад и обращался к Адьярай Бөбө – главе нижнего мира: «Абыс атахтаах Адьярай Бөбө». Далее провозглашал: «*Үрдүк мэнэ Танараба батымынабын, түөрт үтүгэн үөдэнигэр сирдэммитин. Сылыһар быарын быардан, үүс түүтүн түүлэнэн. Сүттү харабын уотун Халбарыт, Омук омукка улуу киһи*» ‘Ты не смог в мире, где живет божество Верхнего мира, ты сам решил держать путь в мрачную Преисподнюю... Стань мягким, как печень налима, надень рысью шкуру, отведи огненный взор, Великий глава Нижнего мира!’

В. Л. Серошевский. «Якуты» [5]:

1 часть. Обращение. Обращение к адресатам. Обращение к высшим божествам.

2 часть. Изложение просьбы. Просьба о счастье, богатстве, благословении для всех.

3 часть. Приношение им дара: кумыс.

Атрибуты: Сими́р, холлогос (большого чана), кумыс в кубики (аях), украшенные конским волосом.

Ритуальные движения. Взявши полный кубок, становился посередине круга на одно колено и с лицом, обращенным на юг, пел, прося у «Белого Созидателя Бога» о счастье, богатстве, благословении для всех ... Затем, восклицая уруй, кубок вверх подымал он троекратно. Окончивши, садился на место, пил из кубка кумыс и передавал его в очередь из рук кругом.

Обрядовые слова. Общение с культами поклонения как с живыми людьми. Для привлечения внимания божественной силы слова радости: «Уруй!»

Сопоставим материалы алгысов ысыаха, собранные в советском этапе.

А. С. Порядин. «Праздник ысыах второй половины XIX века» [6]:

1 часть. Обращение к адресатам. Обращение к высшим божествам, к духам срединного мира.

2 часть. Изложение просьбы. Просьба продолжения человеческого рода, потомства. Просьба изобилия, всех благ, счастья, материального достатка.

3 часть. Приношение им дара: кумыс с маслом.

Одежда и атрибуты. Кумыс в больших бадьях (сири иһиттэр), посуды с кумысом: берестяной чабычах с узором с кумысом и маслом, далбар чабычах, большая березовая ложка, ручка с узорами, пучок белой конской гривы (миэллээх ибиир хамыйах), сиэллээх чорооннор, балхах (низкие) чорооннор, маленькие кубки (кыра бэлкэйдэр), таналайдаах саар ыабаастар, кыра таналайдаах ыабаастар, большие деревянные ковши (удьаа).

Почтенный старец одет в якутские одеяния старинного покроя, в шапке *дыбака* с серебряным налобным украшением *туопахта* и с завязками из двух красных суковенных лент.

Ритуальные движения. 9 неженатых юношей с чоронами, наполненными кумысом стоят справа в ряд лицом к востоку. Слева стоят в ряд восемь девушек с мелкой посудой, наполненной кумысом и маслом. Спереди стоит алгысчыт. Перед ним разжигался костер. Алгысчыт опускался на левое колено, правую руку поднимал вверх и произносил моление, обращаясь к востоку. Затем поднимался на ногу и вставая лицом на восток, произносил моление. Затем берет самый большой чорон и трижды вливает в огонь кумыс, наклоня посуду к себе и поворачивается в сторону восхода летнего солнцестояния. Затем делает возлияние кумыса в огонь, наклоня посуду к себе. После этого берет большую ложку с конской гривой, черпает кумыс из берестяной посуды и прославляет духов и кропит чэчир.

Обрядовые слова. Для привлечения внимания божественной силы слова радости: «Уруй-айхал!»

Г. В. Ксенофонов. «Эллэйада. Исторические предания якутов, собранных в 1921–1926 гг.» [7]:

1 часть. Обращение к адресатам. Обращение к высшим божествам.

2 часть. Изложение просьбы. Просьба о счастье, богатстве, благословении для всех, выражение душевной радости.

3 часть. Приношение им дара: кумыс с маслом.

Атрибуты. Держит в руках ложку-кропило с тремя ямочками, увязанную конским волосом, чашу чорон с кумысом.

Ритуальные движения. Держа в руках ложку-кропило с тремя ямочками, увязанную конским волосом, он начал молитвенное призывание небожителей, поднимая поочередно чашу с кумысом и маслом ко всем именуемым им божествам. Поднимая чашу, он кропил кумыс ложкой.

Обрядовые слова. Общение с культами поклонения как с живыми людьми. Для привлечения внимания божественной силы слова радости: «Махтал!», «Уруй!».

Сравним современные алгысы:

Ысыах Туймаады, г. Якутск, 2020 г. Три благословителя: А. С. Федоров–Дуонай, Б. Н. Михайлов, И. Г. Васильев–Алгыс Уйбаан. 4 алгыса:

1 часть. Обращение. Обращение к духам-хозяевам.

Первый алгысчыт произносит речь благословения, адресованную духам местности «Ус Хатын», конкретно Аан Алахчын Хотун, которая представляет Мать-Природу, далее духам долины Туймаады, Түсүлгэ Айыы. При этом просит разрешения начать проведение летнего праздника Ысыах с разжигания священного огня.

Второй алгысчыт обращается ко всем всезнающим и всемогущим мудрецам-старцам, благотельнице человечества доброй и ласковой Аан Алахчын Хотун с молениями и преклонением.

Третий алгысчыт проводит священное благословение от имени присутствующих на ысыахе, обращаясь ко всем небесным божествам Айыы принять их общую мольбу о покровительстве им.

2 часть. Изложение просьбы. Просьба изобилия, всех благ, обеспеченности и счастья. Алгысчыт произносит благословенную речь, обращаясь через священную лошадь ко всем божествам Верхнего мира. Он конкретно обращается к Джесегей Айыы, восседающему на третьем небе, чтобы тот подарил народу урожайный год, богатство, удачу. При этом он держит в одной руке наполненный кумысом чорон и специальной ложкой черпает оттуда белую пищу, окропляет священную лошадь.

3 часть. Приношение дара: кумыс, олады.

Алгысчыт: Афанасий Семенович Федоров – Дуонай.

Предметы для алгыса: деревянная ложка – эбир хамыйах. Берестяной сосуд – далбар чабычах с национальным якутским напитком кумысом. Деревянная чаша – кытыйа с кашей – саламат. На бересте кладут пряди белого конского волоса. Разные виды прута для обряда – джалбыр. Звуки для усиления алгыса – колокольчики.

Одежда: алгысчит в белой национальной якутской одежде. Его помощники в белой одежде.

Движение-поклонение: встает на колени, приветствует, кланяется, сложив руки впереди, поднимает вверх руки, для того чтобы принять алгыс. При произнесении «Дом», словно здороваясь, соединяет руки. Чтобы алгыс был услышан богами, его исполняют много человек.

Обрядовые слова, управляющие состоянием человека во время алгыса: Для произнесения глубоких сокровенных пожеланий: «Дьээ-буо». Для поднятия духа: «күөгэл-нухал», для привлечения божеств Айыы:

«Нарын наскыл», для привлечения внимания божеств айыы: «Күлүм – мичил». Для привлечения божественной силы слова радости: «Уруй – туску» и «Уруй – айхал». Для подтверждения сказанных слов: «Дом».

Алгысчит: Борис Николаевич Михайлов.

Предметы для алгыса: деревянная ложка – эбир хамыйах. Берестяной сосуд – далбар чабычах с национальным якутским напитком кумысом. Деревянная чаша – кытыйа с кашей саламатом. На бересте кладут пряди белого конского волоса. Разные виды прута для обряда – джалбыр. Звуки для усиления алгыса – колокольчик.

Одежда: алгысчит в белой национальной якутской одежде.

Движение: поклоняется, приветствует. Возносит руки вверх.

Чтобы алгыс был услышан богами, его исполняет много человек.

Обрядовые слова: для привлечения внимания божественной силы слова радости: «Күлүм-аллай», «Мичик-аллай», «Уруй-айхал», «Уруй-тускуо», «Айхал-мичил», «Тускуо».

Алгысчит: Иван Герасимович Васильев–Алгыс Уйбаан.

Предметы для алгыса: деревянная ложка – эбир хамыйах. Берестяной сосуд – далбар чабычах с национальным якутским напитком кумысом. Деревянная чаша – кытыйа с кашей саламатом. На бересту кладут пряди белого конского волоса. Разные виды прута для обряда – джалбыр. Звуки для усиления алгыса – колокольчик.

Одежда: алгысчит в белой национальной якутской одежде. Его помощники в белой одежде.

Движение: поклоняется, приветствует. Возносит руки вверх. Чтобы алгыс был услышан богами, его исполняет много человек.

Обрядовые слова: для произнесения глубоких сокровенных пожеланий:

«Дьээ-буо». Для привлечения внимания божественной силы слова радости:

«Күлүм- аллай», «Мичик-аллай», «Уруй-айхал», «Уруй-тускуо», «Айхал-мичил», «Тускуо».

Ысыах с. Татта, Таттинский улус. 2018 г.

1 часть. Обращение. Обращение к духам-хозяевам.

2 часть. Изложение просьбы – отсутствует.

3 часть. Приношение дара: кумыс, олады.

Одежда: алгысчит в якутской национальной одежде, дэйбиир с конским волосом.

Предметы: деревянная ложка – эбир хамыйах, деревянный чороон с якутским напитком кумыс, деревянная чаша – кытыйа.

Движение: приветствует, кланяется, сложив руки вперед, поднимает вверх руки.

Обрядовые слова: для привлечения внимания божеств-айыы: «Мичик аллайын», «Күлүм аллайын».

В нашем материале это единственный алгыс, где отсутствует изложение просьбы.

Заключение

Таким образом, в ходе сравнительного анализа композиционной структуры алгысов Ысыаха дореволюционного, советского и современного периодов выявлены основные отличия. Дореволюционные алгысы ориентированы на поклонение высшим божествам и духам, адресанты обращались к ним раз в год, предлагая такие дары, как молочные продукты. В текстах Я. И. Линденау применялись метафоры для уговаривания духов.

Современные алгысы, по сравнению с дореволюционными, более направлены на общение с духами-хозяевами, большинство просьб касается благополучия, изобилия и защиты от темных сил. Обрядовые церемонии последних периодов также предполагают упоминание даров, однако в современных алгысах отсутствует вторая часть с просьбами, что отличается от традиции.

Кроме того, в современных алгысах используются экспрессивные слова и составные выражения, которые отражают эмоциональное состояние адресантов в процессе обряда.

Литература

1. Ефимова, Л. С. Коммуникативная функция алгыса якутов / Л. С. Ефимова // Вестник ЯГУ. Том 5 № 1, 2008. – С. 101-103.
2. Эргис, Г. У. Спутник якутского фольклориста / Г. У. Эргис. – Якутск : Госиздат ЯАССР, 1945. – 95 с.
3. Мухоплева, С. Д. Олонхо и заклиательные песни алгысы / С. Д. Мухоплева // Поэтика эпического повествования. – Якутск, 1993. – 71 с.
4. Линденау, Я. И. Описание народов Сибири: I пол. XVIII в. / Я. И. Линденау. – Магадан : Книжное изд-во, 1983. – 175 с.
5. Серошевский, В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. – Москва, 1993. – 736 с.
6. Порядин, А. С. Праздник ысыах второй половины XIX века А. С. Порядин // Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии. – Якутск, 1961. Вып. 2. С. 67-76.
7. Ксенофонов, Г. В. Эллэйада / Г. В. Ксенофонов. – Москва : Наука. 1977. – 256 с.

References

1. Efimova, L.S. (2008) Communicative Function of Yakut Algys. *Vestnik YAGU*, Vol. 5, 1, pp. 101–103. (In Russian)
2. Ergis, G.U. (1945) *Yakut Folklore Scholar's Companion*. Yakutsk: Gosizdat YASSR. (In Russian)
3. Mukhopleva, S.D. (1993) Olonkho and Algys Blessings. In: Mukhopleva, S.D. *Poetics of Epic Narrative*. Yakutsk. (In Russian)
4. Lindenau, Ya.I. (1983) *Description of the Peoples of Siberia: First Half of the 18th Century*. Magadan: Publishing House. (In Russian)
5. Seroshevsky, V.L. (1993) *Yakuts: An Experience of Ethnographic Research*. Moscow. (In Russian)
6. Poryadin, A.S. (1961) The Yhekh Festival in the Second Half of the 19th Century. In: *Collection of Articles and Materials on the Ethnography of the Peoples of Yakutia*. Yakutsk, pp. 67–76. (In Russian)
7. Ksenofontov, G.V. (1977) *Ellayada*. Moscow: Nauka (In Russian)

ЗАХАРОВА Анна Михайловна – магистр филологии, начальник отдела науки, творческих проектов и инноваций ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств».

E-mail: mza888@mail.ru

Anna M. ZAKHAROVA – Master of Philology, Head of the Department of Science, Creative Projects and Innovations, Arctic State Institute of Culture and Arts.

АЛЕКСЕЕВ Константин Гаврильевич – магистрант ИЯКН СВ РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: bvlvv2000@gmail.com

Konstantin G. ALEKSEEV – Master's student, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 398.22(=512.157)

DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-66-73

Наследие Д. М. Говорова–Олонхосут Миитэрэя в контексте современного социокультурного пространства

В. В. Илларионов, С. И. Федорова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ v_v_illarionov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается наследие Д. М. Говорова–Олонхосут Миитэрэя в современном социокультурном пространстве. Согласно древним учениям, мысль и, особенно, слово, обладают большой созидательной и разрушительной силой, поэтому люди, владеющие этими навыками, считались особыми духовными лидерами наравне с выдающимися шаманами и кузнецами. Благодаря усилиям энтузиаста, записавшего полный текст олонхо, А. Ф. Боярова, мы знаем о его обширном репертуаре, включая олонхо «Мюлджю Беге». Известно, что в 1970–1980-е гг. фольклорное искусство народов России претерпевало упадок. Однако в современных реалиях наблюдается возрождение национального самосознания в форме движения за возрождение традиционной этнической культуры, что приводит к более заметной роли фольклора в общественной жизни, восстановлению его истоков и сохранению традиций. Цель статьи – анализ роли олонхосута в современной культурной среде на примере творчества Д. М. Говорова–Олонхосут Миитэрэя. В данном исследовании применяются историко-типологическое сопоставление и системный анализ современного сказительства. Особое внимание уделяется роли личности олонхосута в контексте современного культурного пространства. Научная новизна статьи состоит в том, что оно впервые рассматривает и анализирует личность олонхосута в контексте современной культурной среды, что до настоящего времени не подвергалось основательному изучению исследователями. Данная работа вносит значительный вклад в понимание роли олонхосута в современной культуре.

Ключевые слова: якутский героический эпос, олонхо «Мюлджю Беге», олонхосут Дмитрий Говоров, исполнитель, сказитель, фольклор, репертуар, социокультурное пространство, наследие, традиция.

Для цитирования: Илларионов В. В., Федорова С. И. Наследие Д. М. Говорова–Олонхосут Миитэрэя в контексте современного социокультурного пространства. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature*. 2024, № 4 (16). С. 66–73. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-66-73

Legacy of Dmitry Govorov - Olonkhohut Miterrey in the context of modern socio-cultural space

V. V. Illarionov, S. I. Fedorova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ v_v_illarionov@mail.ru

Abstract. The article examines the legacy of Dmitry Govorov - Olonkhohut Miterrey in the modern socio-cultural space. According to ancient teachings, thought and, especially, word, have great creative and destructive power; therefore, people who possess these skills were considered special spiritual leaders on a par with outstanding shamans and blacksmiths. Thanks to the efforts of the enthusiast A. F. Boyarov, who recorded the full text of the olonkho, we know about its extensive repertoire, including the olonkho "Mulju Bege." It is known that in the 1970s - 1980s, the folk art of the peoples of Russia was in decline. However, in modern realities, there is a revival of national identity in the form of a movement for the revival of traditional ethnic culture, which leads to a more noticeable role of folklore in public life, the restoration of its origins and the preservation of traditions. The purpose of the article is to analyze

© Илларионов В. В., Федорова С. И. Наследие Д. М., 2024

the role of the *olonkhohut* (Olonkho-narrator) in the modern cultural environment using the work of Dmitry Govorov - Olonkhohut Miterey as an example. This study uses historical and typological comparison and a system analysis of modern storytelling. Particular attention is paid to the role of the olonkhohut personality in the context of the modern cultural space. The scholarly novelty of the article lies in the fact that it is the first to consider and analyze the personality of the olonkhohut in the context of the modern cultural environment, which has not been thoroughly studied by researchers to date. This work makes a significant contribution to understanding the role of the olonkhohut in modern culture.

Keywords: Yakut heroic epic, olonkho “Mulju Bege”, olonkhohut Dmitry Govorov, performer, storyteller, folklore, repertoire, sociocultural space, heritage, tradition.

For citation: Illarionov V. V., Fedorova S. I. Legacy of Dmitry Govorov - Olonkhohut Miterey in the context of modern socio-cultural space. *Issues of national literature*. 2024. No 4 (16). Pp. 66–73. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-66-73

Введение

Творчество Д. М. Говорова имеет значительные особенности, в нем особенно заметно глубокое знание древней эзотерической мудрости. Олонхосуты обычно были простыми крестьянами-скотоводами, большинство из них происходило из небогатых семей. Например, Дмитрий Михайлович Говоров-Олонхосут Миитэрэй (1848–1943) из Усть-Алданского района был знаменитым профессиональным сказителем Якутии. Он начал сказывать олонхо с детства и продолжал до глубокой старости – он был настоящим «посвященным духом слова». О таких людях ранее говорили: «тыл иччитигэр ылларбыт киһи» (плененный духом слова) или «тыл иччитэ инмит киһитэ» (человек, в которого вселился дух слова). Согласно древним учениям, мысль и, особенно, слово, обладают большой созидательной и разрушительной силой, поэтому люди, владеющие этими навыками, считались особыми духовными лидерами наравне с выдающимися шаманами и кузнецами. Благодаря усилиям энтузиаста, записавшего полный текст олонхо, А. Ф. Боярова, мы знаем о его обширном репертуаре, включая олонхо «Мюлджю Беге».

Известно, что в 1970–1980-е гг. фольклорное искусство народов России претерпевало упадок. Однако в современных реалиях наблюдается возрождение национального самосознания в форме движения за возрождение традиционной этнической культуры, что приводит к более заметной роли фольклора в общественной жизни, восстановлению его истоков и сохранению традиций. В памяти народа до сих пор сохраняются древние обычаи и ритуалы, связанные с традиционными верованиями, такими как поклонение божествам айы и духам-хозяевам тайги, гор и огня. В этот период также происходит возрождение шаманизма. Количество сказителей увеличивается, и их искусство принимает разнообразные формы, включая как эпическое исполнение олонхо, так и исполнение культовых песнопений, таких как шаманские камлания. Исходя из этого, становится очевидной актуальность исследования проблемы традиций сказительства.

Цель статьи – анализ роли олонхосута в современной культурной среде на примере творчества Д. М. Говорова-Олонхосут Миитэрэя.

Для достижения поставленной цели предполагается выполнение следующих задач: определить роль олонхосута в качестве носителя и хранителя культурных ценностей, выявить особенности личности олонхосута в контексте современного культурного пространства.

Роль творческого наследия Д. М. Говорова–Олонхосут Миитэрэя в современном социокультурном пространстве

Олонхо занимает особое место в богатейшем устно-поэтическом наследии якутского народа, являясь памятником былой истории, воплощением мудрости, верований и чаяний саха, художественным отражением его быта и нравов.

Эпос создается и сохраняется благодаря искусству олонхосутов – его творцов и исполнителей. Следовательно, для понимания олонхо как произведения народного поэтического творчества огромное значение имеет изучение репертуара и характерных черт сказительского мастерства исполнителей.

Усть-Алданский улус, который включает бывшие Дюпсунский, Борогонский и Баягантайский улусы, издавна славился традициями сказительского мастерства. Из этих мест вышли такие известные олонхосуты, как Д. М. Говоров–Олонхосут Миитэрэя, П. А. Охлопков–Наара Суох, И. Охлопков–Чочойбох, Н. П. Бурнашев–Боодьогос, П. Н. Соловьев–Нымыын, Н. Р. Петухов–Олонхосут Наһаар, М. Н. Посельский и др.

Д. М. Говоров приобрел широкую известность, путешествуя по центральным улусам Якутии, окрестностям г. Бодайбо, Нижней Лене и сказывая олонхо. В последние годы его жизни собирателям якутского фольклора А. Ф. Боярову, Г. В. Данилову, Н. М. Говорову довелось записать с его слов несколько крупных олонхо, в том числе «Мюлджю Беге» и «Эрбэхтэй Бэргэн» [1]. Впоследствии олонхо «Мюлджю Беге» Д. М. Говорова было издано отдельной книгой, и это навсегда увековечило имя сказителя [2, 3].

Олонхо «Непобедимый Мюлджю Беге» было записано в 1935 г. со слов Д. М. Говорова, издано отдельной книгой в 1938 г. под редакцией народного поэта Якутии С. Р. Кулачикова–Эллэя [2]. Дмитрий Михайлович Говоров (1848–1943 гг.) был одним из выдающихся профессиональных олонхосутов Якутии. Он начал сказывать олонхо с юных лет и продолжал до глубокой старости, это был настоящий посвященный, «призванный духом слова». О таком человеке в старину говорили: «тыл иччитигэр ылларбыт киһи» (плененный духом слова) или «тыл иччитэ инмит киһитэ» (человек, в которого вселился дух слова); согласно мудрости древних (сокровенное учение) мысль и, в особенности слово, обладают большой созидательной и разрушительной силой-духом. Такие люди считались людьми особого духовного ранга, наравне с большими шаманами и кузнецами. Из обширного репертуара Д. М. Говорова, благодаря энтузиасту, записавшему полный текст олонхо, мы знаем «Мюлджю Беге».

С. Р. Кулачиков–Эллэй верно отметил, что «олонхо берет начало с глубокой древности, с родового общества и в протяжении веков, по ходу развития общества, меняется, дополняется и расширяется» [4, с. 13]. И еще он писал: «Как мне кажется, Срединный мир является родиной не только уранхайцев-саха, но и других народов. Батор Полтора и богатырь Кырадымыан – герои других народов земли» [4]. Это к тому, что во многих олонхо насельниками Срединного мира являлись только якуты (что характерно для древнего родового менталитета), их противниками и соперниками являлись представители нижнего и верхнего миров, олицетворявшие зло.

В век цифровых технологий и стремительных социальных трансформаций наследие олонхосутов, сказителей, хранителей устного народного творчества приобретает особую актуальность. В динамичном социокультурном пространстве, где границы между традициями и модерном размываются, устные нарративы сказителей продолжают играть важную роль в построении и репрезентации коллективной идентичности. Достояние сказителей олонхо в контексте современного общества, когда устные рассказы адаптируются к новым платформам и взаимодействуют с новыми культурными формами, сохраняет свою значимость и продолжает обогащать человеческий опыт. Якутское героическое сказание олонхо было признано шедевром устного и нематериального наследия человечества ЮНЕСКО в 2005 г., а наследие одного из величайших олонхосутов (исполнителей олонхо) Дмитрия Михайловича

Говорова–Олонхосут Миитэрэй (1848–1926) – занимает центральное место в этой эпической традиции [5].

Традиции олонхосута Д. М. Говорова нашли свое отражение в различных современных проявлениях: от возрождения устного повествования на цифровых платформах до включения элементов традиционного сказительства в современные произведения искусства и литературы. Изучая эти проявления, мы можем глубже понять, как устные традиции приспосабливаются к изменяющимся культурным ландшафтам и сохраняют свою силу и актуальность в эпоху глобализации и технологических инноваций.

Несмотря на то, что с момента его смерти прошло уже более 70 лет, творчество Д. М. Говорова по-прежнему привлекает внимание как профессиональных исследователей фольклора, так и широкой общественности, служит источником вдохновения для новых поколений исполнителей олонхо. Для увековечения памяти и популяризации сказительского мастерства Д. М. Говорова в современном социокультурном пространстве в последние десятилетия активно проводятся мероприятия различного характера.

Одной из основных форм актуализации наследия Д. М. Говорова в наши дни являются различные фестивали и конкурсы исполнителей олонхо, приуроченные к памятным датам, связанным с его жизнью и творчеством. Так, в 2021 г. в Ольтекском наслеге Усть-Алданского улуса прошел молодежный фестиваль «Мунха олонхото», посвященный 170-летию со дня рождения великого сказителя [6]. В фестивале приняли участие как индивидуальные исполнители, так и творческие коллективы из разных районов республики. Примечательно, что победительницей фестиваля стала молодая исполнительница В. Цыпандина из Намского улуса, получившая в качестве главного приза живого жеребенка. Этот символический жест призван подчеркнуть неразрывную связь эпической традиции с традиционным укладом жизни якутского народа, его историей и культурой.

Важную роль в сохранении и трансляции традиций сказительского мастерства Д. М. Говорова играют образовательные и научные учреждения республики. В частности, при Арктическом государственном институте культуры и искусств (АГИКИ) действует студенческая студия «Долун», в составе которой молодые исполнители из разных районов Якутии осваивают локальные эпические традиции своей малой родины [7]. Профессиональные фольклористы и эпосоведы на регулярной основе проводят семинары, мастер-классы и научные конференции, посвященные изучению творчества Д. М. Говорова и других выдающихся олонхосутов прошлого.

Эпическое творчество Д. М. Говорова служит богатым источником для развития современного якутского театрального искусства. По мотивам его олонхо «Мюлджю Беге» в 2023 г. в селе Борогон Усть-Алданского улуса силами артистов Дома Олонхо и народного театра «Айыллан» была поставлена театрализованная постановка, вызвавшая большой интерес у местных жителей. Обращение профессиональных и самодеятельных коллективов к классическим образцам якутского эпоса способствует сохранению и творческому переосмыслению традиционных сюжетов, образов и мотивов в современных сценических формах.

Большое значение для популяризации творчества Д. М. Говорова имеют публикации текстов его олонхо, осуществленные как при жизни сказителя, так и в последующие десятилетия. Наиболее известным произведением Говорова является олонхо «Бүдүрүйбэт Мулдьу Бөбө» («Неспотыкающийся Мюлдьу Сильный»), записанное в 1934 г. А. Ф. Бояровым и изданное отдельной книгой в 1938 г. [2, 3]. Это монументальное эпическое полотно, содержащее десятки тысяч стихотворных строк, по праву считается одной из вершин якутской эпической поэзии. Сказитель олонхо С. И. Черноградский внес значительный вклад в популяризацию творчества Дмитрия Говорова, исполняя его олонхо «Мюлджю Беге» на различных международных площадках [8]. Ключевые моменты его деятельности: представление олонхо на I Всемирной конференции «Эпосы народов мира

на земле Олонхо»: Черноградский исполнил «Мюлджю Беге» на английском языке перед учеными из разных стран, способствуя признанию якутского эпоса на мировом уровне. Исполнение олонхо на международных фестивалях: выступления в Варшаве (Польша) и Сербии познакомили с олонхо «Мюлджю Беге» европейскую публику, расширяя географию распространения олонхо; участие в Республиканском ысыахе Олонхо (исполнение олонхо в числе избранных сказителей Якутии подтверждает высокий статус С. И. Черноградского как хранителя и продолжателя традиции) сотрудничество с исследователями: взаимодействие с профессором О Еун-Куинг и профессором Ким Ке-унсик из Южной Кореи способствовало документированию и изучению олонхо «Мюлджю Беге». Фотография С. И. Черноградского с детьми на обложке книги “Storytelling in Siberia” символизирует преемственность традиции исполнения олонхо «Мюлджю Беге» и подчеркивает важность ее сохранения. Предоставление информации о Республиканском ысыахе Олонхо помогло Харрис создать учебное пособие для студентов, изучающих якутский эпос. Деятельность сказителя С. И. Черноградского демонстрирует важность не только сохранения, но и активной популяризации якутского олонхо, в том числе произведений Дмитрия Говорова, на международной арене. Его усилия способствуют признанию олонхо как важной части мирового культурного наследия. Наследие Дмитрия Говорова продолжает жить и развиваться благодаря таким энтузиастам, как сказитель С. И. Черноградский, который, вдохновляясь творчеством мастера, вносит свой вклад в сохранение и популяризацию олонхо в современном социокультурном пространстве.

Другие известные олонхо Говорова – «Эрбэхтэй Бэргэн» и «Юэлэн Хардааччы» – были частично опубликованы в сборниках якутского фольклора в 1940-е гг. [9]. В 2023 г. увидело свет электронное издание текста олонхо «Эрбэхтэй Бэргэн», подготовленное усилиями энтузиастов [10].

Характерной чертой эпического стиля Д. М. Говорова является органичное введение в традиционную ткань повествования новых мотивов и образов, отражающих меняющиеся социальные реалии и духовные запросы современников сказителя. Так, в олонхо «Юэлэн Хардааччы» архаический сюжет о дележе военной добычи трактуется в социально-утопическом ключе как прообраз справедливого общественного устройства, основанного на равном распределении жизненных благ. Подобные идеологические интерполяции, органично вплетенные в мифо-эпическую ткань повествования, свидетельствуют о глубинном созвучии олонхо духовным исканиям якутской интеллигенции первой половины XX в.

Творчество Д. М. Говорова активно представлено в современном информационном пространстве Республики Саха (Якутия). Записи его голоса, фотографии и документальные свидетельства хранятся в фондах Национальной библиотеки, Литературного музея, архивов Республики Саха (Якутия). Биографии и творчеству великого сказителя посвящены многочисленные статьи в республиканской прессе, теле- и радиопередачи. Наследие Дмитрия Говорова, выдающегося сказителя олонхо, продолжает жить и вдохновлять новое поколение хранителей этого уникального якутского эпоса. Олонхосут Миитэрэй, проникнувшись творчеством мастера, вносит свой вклад в сохранение и популяризацию олонхо в современном социокультурном пространстве. В 2018 г. интерес к личности и творчеству Д. М. Говорова был поддержан выходом документального сюжета «Аал Лук Мас», созданного И. Д. Избековой. Эти события свидетельствуют о том, что олонхо остается живой и развивающейся традицией, актуальной и востребованной в современном мире.

В родном наслеге Говорова Ольтехе создан мемориальный комплекс «Ырыа-тойук алаһата», включающий музей и памятник олонхосу. Все эти факты свидетельствуют о широком общественном внимании, который вызывает личность и творческое наследие Д. М. Говорова у наших современников.

Особого внимания заслуживает представление творчества Д. М. Говорова в цифровом пространстве. В 2024 г. в Якутии было презентовано мобильное приложение «Образцы традиционного исполнения олонхо – Ноо!», в котором представлены уникальные аудиозаписи легендарных олонхосутов трех основных региональных эпических традиций, в том числе и самого Дмитрия Михайловича. Пользователи приложения получили возможность не только прослушать фрагменты олонхо в аутентичном звучании, но и ознакомиться с биографиями сказителей, комментариями и переводами текстов. Этот инновационный проект, реализованный Институтом олонхо Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова при поддержке Министерства культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия), открывает новые перспективы для популяризации традиционного эпического искусства в условиях цифровой эпохи, делая шедевры устного народного творчества доступными для широкого круга слушателей.

Таким образом, наследие Д. М. Говорова–Олонхосут Миитэрэя оказывает глубокое влияние на современное социокультурное пространство Якутии по нескольким причинам:

- значимостью олонхо в якутской культуре. Олонхо является неотъемлемой частью якутской культуры, передающей мировоззрение, ценности и историю народа. Олонхо Д. М. Говорова, как признанные шедевры эпического искусства, служат образцами для подражания и источником вдохновения для современных деятелей культуры;
- универсальностью тем и сюжетов. Олонхо Говорова затрагивают универсальные темы, такие как борьба добра со злом, поиск смысла жизни, сила духа и преданность своей земле. Эти темы резонируют с людьми разных культур и поколений, делая наследие Говорова актуальным и в современном мире;
- художественной ценностью олонхо. Олонхо Говорова отличаются высоким художественным качеством, мастерством повествования, образностью языка и глубиной характеров. Эти качества привлекают внимание современных художников, которые видят в олонхо богатый материал для творческого переосмысления;
- ролью Говорова как культурного героя. Д. М. Говоров был не только выдающимся олонхосутом, но и уважаемым старейшиной, хранителем традиций и духовным наставником. Его наследие служит напоминанием о важности культурного наследия и связи между поколениями.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что 175 лет спустя после рождения великого олонхосута его художественное наследие продолжает сохранять свою эстетическую значимость и нравственную актуальность. Записанные от Д. М. Говорова тексты олонхо составляют золотой фонд якутской эпической традиции, служат образцами для новых поколений исполнителей и материалом для исследовательской работы фольклористов. Образ Говорова–Олонхосут Миитэрэя как идеального народного сказителя, хранителя сокровенной памяти предков, органично вписался в пантеон национальных героев Якутии, стал важной составной частью современного культурного ландшафта республики. Творчество Д. М. Говорова, как и других выдающихся олонхосутов прошлого, является не только пассивным объектом культурного наследования, но и живым и актуальным ресурсом, востребованным в самых разных областях и жанрах современной якутской культуры – от научных студий до театральных и кинематографических интерпретаций. Наследие Говорова принадлежит не только истории, но и современности, открывая перед новыми поколениями якутян безграничные перспективы творческого поиска и национального самопознания.

В целом наследие Дмитрия Михайловича Говорова–Олонхосут Миитэрэя продолжает оказывать значительное влияние на современное социокультурное пространство Республики Саха (Якутия). Несмотря на прошедшие десятилетия после

смерти великого сказителя, его творчество остается объектом активного изучения, популяризации и творческого переосмысления. Разнообразные формы актуализации наследия Д. М. Говорова, такие как фестивали и конкурсы исполнителей олонхо, театральные постановки, публикации текстов, научные конференции, мемориальные комплексы и цифровые ресурсы, свидетельствуют о неугасающем интересе к личности и творчеству олонхосута у современников. Эпическое искусство Д. М. Говорова, органично сочетающее в себе верность традиции и новаторство, архаику и современность, продолжает служить неиссякаемым источником вдохновения для новых поколений творцов и исследователей, основой для развития самобытной культуры народа саха в XXI в.

Л и т е р а т у р а

1. Библиография олонхо : методические разработки / [ответственный редактор и автор предисловия Д. С. Макаров ; составитель Т. С. Дьяконова ; Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР]. – Якутск : [б. и.], 1982. – 66, [2] с.
2. Говоров, Д. М. Бүдүрүбэт Мүлдү Бөбө (Неспотыкающийся Мюльдзю Беге). – Якутск : Якутское государственное издательство, 1938. – 496 с.
3. Говоров, Д. М. Мүлдү Бөбө = Непобедимый Мюльдзю Бёгё : олонхо: в двух книгах / Д. М. Говоров. – Якутск : Бичик, 2010. Кн. 2: Непобедимый Мюльдзю Бёгё / пер. с якут. Е. С. Сидорова; [сост., общ. вступ. ст. А. Н. Жиркова]. – 2010. – 318 с.
4. Говоров, Д. М. Непобедимый Мюльдзю Бёгё : [олонхо] / Д. М. Говоров ; перевод с якутского, предисловие, научные комментарии Е. С. Сидорова. – Якутск : Издательство ЯГУ, 2003. – Ч. 2. – 2003. – 228 с.
5. Встреча Шедевров ЮНЕСКО на земле Олонхо = Meetin of the UNESCO Masterpieces on the Land of Olonkho / Министерство культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) ; [автор текста: Т. И. Игнатьева, Ю. И. Шейкин ; перевод с английского языка К. Филиппова]. – Москва : InterDOM, 2008. – [74] с.
6. Мунха олонхото / Г. Попова–Санаайа; [эппиэттиир ред. Б. Н. Попов, филос. н. д., проф.; Б. Ф. Неустроев–Мандар Уус ойуулар туһаныллылар]. – Дьокуускай : Бичик, 2010. – 183 с.
7. Арктический государственный институт искусств и культуры / Министерство культуры Российской Федерации, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования ; [составители: В. С. Никифорова, С. В. Максимова, Л. В. Платонова ; научный редактор Л. Г. Попова]. – Якутск : АГИИК, 2010. – 35 с.
8. Черноградский, С. И. 100 интервью о будущем Якутии : Семен Черноградский : [видеозапись] / руководитель Г. А. Кутуготова ; оператор А. Д. Бойтунов ; монтаж М. И. Эверстов ; редактор С. Б. Кларова ; Национальная библиотека Республики Саха (Якутия), Государственное Собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). – Якутск : НБ РС (Я), 2022. – 1 видеофайл (mp4 ; 545 Мб ; 15 мин 17 с).
9. Саха народун айымньыта = Творчество якутского народа / Тыл уонна культура САССР иһинээҥи научнай-чинчийэр института ; онорбуттара: Г. М. Васильев, Х. И. Константинов ; В. Н. Чемезов уопсай редакциятынан тахсар ; [ойууларын онорбута М. М. Носов]. – Якутскай : САССР государственнай издательствота, 1942. – 250, [1] с.
10. Говоров, Д. М. Эрбэхтэй Бэргэн / Д. М. Говоров. – Борогон : Библиотека : Усть-Алданская МЦБС, 2023. – 74 с.

References

1. Makarov, D.S. (ed.) (1982) *Bibliography of Olonkho: Methodological Aids*. Compiled by T. S. Dyakonova. Yakutsk. (In Russian)
2. Govorov, D.M. (1938) *Buduruybet Muldu Bege (Invincible Mulju Bege)*. Yakutsk: Yakut State Publishing House. (In Yakut)
3. Govorov, D.M. (2010) *Invincible Mulju Bege: olonkho in two books*. Translated from Yakut by E. S. Sidorov. Yakutsk: Bichik. (In Russian)

4. Govorov, D.M. (2003) *Invincible Mulju Bege*. Translated from Yakut by E. S. Sidorov. Yakutsk: YSU Publishing House. (In Russian)
5. Ignatieva, T. I., Sheikin, Yu. I. (2008) *Meeting of the UNESCO Masterpieces on the Land of Olonkho*. Translated from English by K. Filippova]. Moscow: InterDOM. (In Russian)
6. Popova, G. (2010) *Mungkha Olokhoto (Mungkha Ice-Fishing Olonkho)*. Yakutsk: Bichik. (In Yakut)
7. Popova, L.G. (ed.) (2010) *Arctic State Institute of Arts and Culture*. Compiled by Nikiforova, V.S., Maksimova, S.V., Platonova L.V. Yakutsk: AGIIK. (In Russian)
8. Chernogradsky, S.I. (2022) *100 Interviews about the Future of Yakutia* [video recording mp4; 545 MB; 15 min 17] (coordinator G. A. Kutugutova; cameraman A. D. Boitunov; editing by M. I. Everstov; editor S. B. Klarova). Yakutsk: NL RS (Y). (In Russian)
9. Chemezov, V. N. (ed.) (1942) *Sakha Narodun Ayimnyta (Creativity of the Yakut people)*. Compiled by Vasiliev G.M., Konstantinov, Kh.I. Yakutsk: SASSR State Publishing House. (In Yakut)
10. Govorov, D.M. (2023) *Erbekhtay Bergen*. Borogon: Ust-Aldan District Library. (In Yakut)

ИЛЛАРИОНОВ Василий Васильевич – д. филол. н., профессор кафедры фольклора и культуры ИЯКН СВ РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: v_v_illarionov@mail.ru

Vasily V. ILLARIONOV – Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of Folklore and Culture, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ФЕДОРОВА Селина Иннокентьевна – магистрант ИЯКН СВ РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: Selina.alekseeva.1997@mail.ru

Selina I. FEDOROVA – Master's student, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 398.224 (=512.157)

DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-74-87

Сюжетно-композиционная структура олонхо Хангаласского улуса

Т. В. Илларионова¹, Ю. Ю. Киприянова²

¹Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

²Качикатская СОШ им. С.П. Барашкова МР «Хангаласский улус» РС (Я)

✉ 445325@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу сюжетно-композиционной структуры олонхо сказителей Хангаласского улуса. По материалам научных сотрудников Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН С. Д. Мухоплевой и Н. А. Дьяконовой, начиная с XVII в., на территории Хангаласского улуса проживало около 60 олонхосутов. Это свидетельствует о том, что в Хангаласском улусе сказительское искусство было довольно распространено. Исследование сказительской традиции устного народного творчества является актуальным направлением в современной фольклористике. Целью исследования является изучение сюжетно-композиционной структуры опубликованных текстов олонхо Хангаласского улуса. Материалом для исследования послужили три кратких текста олонхо сказителей К. Слепцова, М. Н. Неустроева, Т. П. Кириллина и три полных олонхо М. И. Саввина, А. Н. Алексеева, Е. И. Кардашевского. Теоретической базой исследования в методологическом плане стали труды фольклористов В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, Г. В. Ксенофонтова, Г.У. Эргиса, И.В. Пухова, Н. В. Емельянова, В. В. Илларионова, С. Д. Мухоплевой, Н. А. Дьяконовой, Т. В. Илларионовой, А. А. Кузьминой, Н. А. Оросиной, О. К. Павловой. Для анализа использован сравнительно-сопоставительный метод для выявления структуры олонхо. Результаты исследования показывают, что сказительская традиция олонхосутов Хангаласского улуса основана на традиционных канонах. Сюжетно-композиционная структура олонхо традиционная: вступительная часть, завязка, развитие действия, кульминация и развязка олонхо. Все сюжеты олонхо имеют несколько линий развития. Сюжеты олонхо Хангаласского улуса относятся к ранним типам по классификации Н. В. Емельянова. Проанализированные олонхо имеют 2–3 поколения богатырей.

Ключевые слова: олонхо, олонхосуты, фольклорный текст, Хангаласский улус, сказительские традиции, сюжет, композиционная структура, репертуар, фольклор, эпос.

Для цитирования: Илларионова Т. В., Киприянова Ю. Ю. Сюжетно-композиционная структура олонхо Хангаласского улуса. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature*. 2024, №4 (16). С. 74–87. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-74-87

Narrative and compositional structure of the Khangalas olonkho

T. V. Illarionova¹, Yu. Yu. Kiprianova²

¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

²S.P. Barashkov Kachikat School, Khangalassky District, Sakha Republic (Yakutia)

✉ 445325@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the plot-compositional structure of the olonkho storytellers from Khangalassky District of Yakutia. According to the materials of Mukhopleva and Dyakonova, research fellows of the Institute of Historical and Pedagogical Sciences of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, starting from the 17th century, Khangalassky District was home to about 60 olonkhohuts. This indicates that the art of storytelling was quite widespread there.

The study of the storytelling tradition of oral folklore is a relevant area in modern folklore studies. The aim of the research was to study the plot-compositional structure of the published texts of the Khangalas olonkho. The material for the study was three short texts of the olonkho storytellers K. Sleptsov, M. N. Neustroev, T.P. Kirillin, and three complete olonkhos by M. I. Savvin, A. N. Alekseev, and E. I. Kardashevsky. The theoretical basis of the study in the methodological sense were the works of folklorists Propp, Meletinsky, Ksenofontov, Ergis, Pukhov, Emelyanov, Illarionov, Mukhopleva, Dyakonova, Illarionova, Kuzmina, Orosina, and Pavlova. For the analysis, a comparative-contrastive method was used to identify the structure of olonkho. The results of the study showed that the storytelling tradition of the Khangalas olonkhohuts adheres to the traditional canons. The plot-compositional structure of olonkho is traditional: an introductory part, exposition, development of the action, culmination, and denouement. All olonkho plots have several lines of development. The plots of the Khangalas olonkho belong to the early types according to the Yemelyanov's classification. The analyzed olonkhos have 2-3 generations of heroes.

Keywords: olonkho, olonkhohuts, folklore text, Khangalassky District, storytelling traditions, plot, compositional structure, repertoire, folklore, epic.

For citation: Illarionova T. V., Kiprianova Yu. Yu. Narrative and compositional structure of the Khangalas olonkho. *Issues of national literature*. 2024, No 4 (16). Pp. 74–87. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-74-87

Введение

Впервые композиционная структура якутского олонхо стала объектом анализа Г. У. Эргиса. Он указывает на наличие определенной, вполне устоявшейся традиции компоновки текста олонхо при огромном богатстве и разнообразии сюжетов. Начало олонхо фольклорист выделяет как «вступление» или «пролог». Во вступлении, которым начинается любое олонхо, подробно повествуется о родине героя, приводятся чудесные описания природы, характеризуется родословная героя (или его судьба), внешний облик, родовые связи, занятия, вооружение и богатство (дом, движимое и недвижимое имущество). Далее следует завязка олонхо, в которой мирную жизнь племени «айыы аймага» разрушает богатырь-абаасы, напавший на мирных сородичей главного героя. Следующий этап – разворачивание действия: богатыри защищают обиженных, спасают похищенных красавиц, мстят за народные слезы и разорение. В эпилоге, по классификации Г. У. Эргиса, событийный ряд завершается описанием свадебного пира главного героя и наступлением длительного периода мирной, благополучной жизни [1].

Таким образом, от других жанров устного творчества олонхо отличается прежде всего стабильностью и традиционностью сюжетно-композиционной структуры. Наиболее полная вступительная часть начинается с эпического зачина, затем следуют подробные описания трех миров, Священного дерева, жилища, портрета главного героя, достижений и богатства богатыря и т. п. [2]. Завязка во многих олонхо является традиционной. И. В. Пухов различает четыре вида основных мотивов, с которых начинаются действия богатырей: 1) нападение богатыря-абаасы на семью других людей айыы; 2) нападение абаасы на семью героя; 3) герой отправляется на поиски невесты; 4) герой отправляется на поиски приключений [3]. В описании богатырских походов переплетаются самые различные мотивы и эпизоды. Традиционными в каждом олонхо являются описания богатырских походов и поединков. Эти эпизоды даже в одном эпическом произведении могут повторяться несколько раз в зависимости от описываемых событий. В. Я. Пропп центральными сюжетными темами якутского эпоса считает «героическое сватовство» и «борьбу с чудовищами» [4, с. 41–42]. Е. М. Мелетинский добавляет к этому «родовую месть» [5, с. 259]. В. В. Илларионов отмечает, что богатырские подвиги

во всей совокупности раскрывают эти темы. Женитьба богатыря и других главных персонажей (брата и сестры героя) и создание прочной семьи служат развязкой эпических конфликтов. Однако заканчивается описанием всенародного праздника Ысыах, который символизирует наступление счастливой жизни для всего племени ураангхай саха [6].

Исследование сказительской традиции устного народного творчества является актуальным направлением в современной фольклористике. Целью статьи является изучение сюжетно-композиционной структуры опубликованных текстов олонхо Хангаласского улуса. Материалом для данного исследования послужили 3 кратких сюжета олонхо, 3 полных текста олонхо:

1. «Многострадальный, многогрешный одинокий Эр Соготох», записанное в 1921 г. Г. В. Ксенофонтовым от сказителя М. Н. Неустроева, I, уроженца I Малтанского наслега [7];
2. «Эрэйдээх-буруйдаах Эр Соготох», записанное в 1921 г. Г. В. Ксенофонтовым от сказителя Кузьмы Слепцова, уроженца IV Малдьжагарского наслега [7];
3. «Кюрэстээни Бэргэн», олонхо Т. П. Кириллина из 2-го Жемконского наслега, 1939 г. [8].
4. «Мюлдьюёт Бёгё», записанное в 1940 г. от сказителя М. И. Саввина, уроженца Немюгюнского наслега [9];
5. «Хангалас Боотур», записанное в 1941 г. Е. Е. Лукиным от сказителя А. Н. Алексева, уроженца I Мальджегарского наслега [10];
6. «Уол Дугуй Бухатыр», записанное в 1970 г. на магнитофонной ленте В. В. Илларионовым от олонхосута Е. И. Кардашевского из Октемского наслега [11].

Сюжетно-композиционная структура олонхо М. Н. Неустроева «Многострадальный, многогрешный одинокий Эр Соготох»

Рассмотрим сюжет олонхо «Многострадальный, многогрешный одинокий Эр Соготох» М. Н. Неустроева. Олонхо было зафиксировано в 1921 г. Г. В. Ксенофонтовым. Сюжет изложен на русском языке.

Олонхо «Многострадальный, многогрешный одинокий Эр Соготох» состоит из четырех ситуационно-конфликтных частей [12]. Они связаны между собой главными действующими лицами, которыми являются Эр Соготох и его сын Бэриэт Бэргэн.

Экспозицией служит повествование о жизни Эр Соготоха. Он, как и все богатыри, носящие имя Эр Соготох, не знает, откуда и как появился на этой земле. Но в отличие от героев других олонхо, Эр Соготох в данном случае имеет большое семейство: у него восемь жен.

Завязкой первой ситуационно-конфликтной части является прибытие к Эр Соготоху абаасы Ангаа Монгус, принявшего облик лося с восемью головами и восемью парами глаз. Эр Соготох пальмой разрубает его пополам, но одна половина лося убегает. Эр Соготох догоняет эту половину и вновь разрубает, тогда лось превращается в богатыря-абаасы и начинает биться с Эр Соготохом. В единоборстве Эр Соготох побеждает абаасы, но по его просьбе оставляет в живых и делает своим рабом. Раб-абаасы верно служит Эр Соготоху три года, но однажды они ссорятся из-за того, что раб не смог убить белку. Абаасы, оскорбленный словами Эр Соготоха, покидает его и напускает на страну великую засуху.

Гнев Ангаа Монгуса вызывает великую засуху, т. е. абаасы, по-видимому, представляет собой водного змея – творца засухи, которого нужно время от времени умиловать жертвоприношениями. Жертвами засухи становятся родившиеся первыми: худой парень от дурной нелюбимой жены, плохонький жеребенок и дрянной черный плешистый бычок.

Завязкой второй части служит поход сына Эр Соготоха Бэриэт Бэргэна к абаасы Ангаа Монгусу. По пути к месту его жительства плохонький жеребенок превращается в богатырского коня и встречает вещую белую птицу, которая предсказывает дальнейший ход событий. По ее совету Бэриэт Бэргэн влезает в левое ухо своего коня, купается там в горячей воде и становится могучим богатырем. Из правого уха он достает боевые доспехи. Этот мотив напоминает прохождение закалки богатырями айыы: их купание в Огненном

море. Доехав до страны Ангаа Монгуса, Бэриэт Бэргэн, как и советовала ему птица, просит Ангаа Монгуса шире раскрыть рот и без всяких усилий сразу проглотить его, коня и бычка. Вскоре абаасы начинают корчиться от страшной боли в животе и умирает, а Бэриэт Бэргэн, конь и бык вырываются наружу.

Эр Соготох, отец Бэриэт Бэргэна, встречается с водным змеем-абаасы Ангаа Монгусом, но против него не выступает, не старается уничтожить Ангаа Монгуса, в то время как Бэриэт Бэргэн, согласно договору, отправляется в страну смерти на съедение. Таким образом, поглотитель остается на месте, движутся сами проглатываемые. Чудовище поглощает Бэриэт Бэргэна. Но Бэриэт Бэргэн оказывается могучим богатырем и убивает абаасы изнутри. Далее следует эпизод, напоминающий сцену оживления богатыря-абаасы Нюргуна Могучего его матерью в олонхо «Эр Соготох», опубликованном С. В. Ястремским. Старуха-абаасы собирает все кости своего сына Ангаа Монгуса и, качая их в железной колыбели и нашептывая заклинание, оживляет его. Однако по просьбе Бэриэт Бэргэна Юрюнг Айыы Тойон молнией убивает старуху-абаасы и ее ребенка.

После победы над Ангаа Монгусом Бэриэт Бэргэн отправляется в поход за невестой Хаачылаан Куо, дочерью Сабыйа Баай Тойона, которую сватают многие богатыри айыы и абаасы. Повествование об этом составляет третью часть олонхо. Главным соперником Бэриэт Бэргэна является Харылаан Мохсогол. Он типичный богатырь-соперник, хотя своей внешностью напоминает архаических персонажей с тотемическими чертами. Харылаан Мохсогол происходит из племени айыы аймага, но имеет облик получеловека-полуптицы, т. е. это птица с железным оперением и человеческой головой. Бэриэт Бэргэн, победив Харылаан Мохсогола в поединке, не проливает крови представителя айыы аймага и отпускает его на волю.

В четвертой части олонхо повествуется о похищении жены Бэриэт Бэргэна тунгусским богатырем Арджаман Джарджаманом. Описание его внешности, одежды и образа жизни свидетельствует о принадлежности богатыря к тунгусскому (эвенкийскому или эвенскому) племени. И. В. Пухов отмечал, что созданный якутским олонхо образ тунгусского богатыря отражает отношения между якутами и тунгусами (эвенками), складывавшиеся в течение длительного времени [3]. Тунгусский богатырь в олонхо М. Н. Неустроева назван потомком Юрюнг Айыы Тойона, ему покровительствуют божества айыы, его женитьба на женщине из племени айыы Хаачылаан Куо предопределена вершителем людских судеб Джылга Хааном. В конфликте между Бэриэт Бэргэном и Арджаман Джарджаманом по решению Джылга Хаана правым назван последний. Тем не менее Бэриэт Бэргэн убивает тунгусского богатыря.

Бэриэт Бэргэн в этой сюжетной линии представлен как борец против судьбы, против веления высших божеств, но эта линия не получает дальнейшего развития в олонхо. Исходя из того, что женщина-айыы в олонхо считается суженой двух богатырей, можно сделать следующий вывод: сюжетная линия Бэриэт Бэргэн – Арджаман Джарджаман является позднейшей вставкой.

Как мы убедились, тематика и сюжет олонхо М. Н. Неустроева в значительной мере носит сказочный характер, хотя заданы темы эпического характера – сватовство героя и добывание жены.

Сюжетно-композиционная структура олонхо К. Слепцова «Эрэйдээх-буруйдаах Эр Соготох»

Г. В. Ксенфонофонов в своей работе «Ураанхай сахалар» приводит разбор краткого содержания олонхо Кузьмы Слепцова «Эрэйдээх-буруйдаах Эр Соготох». Он отмечает, что в якутском былинном эпосе образ богатыря Эр Соготоха занимает исключительное положение и является одним из самых популярных героев и сравнивает образ героя с исторической личностью Элэя [7].

Краткая сюжетная композиция состоит в следующем порядке:

Экспозиция. Рассказывается, что богатырь Эр Соготох имеет двух жен и одну пегую корову. В начале повествования Эр Соготох неожиданно умирает. При громе и молнии с неба спускается золотой гроб. Жены богатыря, уложив его в гроб, хоронят на вершине высокого холма. Из могилы вскипает белая пена. Жены богатыря и корова пьют эту пену; в результате все трое забеременели. У женщин рождаются два мальчика. В первой части былины рассказывается о подвигах этих двух сыновей Эр Соготоха. Они попадают в плен к тунгусскому богатырю Табалыра-Бэргэн.

Вторая часть олонхо посвящается описанию подвигов третьего сына Эр Соготоха, родившегося от его пегой коровы, Айдаан богатыря. Нижняя часть тела этого богатыря имела вид быка-пороза, ноги с копытами, а верхняя часть была человеческой. Он представляется сильнейшим и непобедимым богатырем из рода *айыы*, не имеющим на земле равных соперников. Он освобождает из темницы тунгусского богатыря своих братьев. Одержав победу над тунгусом и его союзниками, Айдаан богатырь принуждает тунгуса заключить с ним вечный дружеский союз.

И оба богатыря в знак нерасторжимого союза обмениваются кусочками бересты, обмазав ее кровью из своего мизинца. Айдаан богатырь все свои богатырские подвиги совершает при содействии своего неразлучного боевого товарища и союзника, тунгусского богатыря.

Во время борьбы с сильнейшими богатырями абаасы, пока Айдаан-богатырь в образе огромной птицы летит из подземного мира наверх в средний мир, тунгус, сидя на хребте птицы, своей меткой стрельбой отражает нападение наступающего противника. Тунгусский богатырь, обернувшись лосем, везет на себе уставшего от битвы якутского богатыря.

Свои боевые заслуги тунгусский богатырь воспеваает так: «О, мой друг и приятель, с момента первой встречи живу с тобой неразлучно. Сражаюсь за тебя. По твоему требованию я истребил свой собственный народ и родичей. Вместе с тобой мы прошли тягостный путь, раскрывали трудные пути. Бились с бесовскими богатырями, истребляли их вместе... Наверное и сам ты думал о том, что мои труды и лишения не могут остаться без награды» [7].

Выслушав это заявление, Айдаан богатырь, одержав победу над одним из богатырей «айыы», женит на его сестре своего товарища-тунгуса.

В заключение все три сына Эр Соготоха и тунгусский богатырь обзаводятся женами и, закончив свою боевую жизнь, поселяются вместе и живут неразлучно.

Сюжетно-композиционная структура олонхо Т. Н. Кириллина «Кюрэстээнн Бэргэн»

Краткое содержание олонхо на русском языке «Кюрэстээнн Бэргэн», записанное самим Т. Н. Кириллиным в 1939 г., было напечатано в работе Н. В. Емельянова «Сюжеты якутского олонхо» в 1980 г. [8]. Таким образом, мы имеем описание сюжета еще одного хангаласского олонхо.

Вступительная часть начинается с описания Срединного мира и священного дерева. На эту землю, превратившись в стерха, прилетела однажды дочь Ый Тойона, обесчещенная сыном Кюн Тойона. Пожаловалась на горькую долю, что родители не захотели признать ее внебрачного сына. Ытык Эрбэлджин, родив, оставляет сына на воспитание духу-хозяйке этой земли. Надеется, что сын, повзрослев, будет бороться против несправедливости. Мальчик рос быстро: через сутки стал годовалым ребенком, на третьи сутки – трехлетним мальчиком. Однажды попросил духа-хозяйку земли Аан Алахчын, чтобы она объяснила ему, от кого он произошел. Она указала ему дорогу, по которой он отправится в путь, когда вырастет. Мальчик побежал в сторону широкой поляны, где стоял уже готовый дом, здесь же были орудия труда, одежда, богатырские доспехи.

Богатырский путь начинается с того, что однажды мальчик услышал плач женщины, которая пожаловалась, что она была просватана за богатыря айыы Бэйбэлджин Тулаайаха, но ее преследует абаасы Юрдюк Олуйа. Герой просит духа-хозяйку благословить его

на дальнюю дорогу. Дух-хозяйка дает ему имя Кюрэстээни Бэргэн. По дороге встречает невесту Юрюнг Юёнгэстэя Сыралыма Ючюгэй, она просит защитить их от абаасы. В битве богатыря побеждает абаасы Юрдюк Олуйа.

В этом олонхо присутствует сказочный сюжет и персонаж из русской сказки Баба-Яга. Приехав в страну Бабы-Яги, герой победил ее в единоборстве. Вдруг послышался плач Хаачылаан Ючюгэй, она просит богатыря Кюёх Кёгёлджюна, чтобы он спас старшего брата богатыря Ала Туйгуна. Кюёх Кёгёлджюн стал проигрывать в борьбе, увидев это, Кюрэстээни Бэргэн сразу же стал помогать ему. Богатыри в ходе битвы принесли большие разрушения. Хаачылаан Куо велела им переменить место и ехать на север, где есть каменное поле для битвы. После долгой и упорной борьбы Кюрэстээни Бэргэну удалось победить абаасы.

После победы возвратился богатырь к Хаачылаан Ючюгэй и посватался к ней. Встречая своего спасителя и жениха, невеста пропела радостную песню.

Сюжетно-композиционная структура олонхо М. И. Саввина «Мюлдьюёт Бёгё»

Одним из опубликованных олонхо является «Мюлдьюёт Бёгё» Михаила Иннокентьевича Саввина. В национальном архиве хранятся три анкеты об олонхосуте. В ней говорится, что прадед, дед, отец и родные братья тоже были известными олонхосутами. С ранних лет начал сказывать олонхо. Но в дальних краях не был, самое дальнее побывал в Якутске. Работал в артели «Стахановец». Он умел петь народные песни, читал скороговорки-чабыргахи, но особенно любил сказительское искусство олонхо. В анкете написано, что знает 5 сказок, но названия их не записаны. По поводу своего репертуара олонхо он указал названия и имена сказителей-информантов. Но свое имя иногда называл то Отчут, то Чолбон. Полный его репертуар олонхо можно увидеть в анкете, заполненной в 1940 г. В ней написано 19 олонхо. В. В. Илларионов отмечает, что в его репертуаре есть и такие известные олонхо, как «Эр Соботох», «Бэриэт Бэргэн», «Юрюнг Уолан» – это говорит о том, что олонхосут достаточно владеет традицией сказительского мастерства [9, с. 11].

По размеру «Мюлдьюёт Бёгё» – крупное олонхо. Имеет 20748 поэтических строк. Состоит из трех частей. Главный герой Мюлдьюёт Бёгё – часто встречаемый персонаж, богатырь, защитник айыа аймага. В младенчестве отверженный родителями из-за уродства, впоследствии в самый критический период жизни становится могущественным защитником своего племени.

Вступительная часть начинается с рассказа, как старик Арчы Баай Тойон и старуха Арчылыыр Айыысыт Хаан живут в Срединном мире, и рождаются у них мальчик и девочка. Сына назвали Айхаат Бёгё – владеющий серым конем, дочку Кюн Ёйюргю. В престарелом возрасте мать родила трехглавого черного ворона. И с этого начинаются конфликтные ситуации, приключения богатырей. Рождение трехглавого черного ворона у народа вызывает страх, волнение у народа. Ворон превращается в быка и через моря Чэбинэй (Черное море), Араан (Аральское море) выступает против удаганок-абаасы. Айхаат Бёгё отправляется в далекий путь, чтобы узнать правду. До этого он в течение пяти лет хотел узнать правду через родителей, но так и не узнал. Тогда он спускается в Нижний мир, даже глава племени абаасы Арсан Дуолай не смог объяснить ему тайну. Тогда Айхаат Бёгё решил подняться в Верхний мир и по дороге встречает шаманку-айыы. Она радостно открыла тайну, что это Кыыс Бюлгюйдян превратилась в ворона, и она приходится ему теткой Кюн Ерюгюнтэй. В конце этой части олонхо рассказывается, как Айхаат Бёгё, соблюдая обряд, проводит ысыах и, благославляя трехглавого ворона, превращает в девушку богатырку и остается жить в аласе Албаныкы.

Во второй части рассказывается о героических подвигах Кыыс Бюлгюйдян. Под видом богатыря абаасы становится рабом Алып Туйгуна. В это время Түсях Кюргюстэй крадет лошадь Кыыс Бюлгюйдян. Она, оставив свое хозяйство Алып Туйгуну,

отправляется на поиски коня. На поле она встречается с богатырем айыы Чучустан Чачырыыном, ростом с девятилетнего мальчика. Тот хочет на ней жениться, но она не соглашается и вступает с ним в борьбу. В богатырской битве побеждает Кыыс Бюлгүйдян, но, пощадив богатыря, она оставила его в живых. В знак благодарности Чучустан Чачырыын дарит богатырке украшения из серебра. Как только она надела украшения, то оказалась скованной. Богатырка просит богатыря освободить ее, дает согласие стать его женой. В это время она впала в забытие. Когда пришла в себя, то увидела своего коня.

Кыыс Бюлгүйдян встречается с богатырем Чучустан Чачырыына и, вернувшись на родину, рождает от него слабого, уродливого сына. Так герой олонхо Д. М. Говорова появился в Среднем мире невероятно уродливым ребенком, зарытым в навозной куче. И так пролежал тридцать лет отвергаемый всеми. А в олонхо М. И. Саввина мать прячет своего ребенка-калеку от чужих глаз и, укрыв хворостом, топчет. Потом отправляется в путь, чтобы отомстить оскорбителю Чучустан Чачырыыну.

В этой части олонхо мы наблюдаем сказочные сюжеты, частое использование гипербола. Богатырка очутилась в Нижнем мире у священной ели. Коня превращает в корягу, а сама обернулась в блоху. Вдруг прилетает огненный восьминогий зверь, тут же превращается в волка и ищет следы женщины. Когда след потерялся у дерева, волк обращается к красноголовому дятлу. Блоха упала на землю, принимает облик богатырки. Дятел, превратившись в абаасы, сильно обрадовался, что сделает женщину айыы своей женой. Богатырка оскорбилась, и между ними начинается битва. Богатырка побеждает и убивает абаасы. Тогда мать абаасы готовит колыбель, чтоб укрылась убежавшая часть тела абаасы, чтобы возродить сына. Богатырка превращается в гром и уничтожает колыбель абаасы.

Кыыс Бюлгүйдян, вернувшись с очередных героических подвигов, обнаруживает, что дом стоит заброшенным. Войдя в дом, она услышала дыхание ребенка. Оказалось, что сын не умер, а остался жив. Он рассказал, что под видом абаасы жил у них богатырь Кюн Дугуй. Он женился на старшей сестре и увел ее. Жалко стало Кыыс Бюлгүйдян свое дитя, и она дала ему свою грудь, но от боли оттолкнула его, а тот покатился через порог прямо к священному дереву Аал Кудук Мас попросил у дерева дать ему коня-друга и указать судьбу-дорогу.

В третьей части рассказывается о богатырских подвигах Мюлдьюёт Бёгё, сына Кыыс Бюлгүйдян: а) по просьбе тети Кюн Ёйюргю уговаривает мать прекратить битву с Кюн Дугуем; б) освобождает из тюрьмы абаасы богатырей айыы, потом женщин айыы; в) по просьбе дяди Айхаат Бёгё борется с богатырем абаасы Модун Бёгё. После долгой борьбы богатырь айыы обращается к Юрюнг Аар Тойону. Он сказал, что силы у них равны, и сражением они не разрешат свой спор.

В завершении Мюлдьюёт Бёгё отказывается от богатырства, примиряет своих отца и мать. Сам женится на красавице Юрюмэччи Ючюгэй и живет с ней счастливо и богато.

В олонхо «Мюлдьюёт Бёгё» всего 119 персонажей. Олонхосут каждого персонажа описывает при помощи богатых, образных слов.

Сюжетно-композиционная структура олонхо А. Н. Алексеева «Хангалас Боотур»

Олонхо «Хангалас Боотур» занимает центральное место среди хангаласских олонхо, состоит из 11390 поэтических строк. «Хангалас Боотур» соответствует по композиционной структуре всем традиционным канонам олонхо. Кроме того, это олонхо привлекает и тем фактом, что его главный герой является носителем названия самого улуса. В олонхо прослеживается историческое прошлое местности, на которой обосновались хангаласцы [10]. Сюжетно-композиционная структура олонхо «Хангалас Боотур» состоит из 4 основных частей:

Экспозиция: для защиты жителей Срединного мира от абаасы аймага небесные боги – тойон Джылга Хаан и госпожа хотун Чынгис Хаан – поселяют на землю богатыря Хангалас Боотур, сына старухи Сюр Нингсиилэ и старика Дьагалымара. Вместе с ним прибыли его старший брат Ого Дуолан Боотур, две шаманки-удаганки – его старшие сестры: вздорная Иирэ Чангый и Ала Чангый, а также дух раздора – старик Умсар. В этой части описывается окружающий мир, большое место в описании занимает священное дерево Аал Луук мас. Описывается внешний облик главного героя, его жилище и усадьба, богатства, его образ жизни: он ведет мирный образ жизни, занимаясь охотой и оберегая людей от злых духов.

Завязка: в один из дней к богатырю Хангалас Боотуру обращается богатырь Срединного мира Джундуруочай в образе сокола с просьбой освободить сестру Кыыс Мындырыал от богатыря абаасы Уоруку Суоруку и преследований тунгусских богатырей. Дух жилища старик Умсар благославляет Хангалас Боотура на героический подвиг и говорит, что Кыыс Мындырыал – его будущая невеста. А дух священного дерева Аан Нанналыа не желает, чтобы он взял в жены Кыыс Мындырыал, и тогда Хангалас Боотур сильно сердится. Несмотря ни на что, главный герой отправляется на поиски невесты.

Развитие сюжета: а) богатырский поход за невестой. Единоборство с Уоруку Суоруком, которое заканчивается победой главного героя; б) Кыыс Мындырыал выступает против замужества, и сама отправляется к богатырю абаасы Ардьамаан-Дьардьамаану; в) Хангалас Боотур, собрав в свою команду Ого Дуолун Боотура, Дуурай Боотура, Сагдалын Чаадая, отправляется за Кыыс Мындырыал. Сюжет заканчивается победой богатырей айыы.

Заключение. Хангалас Боотур обращается к небесным ангелам, которые спускаются в виде птиц-стерхов и проводят обряд очищения Кыыс Мындырыал, в результате чего она становится девушкой айыы. Олонхо заканчивается тем, что, пройдя все испытания, Кыыс Мындырыал и Хангалас Боотур влюбляются друг в друга, устраивают пир, слова алгыса-благослования посвящают им Старик Джылга Хаан и старушка Чынгис Хаан, восхваляя ум и силу, красоту и любовь.

Сюжетно-композиционная структура олонхо Е. И. Кардашевского «Уол Дугуй Богатырь»

В книге «Уол Дугуй Богатырь» доктор филологических наук, профессор СВФУ В. В. Илларионов пишет: «Когда я учился на втором курсе, доцент Д. С. Макаров рассказал, что в Октемцах встретил истинного олонхосута, жителя Чапаевского участка Е. И. Кардашевского, и что сказитель хочет, чтобы его олонхо было зафиксировано. При этом он подчеркнул важность задачи сохранения народного эпоса, записи живого исполнения олонхо самим сказителем для последующей расшифровки, перевода в письменную форму и сдачи материала в архив для увековечивания и сохранения олонхо. Если мы этого не сделаем, говорил он, нас ждет справедливое осуждение поколений, которые придут после нас. Мы включили в план работы и маршрут фольклорной экспедиции ИЯЛИ посещение Чапаевского участка Орджоникидзевого района для встречи и работы со сказителем Е. И. Кардашевским» [11, с. 9].

Эта магнитофонная запись была оцифрована специалистами, а музыковеды отметили высокий уровень исполнения, богатство мотивов персонажей. Благодаря Ысыаху олонхо в Хангаласском улусе запись олонхо «Богатырь Уол Дугуй» вышла через 40 лет в виде книги.

Как отмечает А. С. Ларионова, доктор искусствоведения, олонхо «Уол Дугуй бухатырь» практически является от начала до конца поющим, и в меньшей степени в нем представлена вербальная часть. Так, при общем звучании 6 ч. 17 мин. 25 с., вербальная составляющая звучит только 2 ч. 29 м. 25 с., тогда как песенные разделы длятся по 4 ч. 29 м. 40 с., что практически в два раза дольше, чем речевая часть [11].

Это оригинальное эпическое творение содержит всего 91 разнообразный напев. Каждый герой якутского сказания имеет свою песню, мелодия которой как своеобразный лейтмотив сопровождает его на протяжении всего олонхо. Этот мотив узнаваем слушателями, так как его инварианты обнаруживаются и в других олонхо, которые сформировались на протяжении веков. Они выступают своего рода культурными кодами в музыке эпоса якутских сказаний.

Олонхо «Богатырь Уол Дугуй» является локальным образцом эпического пения якутов и относится к центральному (приленскому) стилю пения, именуемому «тардан ыллыыр» («поёт, растягивая» – термин введен Э. А. Алексеевым), «склонный к широкому свободному мелодическому распеву, к причудливо орнаментированному, избыточному кылысахам пению» [13, с. 9].

«Богатырь Уол Дугуй» своим содержанием, образной системой, разнообразием изобразительно-выразительных средств эпического языка, несомненно, может быть отнесено к лучшим образцам локальной эпической традиции.

В то время, когда производилась запись олонхо на магнитофонный носитель, Е. И. Кардашевскому уже было далеко за семьдесят и сказительство им уже давно не практиковалось. Несмотря на свой возраст, олонхосут оставил это олонхо как свой завет для грядущих поколений саха. Это, несомненно, достойно всяческого уважения. Магнитофонная запись олонхо демонстрирует высокий исполнительский уровень Е. И. Кардашевского, чистоту и разнообразие мотивов исполнения напевов и тойуков олонхо, в зависимости от того персонажа, от чьего имени исполняется напев. Повествовательная часть и чабыргахи исполняются в быстром темпе. Однако, в связи с тем, что Е. И. Кардашевский, как уже было отмечено, отошел от сказительской практики, местами есть погрешности в исполнении [11].

Впервые полное сюжетно-структурное исследование олонхо «Уол Дугуй Бухатыыр» сделал В. В. Илларионов [11]. «Олонхо начинается с того, что Юрюнг Айы Тойон спускает в Срединный мир трех богатырей, чтобы сильнейший из них, победивший двух остальных, обосновался в Срединном мире. Если обратиться к классификации эпосоведа Н. В. Емельянова, сюжет этого олонхо относится к сюжетам о заселении Срединного мира людьми племени Айы аймага» [8, с. 5]. Потомки божеств Айы, посланные (а не изгнанные, в отличие от некоторых других подобных эпических сказаний) из Верхнего мира оказываются в Срединном мире с предназначением заселить его в тот момент, когда земля только появляется, и становятся ее первыми жителями, людьми из племени Айы аймага. По сюжету распространенного в центральных улусах олонхо «Сын лошади Дырай Богатырь», дочь верховного божества Юрюнг Айы в виде лошади спускается на землю, и от рожденного ею сына-богатыря начинается жизнь в Срединном мире. Если во многих олонхо о Муже Одинокоем (Эр Соготок) герой посылается на землю один, то с героем олонхо о Нюргун Боотуре его предназначение разделяет сестра. По сюжету олонхо Е. И. Кардашевского, Уол Дугуй, одержав победу как над богатырем-абаасы Нижнего мира, так и над абаасы Верхнего мира, обосновывается в Срединном мире один.

Поводом к странствию богатыря Уол Дугуя, завязкой сюжета становится похищение его коня богатырем Кюл Хоруоджулааном по поручению богатырки Кыыдааннаах Кыыс Туйгун. Мотив об утере коня и его поисках встречается и в других олонхо, но в олонхо Е. И. Кардашевского этот эпизод еще и служит предпосылкой будущей женитьбы богатыря Уол Дугуя на богатырке Кыыдааннаах Кыыс Туйгун. Разные передраги, в которые попадает Уол Дугуй во время поисков своего коня, придают сюжету остроту, занимательность, и это используется сказителем как прием для поддержания внимания и интереса слушателей.

Один из наиболее интересных моментов олонхо – это эпизод встречи Уол Дугуя с семьей стерхами. Богатырь ранит стрелой одного из них. В тойуке стерхи поют о том,

что они девушки айыы, что богатырь совершил проступок, в наказание за который его странствие будет сопровождаться многими трудностями, лишениями, а девы-стерхи отомстят ему. Здесь проявляется весьма древний, архаический мотив. В олонхо мотив явления удаганки светлых айыы богатырям айыы в виде стерха и передачи им послания передается через образ удаганки Айыы Умсуур. В олонхо верхоянской сказительницы Д. А. Томской «Ючюгэй Юдюдюян, Кусаган Холдугур» девушки айыы также спускаются на землю в виде стерхов, и одна из них выходит замуж за Ючюгэй Юдюдюян. О том, что одна из девушек айыы Уйантай Куо, обернувшаяся в стерха, выходит замуж за Дулгачаан Боотура в олонхо Е. И. Кардашевского рассказывается в конце эпоса. Присутствие в этом олонхо архаического реликтового мотива свидетельствует о том, что в олонхо Е. И. Кардашевского сохранился ранний архаический тип эпоса.

По сюжету герой встречает деву абаасы Лиибигинэй и почти без сопротивления оказывается в ее темнице. Этот сюжет довольно распространен в якутском эпосе. Герой олонхо верхневилуйского сказителя Н. С. Александрова-Ынта Никиитэ «Кёр Буурай», также не особо сопротивляясь, оказывается в заточении у богатыря абаасы Кюёнчю Бёгё, и изучив нрав и уловки абаасы, помогает 130 богатырям айыы, запертым в его темнице. В олонхо об Уол Дугуе повествуется о том, как богатырь айыы, запертый в каменном логове девы-абаасы, принимает облик удаганки-абаасы, медные идола абаасы обтирают его живой водой, дают ему испить ее, вследствие чего богатырь становится еще сильнее, еще могучее. Здесь показано, как богатырь айыы, благодаря своей смекалке и ловкости, одерживает верх над врагом, темными силами абаасы. Спасение и освобождение Уол Дугуем трех богатырей айыы из темницы девы-абаасы выступают как исполнение его высокого предназначения – покровительства и защиты людей айыы от врагов, темных сил.

Кульминация олонхо приходится на схватку эпического героя с богатырями абаасы, которые навязываются в женихи к богатырке Кыыдааннах Кыыс Туйгун. Перед сражением богатырей, как и в олонхо П. А. Ойунского «Ньургун Боотур Стремительный», описываются конные скачки – мотив, закономерный для народа саха, издревле поклонявшегося одному из божеств пантеона Дьёсёгёю. Противниками Уол Дугуя являются богатыри абаасы Дьэллик Тимир Эрэдисин Юс Кюлюк Ньююйэ, Уот Хоолдуктай и Уот Суорун.

Завязывается яростная битва богатыря айыы с абаасы, в которой участвует также богатырский конь, обращающий ударами копыт в бегство богатырей Нижнего мира.

Детально описывается напряженная схватка Уол Дугуя с Уот Суоруном. Они бьются 30 дней и ночей. Как и в других образцах якутского эпоса, их сражение разворачивается возле каменного столба посреди бескрайнего моря. Богатыри безуспешно пытаются столкнуть друг друга с халбас хара, в конце решают отправиться к верховному божееству Юрюнг Айыы Тойону, чтобы тот рассудил их. Этот эпизод еще раз подтверждает глубокое знание Е. И. Кардашевским сказительских традиций, демонстрирует его умение пользоваться ими.

Женитьба Уол Дугуя входит в ткань повествования в качестве основной сюжетной линии. Это неудивительно. О главенстве темы героического сватовства в эпосах тюркских народов, о том, что дальние походы богатырей на самом деле подчинены задаче раскрытия этой темы писал еще известный фольклорист В. Я. Пропп [4]. Это ярко видно на примере олонхо Е. И. Кардашевского.

После спасения Уол Дугуем трех богатырей айыы из темницы девы-абаасы Лиибигинэй, победы над могучим богатырем Нижнего мира Уот Суоруном описывается сватовство богатыря к Кыыдааннах Кыыс Туйгун как стремление Уол Дугуя выполнить свое основное предназначение. Однако Кыыс Туйгун Куо ставит перед Уол Дугуем две нелегкие задачи: первая – она просит Уол Дугуя привезти железный ларец с ее свадебным убранством: одеждой, украшениями, запертых в амбаре краснощекой Хаачылаан Куо; вторая – привезти ей заветное прекрасное зеркало.

Испытания, которые богатырь должен преодолеть, характерны для сказочных сюжетов. И здесь также описывается, что богатырь выдерживает их и выполняет сложные поручения благодаря своему уму и изворотливости. Решая первую задачу, богатырь превращается в трехконечный железный кол и проникает в дом Хаачылаан Куо. В других олонхо, как, например, в олонхо одного из виллойских сказителей позднего поколения В. О. Каратаева «Модун Эр Соготох», присутствует эпизод, когда богатырь, превратившись в кол, проникает в дом через печную трубу. Превращение богатырей айы в железный кол встречается в эпосе довольно часто.

Выполняя второе поручение, Уол Дугуй превращается в заячий хвостик, а затем в кошку и выкрадывает заветное зеркальце. Когда Кыыс Сыпдыйдаан бросается за ним в погоню, богатырь вновь оборачивается в железный кол и летит в родные места. Тогда разгневанная Кыыс Сыпдыйдаан бросает ему вслед огненный шар и сносит богатырю четверть головы. Подобные чудесные события встречаются как в эпосе, так и в сказках. Кошка, огненный шар, вероятно, являются образами, возникшими в олонхо в результате влияния русской культуры, и могут быть отнесены к более поздним мотивам.

Согласно эпической традиции, в олонхо описывается женитьба богатыря Уол Дугуя и его отъезд вместе с Кыыдааннаах Кыыс Туйгун. Скотница Симэхсин эмээхсин своим пением о самоубийстве родителей Кёгён Мёнгюрюен Баай Хотун, Анды Мёнгюрюен Тойон заставляет ее обернуться назад, чего по поверьям саха невесте делать ни в коем случае нельзя, как и плакать, уезжая из отчего дома. Е. И. Кардашевский использует этот мотив также в рамках эпической традиции.

В олонхо Е. И. Кардашевского введен персонаж Ардыамаан-Дьардыамаан. Эпосовед И. В. Пухов отмечал в свое время, что образ тунгусского богатыря в якутских олонхо появился после прибытия якутов на север и передавал их взаимоотношения с коренными жителями этих территорий современной Республики Саха (Якутия), носившие двойственный характер. Так, к первой группе отнесены тунгусские богатыри, которые поддерживают с богатырями айы дружественные, мирные взаимоотношения, ко второй – тунгусские богатыри, настроенные враждебно [3]. В олонхо об Уол Дугуе представлен первый случай: тунгусский богатырь и герой олонхо настроены по отношению друг к другу дружелюбно, богатырь айы даже выдает за него замуж Уот Кутаалай. Кроме того, эти богатыри вдвоем убеждают сына Ардыамаан-Дьардыамаана Уот Сындыыса предстать перед верховным божеством айы Юрюнг Айы Тойоном, чтобы он вселил в сына тунгусского богатыря дух айы (айы санаа). Уот Сындыыс спасает деву-богатырку Кыыдааннаах Кыыс Туйгун, а богатыря абаасы Уот Суоруна уносит прочь в своем вихре. Таким образом, в данном олонхо создается дружественный образ тунгусских богатырей, всячески помогающих богатырю и людям светлого племени айы.

В финале олонхо Уот Дугуй купает девушку в молочном озере, обмывает ее живой водой, и Кыыдааннаах Кыыс Туйгун становится сама собой. Уот Сындыыс рассказывает о победе над богатырем абаасы Уот Суоруном. Великой радостью, ликованием, созывом ысаха, изобильного и символизирующего наступление счастливой жизни для людей Срединного мира, завершается олонхо. В рассмотренном олонхо ярко проявляются особенности композиционного строя сюжетных линий олонхо, соблюдены эпические каноны, в том числе основные сюжетные мотивы, превращения персонажей, выполнение богатырем айы своего предназначения о заселении Срединного мира людьми племени айы аймага, в русле которого и его женитьба – все это описывается эпическим языком, образным и богатым.

Заключение

Сказительская традиция олонхосутов Хангаласского улуса придерживается традиционных канонов. В них элементы сюжетно-композиционной структуры: вступительная часть (эпический зачин), завязка, развитие действия, кульминация, развязка и заключительная часть – следуют установленному образцу структуры якутских олонхо.

В полных текстах олонхо начинается с обширного традиционного вступления, описывающего величественную картину Срединного мира. В стране героя растёт могучее восьмиветвистое дерево Аал Луук Мас или Аал Кудук Мас. Описывается внешний облик главного героя, особенности его быта: он ведёт мирный образ жизни, занимаясь охотой и оберегая людей от злых духов. В 3 олонхо «Эр Соготох» и «Хангалас Боотур», «Уол Дугуй Бухатыр» описывается уже завершённые, сформировавшиеся богатыри айы. А в 2 олонхо «Кюрэстээнн Бэргэн», «Мюлдьюёт Бёгё» подробно сказывается становления богатыря.

Завязка проанализированных олонхо:

- 1) сватовство богатыря абаасы на девушке айы («Кюрэстээнн Бэргэн», «Хангалас Боотур»);
- 2) в олонхо «Эр Соготох» М. Н. Неустроева завязка начинается с прихода богатыря абаасы Алаа Монус;
- 3) в олонхо «Мюлдьюёт Бёгё», «Уол Дугуй Бухатыр» завязкой олонхо является кража богатырского коня;
- 4) в олонхо «Эр Соготох» Кузьмы Слепцова тунгусский богатырь похищает и заключает под стражу богатырей айы.

Развитие действия. Сюжеты проанализированных олонхо имеют несколько линий развития сюжета.

Сюжет олонхо М. Н. Неустроева состоит из четырех ситуационно-конфликтных частей. Они связаны между собой главными действующими лицами, которыми являются Эр Соготох и его сын Бэриэт Бэргэн.

В олонхо «Мюлдьюёт Бёгё» рассказывается о 3 поколениях: 1) родители Айхаат Бёгё; 2) рождение и богатырские подвиги девушки-богатырки Кыыс Бюлгүйдян; 3) рождение и становление богатыря Мюлдьюёт Бёгё.

Олонхо «Хангалас Боотур» состоит из таких героических подвигов: а) богатырский поход за невестой. Единоборство с Уоруку Суоруком, которое заканчивается победой главного героя; б) Кыыс Мындырыал не хочет выходить замуж, и сама отправляется замуж за богатыря абаасы Ардыамаан-Дьярдыамаана; в) Хангалас Боотур, собрав богатырей Ого Дуолун Боотура, Дуурай Боотура, Сагдалын Чаада, отправляется за Кыыс Мындырыал. Сюжет заканчивается победой богатырей айы.

Развязка и заключительная часть. В развязке олонхо рассказывается о восстановлении мира в трех мирах, исцелении душ девушек айы и свадьбе главного героя с девушкой айы. В финале олонхо «Уол Дугуй Бухатыр» главный герой купает девушку в молочном озере, обмывает ее живой водой, и Кыыдааннаах Кыыс Туйгун становится сама собой. Хангалас Боотур обращается к небесным ангелам, которые спускаются в виде птиц-стерхов и проводят обряд очищения Кыыс Мындырыал. В результате обряда она становится девушкой айы.

Преобладают сюжеты олонхо ранних типов и сюжеты олонхо о родоначальниках племени. Прослеживаются сказочные и мифологические мотивы в записанных в ранних олонхо «Эр Соготох» М. Н. Неустроева и Кузьмы Слепцова (1921 г.), «Кюрэстээнн Бэргэн» Т. Н. Кириллина (1939 г.).

Л и т е р а т у р а

1. Павлова, О. К. Северо-восточная традиция в олонхо якутов : образы, сюжеты, поэтика : автореферат дисс. ... к. филол. н. / Павлова Ольга Ксенофоновна. – Майкоп, 2018. – 18 с.
2. Илларионов, В. В. Эпическое сказительство народа саха / В. В. Илларионов // Якутский героический эпос Олонхо : вопросы научного изучения : сборник научных статей. – Якутск : ИД СВФУ, 2012. – С. 4–10.

3. Пухов, И.В. Якутский героический эпос олонхо : основные образы / И. В. Пухов ; Институт мировой литературы им. А. М. Горького ; Институт языка, литературы, истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР]. – Москва : Изд-во АН СССР, 1962. – 255 с.
4. Пропп, В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. – [2-е изд., испр.]. – Москва : Гослитиздат. [Ленингр. отд-ние], 1958. – 603 с.
5. Мелетинский, Е. М. Происхождение героического эпоса : ранние формы и архаичные памятники / Е. М. Мелетинский; Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва : Изд-во восточной литературы, 1963. – 462 с.
6. Илларионов, В. В. Эпическое наследие народа Саха / В. В. Илларионов; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова ; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. – Новосибирск : Наука, 2016. – 341 с.
7. Ксенофонов, Г. В. Ураанхай сахалар : Очерки по древней истории якутов / Г. В. Ксенофонов. Т.1 – Иркутск : Вост.-Сиб. кн.изд-во, 1937. – 573 с.
8. Емельянов, Н. В. Сюжеты якутских олонхо / Н. В. Емельянов ; Академия наук СССР, Сибирское отделение, Якутский филиал, Институт языка, литературы и истории. – Москва : Наука, 1980. – 374 с.
9. Мюльдюёт Бёгё : олонхо / М. И. Саввин [записанный со слов И. В. Охлопковым со слов М. И. Саввина; подготовили к печати: В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова, Н. А. Дьяконова]; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ; Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова. – Якутск : Бичик, 2014. – 520 с.
10. Хангалас Боотур : [олонхо] / А. Н. Алексеев [записала Е. Е. Лукина со слов сказителя А. Н. Алексеева ; подготовили к печати: Р. Н. Анисимов, Л. Н. Герасимова]; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2014. – 319 с.
11. Уол Дугуй бухатыыр : олонхо / Олонхосут Е. И. Кардашевский; автор и рук. проекта В. В. Илларионов; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова. – Якутск : Якутия, 2014. – 208 с.
12. Илларионова, Т. В. Текстология олонхо “Могучий Эр Соготох” : сравнительный анализ разновременных записей / Т. В. Илларионова; Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова. – Новосибирск : Наука, 2008. – 95 с.
13. Алексеев, Э. Е. Образцы якутского песенного фольклора / Э. Е. Алексеев, Н. Н. Николаева; Институт языка, литературы и истории. – Якутск : Кн. изд-во, 1981. – 100 с.

References

1. Pavlova, O.K. (2018) *Northeastern tradition in the olonkho of the Yakuts: images, plots, poetics*. Summary of candidate of philological sciences dissertation. Olonkho Research Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. (In Russian)
2. Illarionov, V.V. (2012) Epic Storytelling of the Sakha People. In: Ivanov, V.N et al. (eds.) *Yakut Heroic Epic Olonkho: Issues of Scientific Study: Collection of Scientific Articles*. Yakutsk: NEFU Publishing House, pp. 4–10. (In Russian)
3. Pukhov, I.V. (1962) *Yakut Heroic Epic Olonkho: Main Characters*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russian)
4. Propp, V.Ya. (1958) *Russian Heroic Epic*. Moscow: Goslitizdat. (In Russian)
5. Meletinsky, E.M. (1963) *The Origin of The Heroic Epic: Early Forms and Archaic Monuments*. Moscow: Publishing House of Eastern Literature. (In Russian)
6. Illarionov, V.V. (2016) *The Epic Heritage of the Sakha People*. Novosibirsk: Nauka. (In Russian)
7. Ksenofontov, G.V. (1937) *Uraankhai Sakhalars: Essays on the Ancient History of the Yakuts*. Vol.1. Irkutsk: East-Siberian Publishing House. (In Russian)
8. Emelyanov, N.V. (1980) *Plots of the Yakut Olonkho*. Moscow: Nauka. (In Russian)
9. Savvin, M.I. (2014) *Myuljyet Bege: Olonkho*. [M.I. Savvin's performance recorded by I. V. Okhlopkov; prepared for publication by V.V. Illarionov, T.V. Illarionova, N.A. Dyakonova]. Yakutsk: Bichik,. 520 p. (In Yakut)

10. Alekseev, A. N. (2014) *Khangalas Botur: Olonkho*. [A.N. Alekseev's performance recorded by E. E. Lukina; prepared for publication by R. N. Anisimov, L. N. Gerasimova]. Yakutsk: NEFU Publishing House. (In Yakut)
11. Kardashevsky, E.I. (2014) *Uol Dugui Bukhatyr: Olonkho*. Prepared by V.V. Illarionov. Yakutsk: Yakutia Media Holding. (In Yakut)
12. Illarionova, T.V. (2008) *Textology o the Olonkho Mighty Er Sogotokh." a Comparative Analysis of Records from Different Times*. Novosibirsk: Nauka. (In Russian)
13. Alekseev, E.E. (1981) *Samples of Yakut Song Folklore*. Yakutsk: Publishing House. (In Russian)

ИЛЛАРИОНОВА Туяра Васильевна – к. филол. н., доцент кафедры фольклора и культуры ИЯКН СВ РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: 445325@mail.ru

Tuyara V. ILLARIONOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Folklore and Culture, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University of Russia.

КИПРИЯНОВА Юлия Юрьевна – заместитель директора по воспитательной работе МБОУ «Качикатская СОШ им. С.П. Барашкова» МР «Хангаласский улус» РС (Я).

E-mail: ykipri@yandex.ru

Yulia Yu. KIPRIYANOVA– Deputy Director for Educational Work, S.P. Barashkov Kachikat School, Khangalassky District, Sakha Republic (Yakutia).

УДК 398.8(=161.1)

DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-88-99

Анализ музыкальных текстов песенной традиции государевых ямщиков

А. Ю. Пильникова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ nastena-pilnikova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу текстов песенной традиции государевых ямщиков как уникального феномена русской народной культуры. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения нематериального культурного наследия, в частности песенных традиций, отражающих исторические, социальные и эстетические особенности русской жизни XVIII–XIX вв. на территории Республики Саха (Якутия). Песенные тексты этой традиции, объединяющие музыкальные и литературные элементы, играли важную роль в трудовой и эмоциональной жизни ямщиков, но остаются недостаточно исследованными. Анализ музыкальной составляющей песен позволяет глубже понять их жанрово-стилевые особенности, функциональное значение и вклад в развитие русской народной культуры. Проблема заключается в недостаточной изученности песенной культуры ямщиков, которые, будучи важной частью транспортной системы и военной логистики, сформировали самобытный фольклор, насыщенный символикой, образностью и устойчивыми жанровыми признаками. Целью исследования является изучение музыкальных текстов песенной традиции государевых ямщиков, а также выявление их жанрово-стилевых особенностей. Задачи включают в себя: анализ структуры и содержания жанровой специфики музыкальных текстов; выявление мелодических, ритмических и интонационных характеристик музыкальных текстов. Методологической основой исследования стали искусствоведческий анализ и структурно-семантический подход, что позволило изучить тексты в их лексико-синтаксической организации, художественной образности и жанровом своеобразии. Результаты исследования показывают, что каждая из песен демонстрирует тесную связь с определенными аспектами ямщицкой жизни: трудовые песни акцентируют физические и эмоциональные тяготы работы, хороводно-игровые – коллективный характер досуга, солдатские и любовные – личные переживания. Перспективы исследования заключаются в дальнейшем изучении музыкального сопровождения ямщицких песен и их роли в формировании идентичности профессиональных сообществ. Выводы работы способствуют расширению представлений о русском фольклоре и его функциях в социокультурном пространстве.

Ключевые слова: государственные ямщики, песенный фольклор, трудовая песня, хороводно-игровая песня, солдатская песня, любовная песня, жанрово-стилевые особенности, лексико-семантический анализ, песенная традиция, культурное наследие.

Для цитирования: Пильникова А. Ю. Анализ музыкальных текстов песенной традиции государевых ямщиков. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2024, № 4 (16). С. 88–99. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-88-99

An Analysis of Musical Texts in the Song Tradition of Tsar's Coachmen

A. Yu. Pilnikova

M.K. Ammosov North-Eastern University, Yakutsk, Russia

✉ nastena-pilnikova@mail.ru

Abstract. This article analyzes the texts of the song tradition of the Tsar's coachmen as a unique phenomenon of Russian folk culture. The relevance of the study stems from the need to preserve intangible cultural heritage, particularly song traditions that reflect the historical, social, and aesthetic features of 18th–19th century Russian life in the Republic of Sakha. The song texts of this tradition, combining musical and literary elements, played a significant role in the working and emotional lives of the coachmen but remain underexplored. The analysis of the musical components of these songs offers a deeper understanding of their genre and stylistic features, functional significance, and contribution to the development of Russian folk culture. The issue addressed is the insufficient study of the song culture of the coachmen, who, as an essential part of the transportation system and military logistics, created a distinctive folklore filled with symbolism, imagery, and stable genre traits. The study aimed to examine the musical texts of the Tsar's coachmen's song tradition and identify their genre-stylistic characteristics. The tasks included analyzing the structure and content of the musical texts' genre specifics and identifying their melodic, rhythmic, and intonational characteristics. The methodological foundation of the study comprised the art historical analysis and a structural-semantic approach, which allow the examination of the texts in their lexical-syntactic organization, artistic imagery, and genre distinctiveness. The results revealed that each song closely reflects certain aspects of the coachmen's lives: work songs emphasize the physical and emotional hardships of labor; round dance and game songs highlight the collective nature of leisure; and soldier and love songs convey personal emotions. The prospects of the study lie in further exploration of the musical accompaniment of coachmen's songs and their role in shaping the identity of professional communities. The findings expand the understanding of Russian folklore and its functions in the sociocultural space.

Keywords: Tsar's coachmen, song folklore, work song, round dance and game song, soldier song, love song, genre-stylistic features, lexical-semantic analysis, song tradition, cultural heritage.

For citation: Pilnikova A. Yu. An Analysis of Musical Texts in the Song Tradition of Tsar's Coachmen. *Issues of national literatures*. 2024, No. 4 (16). Pp. 88–99. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-88-99

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения и сохранения нематериального культурного наследия, которое отражает мировоззрение, ценности и повседневную жизнь разных социальных групп. Песенные тексты, объединяющие музыкальные и литературные элементы, играли важную роль в трудовой и эмоциональной жизни ямщиков, но остаются недостаточно исследованными. Анализ музыкальной составляющей песен позволяет глубже понять их жанрово-стилевые особенности, функциональное значение и вклад в развитие русской народной культуры. Песенная традиция государевых ямщиков представляет собой уникальный пласт русского фольклора, тесно связанный с историей транспортной и почтовой систем России XVIII–XIX вв. [1]. В условиях глобализации и утраты традиционных форм культурного выражения изучение этих песен позволяет сохранить их как источник этнической идентичности и социокультурной памяти. Несмотря на признание значимости ямщицкой традиции, ее лексико-семантические и художественные особенности остаются недостаточно изученными, что определяет необходимость детального анализа.

Проблема исследования заключается в ограниченной изученности жанровых особенностей песенной традиции ямщиков. Исследования, посвященные этим песням, как правило, либо фрагментарны, либо сосредоточены на музыкальной стороне, оставляя без должного внимания текстовую составляющую. Кроме того, недостаточно исследована связь между функциями песен (трудовая, досуговая, эмоциональная) и их структурой.

Целью исследования является изучение музыкальных текстов песенной традиции государевых ямщиков, а также выявление их жанрово-стилевых особенностей. Для достижения цели поставлены следующие задачи: 1) проанализировать структуру и содержание жанровой специфики музыкальных текстов; 2) выявить мелодические, ритмические и интонационные характеристики музыкальных текстов.

Данное исследование опирается на искусствоведческий и структурно-семантический подходы, которые позволяют рассмотреть текстовые особенности песен в их единстве с жанровой спецификой. Особое внимание уделено работам исследователей, занимающихся русским фольклором (В. Я. Пропп, С. Г. Лазутин), и трудам, посвященным анализу текста в фольклорной традиции (А. Н. Веселовский, Ю. М. Лотман).

Автор рассматривает текст песенной традиции ямщиков как важнейший источник для понимания культурных и социальных реалий эпохи. Тексты анализируемых песен – «Сидел Ваня на диване», «Во суббота, день ненастный», «Ой, да ты калинушка» и «Сронила колечко» – предлагается рассматривать не только в контексте их практического использования разножанрового аспекта, но и как искусствоведческую базу музыкального фольклора. Автор подчеркивает необходимость междисциплинарного подхода, который интегрирует искусствоведение, культурологию и историю, для глубокого изучения песенной традиции и ее значимости для современности.

Исследование текстов представленных песен позволяет выявить основные темы и содержание, отражающие различные аспекты жизни и деятельности государевых ямщиков. Сюда могут входить песни о дорожных приключениях, трудовых испытаниях, встречах и разлуках, а также исторические события и социальные обычаи.

Анализ языка и стилистики музыкальных текстов позволяет выявить уникальные лексические и грамматические особенности, характерные для данной песенной традиции. Это может включать использование специфических терминов, фразеологизмов и метафор, которые отражают специфику жизни и профессиональных занятий ямщиков.

Помимо текста, анализ музыкальных аспектов песенной традиции государевых ямщиков также имеет большое значение. Это включает в себя изучение мелодических и ритмических характеристик, использование инструментов, если таковые имеются, и техники исполнения, а также влияние музыкальных жанров и стилей на формирование данной песенной традиции.

Анализ музыкальных текстов исследуемой традиции

Песенная культура государевых ямщиков формировалась в течение длительного времени. Ямщики, как особое сословие людей, занимались перевозкой грузов между различными губерниями [2]. В их песнях отражена жизнь обычного человека, трудности и радости профессии, рассказы о путешествиях и дальних землях. Музыкальный стиль довольно разнообразен за счет влияния переселенцев с различных территорий: Вятской, Ярославской, Нижегородской губерний и т. д. [3]. Анализ архивных материалов показывает влияние романсовой и казачьей культуры, сформированной в XVI–XVII вв., которая выражается в элементах музыкально-стилистического анализа лирики данной локальной традиции.

Лирические песни у ямщиков являются самым распространенным жанром [4]. Именно в них с наибольшей силой раскрывается музыкальный стиль. Исследование и анализ записей показали, что песни опираются на синтагматический стих, и, согласно классификации Б. Б. Ефименковой относятся к типологической группе ритмических форм со стопной сегментацией.

Силлабо-тонический стих лирических ямщицких песен представлен двухсложным размером – хореем и трехсложным – амфибрахией.

Основной целью нашей работы является музыкальный и поэтический анализ стихов сибирской певческой традиции, а именно, музыкальной традиции потомков государевых ямщиков. Рассмотрим подробнее самые распространенные и исполняемые по сей день музыкальные произведения.

Хороводно-игровая песня «Сидел Ваня на диване» (Приложение, рис. 1), трудовая песня «Во субботу, день ненастный» (Приложение, рис. 2), солдатская песня «Ой, да ты калинушка» (Приложение, рис. 3), любовная песня «Сронила колечко» (Приложение, рис. 4).

Для ознакомления представляем нотные примеры из сборника «Песни ямщицкого тракта», составителем которого является Л. А. Яйлиян. В данный сборник вошли сохранившиеся до наших дней русские народные песни разных жанров, собранные во время фольклорных экспедиций, в том числе по Иркутско-Якутскому почтовому тракту.

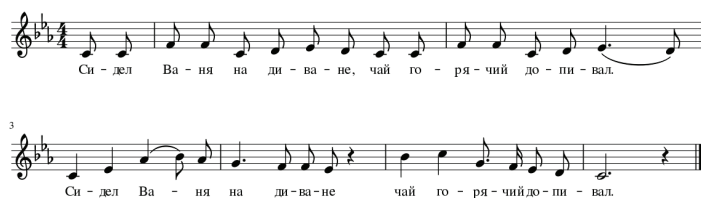
Таблица 1

Сидел Ваня на диване, Республика Саха (Якутия), с. Синск (Приложение, рис. 1)

Сидел Ваня на диване,	Си-дел Ва-ня на ди-ва-не (8)
Чай горячий допивал.	Чай го-ря-чий до-пи-вал (7)
8+7	
Сидел Ваня на диване,	Си-дел Ва-ня на ди-ва-не (8)
Чай горячий допивал.	Чай го-ря-чий до-пи-вал (7)
8+7+8+7	
Не допивши полстакана,	Не до-пив-ши пол-ста-ка-на (8)
За девчонкой побежал.	За дев-чон-кой по-бе-жал (7)
8+7	
Не допивши полстакана,	Не до-пив-ши пол-ста-ка-на (8)
За девчонкой побежал.	За дев-чон-кой по-бе-жал (7)
8+7+8+7	
Ах, девчонка раз красotka,	Ах, дев-чон-ка раз кра-сот-ка (8)
Расскажи свою любовь.	Рас-ска-жи сво-ю лю-бовь (7)
8+7	
Ах, девчонка раз красotka,	Ах, дев-чон-ка раз кра-сот-ка (8)
Расскажи свою любовь.	Рас-ска-жи сво-ю лю-бовь (7)
8+7+8+7	
Я любил тебя три года	Я лю-бил те-бя три го-да (8)
А теперь я не могу.	А те-перь я не-мо-гу (7)
8+7	
Я любил тебя три года	Я лю-бил те-бя три го-да (8)
А теперь я не могу.	А те-перь я не-мо-гу (7)
8+7+8+7	
А теперь я не могу, да,	А те-перь я не мо-гу да (8)
На Кавказ пешком пойду.	На Кав-каз пеш-ком пой-ду (7)
8+7	
А теперь я не могу, да,	А те-перь я не мо-гу да (8)
На Кавказ пешком пойду.	На Кав-каз пеш-ком пой-ду (7)
8+7+8+7	

Сидел Ваня

С движением

Сидел Ваня на диване,
Чай горячий допивал.

Не допивши полстакана,
За девчонкой побежал.

Ах, девчонка раз красotka,
Расскажи свою любовь.

Я любил тебя три года
А теперь я не могу.

А теперь я не могу, да,
На Кавказ пешком пойду.

На Кавказе девок много,
Можно каждую любить.

Получил я двести сорок,
Остается рублей пять.

На последнюю пятерку,
Найму тройку лошадей.

Тройка скачет, Ваня пляшет,
Ямщик песенку поет.

Ваня к дому подъезжает,
Колокольчик динь, динь, динь.

Мать Ванюшу повстречала,
Начала его бранить:

«Ах, ты сукин сын! Бродяга!
Куды денежки девал?»

«Я ни в карты, ни в бильярды,
Я с девчонкой прогулял»...

Рис. 1. Сидел Ваня

Строфа со стиховой формулой 8+7+8+7 предполагает, что каждая строчка в стихотворении содержит определенное количество слогов. В данном случае:

- первая строка содержит 8 слогов;
- вторая строка содержит 7 слогов;
- третья строка содержит 8 слогов;
- четвертая строка содержит 7 слогов.

Эта стиховая формула помогает обеспечить ритмичность и гармонию текста, придавая ему особый звучный ритм. В сочетании с правильным ударением на определенных слогах, она создает музыкальность и выразительность стихотворения.

СИдел ВАНя на дивАНе, / _ / _ / _ / _
ЧАй горЯчий дОпивАл. / _ / _ / _ /
НЕ допИвши пОлстакАна, / _ / _ / _ /
ЗА девчОнкой пОбежАл. / _ / _ / _ /

Тип стихосложения: силлабический, при такой системе стихосложения число слогов в строке и место некоторых ударений (на конце и в середине строки) фиксировано. Стихотворный размер – хорей, что обозначает стихотворную двусложную стопу, с ударением на первом слоге. Также он относится к метрическому стихосложению,

где стихи организованы по метрическим схемам, опираясь на количество слогов в строке и на их ударения [1, с. 198].

Формула стиховой строфы: ААВВ.

Принцип строфического соединения: повторение последних двух строк каждой строфы создает эффект мантры или рефрена, который придает тексту ритмичность и эмоциональную насыщенность, подчеркивая ключевые моменты стихотворения. В данном примере присутствует двухчастная форма (АВ).

Состоит из двух контрастных фрагментов: аргумента и контраргумента. Однако если фрагменты не контрастны, то есть второй фрагмент построен на материале первого, то двухчастная форма превращается в вариацию одночастной. Тем не менее подобные произведения иногда относят к двухчастным.

Вид многоголосия: монодийная гетерофония.

Гетерофония, в некоторых общелексических словарях – склад многоголосия. Суть гетерофонии сводится к тому, что при исполнении одной и той же мелодии несколькими голосами или инструментами в одном или нескольких голосах время от времени возникает ответвление от основного напева. Монодийная гетерофония отличается единичными расхождениями.

Важно отметить несовпадение тактовых черт с акцентными слогами, из чего следует вывод, что мелодия является формообразующим элементом в песне. Для этой песни не характерно наличие структурных вставок, дополнительных построений, использование расширения текста за счет мелизматики.

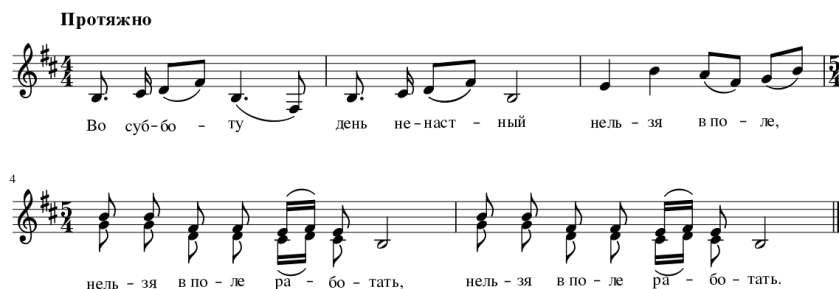
Примечательно, что песня популярна не только среди государевых ямщиков, но также очень распространена в Уральской песенной традиции, а именно в Челябинской области, также в центре европейской части России, в междуречье Оки и Волги, на стыке Смоленско-Московской возвышенности (на западе), а именно в Москве [5, 6].

Таблица 2

**Во субботу, день ненастный (протяжная), Республика Саха, (Якутия), с. Синск
(Приложение, рис. 2)**

Во субботу, день ненастный,	Во су-бо-ту день не-наст-ный (8)
Нельзя в поле работать.	Нель-зя в по-ле ра-бо-тать (8)
8+8	
Нельзя в полюшке работать,	Нель-зя в по-люш-ке ра-бо-тать (9)
Ни боронить, ни пахать.	Ни бо-ро-нить ни па-хать (7)
9+7	
Мы пойдем с тобой, миленок,	Мы пой-дем с то-бой ми-ле-нок (9)
Во зеленый сад гулять.	Во зе-ле-ный сад гу-лять (7)
9+7	
Во зелененьком садочке,	Во зе-ле-нень-ком са-доч-ке (8)
Соловей – птица поет.	Со-ло-вей пти-ца по-ет (7)
8+7	
Не про нас ли, друг мой милый,	Не про нас ли друг мой ми-лый (8)
Люди бают, говорят?	Лю-ди ба-ют го-во-рят (7)
8+7	
Тебя, молодца, ругают,	Те-бя мо-лод-ца ру-га-ют (8)
Меня, девицу, бранят?...	Ме-ня де-ви-цу бра-нят (7)
8+7	
Прощайте девки, прощайте бабы,	Про-щай-те дев-ки про-щай-те ба-бы (10)
Уезжаем, уезжаем мы от вас.	У-ез-жа-ем у-ез-жа-ем мы от вас (11)
Уезжаем на Кавказ.	У-ез-жа-ем на Кав-каз (7)
10+11+7	

Во субботу, день ненастный

Во субботу, день ненастный,
Нельзя в поле, эх,
Нельзя в поле работать.

Нельзя в полюшке работать,
Ни боронить, эх,
Ни боронить, ни пахать.

Мы пойдем с тобой, миленок,
Во зеленый, эх,
Во зеленый сад гулять.

Во зелененьком садочке,
Соловей, эх,
Соловей – птица поет.

Не про нас ли, друг мой милый,
Люди бают, эх,
Люди бают, говорят?

Тебя, молодца, ругают,
Меня, девицу, эх,
Меня, девицу, бранят?...

Прощайте девки, прощайте бабы,
Уезжаем, уезжаем мы от вас.
Уезжаем на Кавказ.

Рис. 2. Во субботу, день ненастный

ВО суббОту, дЕнь ненАстный, / _ / / / _
НЕльзя в пОле, эх, / _ / / /
НЕльзя в пОле рАботАть. / _ / / /

НЕльзя в пОлюшкЕ рабОтать, / _ / / / _
НИ борОнить, эх, / _ / / /
НИ борОнить, нИ пахАть. / _ / / /

Тип стихосложения: силлабический. Стихотворный размер – хорей.

Формула стиховой строфы: строфы с постоянной стиховой формулой 8+7. Увеличение слогового состава происходит в последнем куплете за счет добавления слов.

Принцип строфического соединения: АВВ.

Вид многоголосия: ленточное двухголосие, где нижний голос – основной, верхний голос дублирует основной голос в терцию. Стоит отметить, что в местной традиции встречаются единичные варианты песен с преобладанием ленточного двухголосия.

Примечательно, что песня очень распространена в Уральской песенной традиции и традиции Центральной России.

В данном примере преобладает слоговой ритм малораспевного характера, когда на один слог чаще всего выпадают от одного до трех звуков, в результате чего текст не теряется за многочисленными мелодическими распевами. Наличие более широких распевов для традиции государевых ямщиков не характерно.

Таблица 3

Ой, да ты калинушка (солдатская песня) Республика Саха, Якутия, с. Синск
(Приложение, рис. 3)

Ой, да ты калинушка, ты малинушка,	Ой да ты ка-ли-нуш-ка ты ма-ли-нуш-ка (12)
Ой, да ты не стой, не стой на горе крутой.	Ой да ты не стой не стой на го-ре кру-той (12)
12+12	
Ой, да не спущай листа во сине море,	Ой да не спу-щай лис-та во си-не мо-ре (12)
Ой, да во синем море корабль плывет.	Ой да во си-нем мо-ре ко-ра-бль ply-вет (12)
12+12	
Ой, да корабль плывет, аж вода ревет,	Ой да ко-ра-бль ply-вет аж во-да ре-вет (12)
Ой, да как на том корабле, два полка солдат.	Ой как на том ко-раб-ле два пол-ка сол-дат (12)
12+12	
Два полка солдат, молодых ребят,	Два пол-ка сол-дат мо-ло-дых ре-бят (10)
Ой, да молодой солдат домой просится	Ой да мо-ло-дой сол-дат до-мой про-сит-ся (12)
10+12	
Ой, да командир полка, отпусти меня домой,	Ой да ко-ман-дир пол-ка от-пус-ти ме-ня до-мой (14)
Отпусти меня домой к отцу, матери родной.	От-пус-ти ме-ня до-мой кот-цу ма-те-ри род-ной (14)
14+14	
Ой, да к отцу, матери родной и к жене молодой,	Ой да кот-цу ма-те-ри род-ной ик же-не мо-ло-дой (15)
К жене молодой, малым детушкам.	Кже-не мо-ло-дой ма-лым де-туш-кам (10)
15+10	

Ой, да ты калинушка

Медленно

Ой, да ты ка-ли-нуш-ка, ты, ма-ли-нуш-ка!
Ой, да ты не стой не стой на го-ре кру-той.
Ой, да ты не стой не - стой на го-ре кру-той, ой, да не спу-щай ли-ста
во си-не-ре.

Ой, да ты калинушка, ты малинушка,
Ой, да ты не стой, не стой на горе крутой.
Ой, да не спущай листа во сине море,
Ой, да во синем море корабль плывет.
Ой, да корабль плывет, аж вода ревет,
Ой, да как на том корабле, два полка солдат.
Два полка солдат, молодых ребят,
Ой, да молодой солдат домой просится.
Ой, да командир полка, отпусти меня домой,
Отпусти меня домой к отцу, матери родной.
Ой, да к отцу, матери родной и к жене молодой,
К жене молодой, малым детушкам.

Рис. 3. Ой, да ты калинушка

Ой, да тЫ калИнушкА, / _ / _ /
тЫ малИнушкА, / _ / _ /
Ой, да тЫ не стОй, не стОй / _ / _ /
на горЕ крутОй. / _ / _ /

Строфа со стиховой формулой 12+12, расширяющейся к концу произведения за счет добавления дополнительных слогов – слов.

Тип стихосложения: силлабический. Стихотворный двухсложный размер с ударением на первом слоге – хорей [7].

Формула стиховой строфы: форма стиховой строфы в данном тексте представляет собой четверостишие, где каждая строфа состоит из четырех строк. Принцип строфического соединения основан на повторении одинаковых или сходных фраз в начале или конце каждой строки, что придает тексту музыкальность и ритмичность.

Принцип строфического соединения: в данном случае каждая строфа начинается с фразы «Ой, да», которая создает эффект повторения и придает тексту характерный мотив. Каждая последующая строка строфы продолжает тему, начатую в предыдущей, добавляя новые образы и идеи. Такая структура строфы обеспечивает музыкальное и стилистическое единство текста, а также позволяет удерживать внимание слушателя и создавать эмоциональную напряженность [8].

Вид многоголосия: ленточное двухголосие с периодическим возникновением третьего голоса.

Данный музыкальный пример представлен широким запевом. Соотношение музыкальных и стиховых компонентов песни составляет ее композиционное строение. Более разнообразные распевы характеризуют влияние на песенное наследие ямщиков казачьей традиции.

Точное место происхождения песни определить уже нельзя, но можно назвать некоторые регионы, в которых во время фольклорно-этнографических экспедиций она была записана: Липецкая область, Белгородская область, Пензенская область, Нижегородская область, Киевская область, Томская область, Смоленская область, Волгоградская область, Свердловская область, Пермский, Краснодарский края.

Примером истинной аутентичности можно считать протяжную лирическую солдатскую песню XVIII в. «Ой, да ты, калинушка», получившую большую популярность во время Первой мировой войны. В песне предположительно описаны события русско-английской экспедиции 1799 г. в Голландию, в ходе которой русские войска, встреченные контратакой превосходящих сил и своевременно не поддержанные английскими войсками, были выбиты со значительными потерями. Погибла часть кораблей с русским десантом, в том числе три казачьих полка с конским составом [9].

Таблица 4

**Сронила колечко (любовная песня) – старинная Сибирская,
Республика Саха (Якутия), с. Синск (Приложение, рис. 4)**

Сронила колечко, со правой руки,	Сро-ни-ла ко-леч-ко со пра-вой ру-ки (11)
Забилось сердечко, о милом дружке.	За-би-лось сер-деч-ко о ми-лом друж-ке (11)
11+11	
Ушел он далеко, по той стороне,	У-шел он да-ле-ко по той сто-ро-не (11)
Не знаю искать, где, дорогу к нему.	Не зна-ю ис-кать где до-ро-гу кне-му (11)
11+11	
Одену я платье, к милому пойду,	О-де-ну я пла-тье кми-ло-му пой-ду (11)
А месяц укажет, дорогу к нему.	А ме-сяц у-ка-жет до-ро-гу кне-му (11)
11+11	
Сронила колечко, со правой руки,	Сро-ни-ла ко-леч-ко со пра-вой ру-ки (11)
Забилось сердечко, о милом дружке.	За-би-лось сер-деч-ко о ми-лом друж-ке (11)
11+11	

Сро - ни - ла ко - леч - ко со пра - вой ру - ки За -

5 би - лось сер - леч - ко, о ми - лом друж - ке. У...

Сронила колечко, со правой руки,
Забилось сердечко, о милом дружке.

Сронила колЕчко, со прАвой руки, _/_/_/_/_/
Забилось сердЕчко, о мИлом дружкЕ. _/_/_/_/_/
Строфа со стиховой формулой 11+11.

Заключение

Подводя итоги, мы можем сделать вывод, что исследование фольклорных жанров, таких как хороводно-игровая песня, трудовая песня, солдатская песня, любовная песня, позволяет понять многообразие культурных выражений и социокультурных особенностей различных обществ и этнокультурных групп. Исследования данных фольклорных жанров позволяют не только глубже понять культурные особенности различных этнокультурных групп, но и раскрыть механизмы формирования и передачи культурных ценностей, традиций и обычаев. Они также способствуют анализу влияния социокультурных процессов на развитие фольклорного наследия и его роли в формировании национальной идентичности.

Из представленного анализа по основным видам композиционного развития ямщицких песен отмечается явное преобладание более поздних видов строфики, что указывает на влияние на данную традицию песенной стилистики позднего формирования.

Рассмотрев мелодические особенности песен, можно сказать, что все они имеют достаточно широкий диапазон, что не совсем характерно для сибирской певческой традиции. В связи с этим можно сделать вывод о влиянии на культуры ямщиков традиций губерний Центрального региона России.

Для песен характерен несложный мелодический рисунок, небольшая распевность слогов, запоминающаяся мелодия, связанные с особенностями исполнения.

Анализ архивных материалов показывает влияние романсовой и казачьей культуры, сформированной в XVI–XVII вв., которая выражается в элементах музыкально-стилистического анализа лирики данной локальной традиции.

Лирические песни у ямщиков являются самым распространенным жанром. Именно в них с наибольшей силой раскрывается музыкальный стиль. Исследование и анализ записей показали, что песни опираются на силлабо-тонический стих, и, согласно классификации Б. Б. Ефименковой относятся к типологической группе ритмических форм со стопной сегментацией.

Силлабо-тонический стих лирических ямщицких песен представлен двухсложным размером – хореем и трехсложным амфибрахием.

Л и т е р а т у р а

1. Фольклор русского населения Якутии (русские песни Ленского тракта) / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Якут. ин-т яз., лит. и истории ; [сост. О. И. Чарина ; отв. ред. Л. Н. Скрыбыкина]. – Якутск, 1994. – 132с.
2. Чарина, О. И. Записи фольклора, произведенные Д. И. Меликовым в Нижнеколымском крае в 1893 г. / О. И. Чарина // Из истории русской фольклористики. – Санкт-Петербург : Наука, 2013. – С. 419–437.
3. Соколов, А. Д. По следам государевых ямщиков / А. Д. Соколов ; Ред. А. Г. Чикачев. – [Изд. 2-е, испр. и доп.]. – Якутск : Сахаполиграфиздат, 1995. – 245с.
4. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре : быт и традиции русского дворянства (XVIII–XIX века) / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1999. – 414 с., [40] л. ил. – Указ. имен: 399–412 с. – ISBN 5-210-01524-6.
5. Кабузан, В. М. Русские в мире. Динамика численности и расселение (1719–1989 г.). – Санкт-Петербург : БЛИЦ, 1996. – 351 с.
6. Жданов, И. И. О трудах А. Н. Веселовского. Исследование народных преданий, поверий и песен / И. И. Жданов // Сочинения. – Санкт-Петербург, 1907. – Т. 2. – 392–396 с.
7. Пропп, В. Я. Поэтика фольклора (Собрание трудов В. Я. Проппа.) / Составление, предисловие и комментарии А. Н. Мартыновой. – Москва : Лабиринт, 1998. – 352 с.
8. Лазутин, С. Г. Поэтика русского фольклора : Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / С. Г. Лазутин. – Москва : Высш. школа, 1981. – 221 с.
9. Попов, Г. А. Очерки по истории Якутии / Г. А. Попов. – Якутск, 1924. – 122 с.

References

1. Charina, O. I. (1994) Folklore of the Russian Population of Yakutia (Russian Songs of the Lena Tract). Yakutsk. (In Russian)
2. Charina, O. I. (2013) Folklore Recordings Made by D. I. Melikov in the Lower Kolyma Region in 1893. In: Charina, O. I. From the History of Russian Folkloristics. St. Petersburg: Nauka, pp. 419–437. (In Russian)
3. Sokolov, A. D. (1995) In the Footsteps of Tsar's Coachmen. Yakutsk: Sakhapoligraphizdat. (In Russian)
4. Lotman, Yu. M. (1999) Conversations about Russian Culture: Everyday Life and Traditions of the Russian Nobility (18th–19th Centuries). St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russian)
5. Kabuzan, V. M. (1996) Russians in the World: Dynamics of Population and Settlement (1719–1989). St. Petersburg: BLITZ. (In Russian)
6. Zhdanov, I. I. (1907) On the Works of A. N. Veselovsky: Study of Folk Traditions, Beliefs, and Songs. In: Zhdanov, I. I. Collected Works. St. Petersburg, Vol. 2, pp. 392–396. (In Russian)
7. Lazutin, S. G. (1981) Poetics of Russian Folklore: Textbook for Philological Faculties of Universities. Moscow: Higher School. (In Russian)
8. Propp, V. Ya. (1998) Poetics of Folklore. (Collected Works of V. Ya. Propp) Compiled, with a preface and commentary by A. N. Martynova. Moscow: Labyrinth. (In Russian)
9. Popov, G. A. (1924) Essays on the History of Yakutia. Yakutsk. (In Russian)

ПИЛЬНИКОВА Анастасия Юрьевна – ассистент кафедры фольклора и культуры ИЯКН СВ РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: nastena-pilnikova@mail.ru

Anastasia Yu. PILNIKOVA – Assistant Lecturer, Department of Folklore and Culture, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

– ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ –

УДК 821.512.157-31Борисова.09

DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-100-107

Социокультурный комментарий к роману А. В. Борисовой «Земля удаганок»

С. Н. Данилова, В. В. Максимова, Н. В. Арчахова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ archakhova@mail.ru

Аннотация. Авторы статьи исследуют роль социокультурного комментария к первым двум романам цикла «Земля удаганок» российского писателя Ариадны Борисовой «Люди с солнечными поводьями» и «У звезд холодные пальцы». А. В. Борисова – писатель, переводчик и журналист из Якутии, автор книг разных жанров для детей и взрослых. Цикл «Земля удаганок» написан в жанре этнического фэнтези, повествует о далеком прошлом народа саха и изобилует материалом, связанным с мифологией, фольклором и религиозными мотивами. Сама автор определяет свое произведение как роман-олонхо. Социокультурный комментарий необходим для раскрытия культурного контекста, помогает читателю понять особенности национальной культуры, менталитет и мировоззрение, которые отражены в произведениях А. В. Борисовой, но могут быть непонятны и неочевидны не только для носителей другой культуры, но и для современного читателя, не знакомого с прошлым своего народа в достаточной мере. Анализ социокультурных аспектов произведения позволяет глубже осознать многослойность текста, культурную и языковые картины мира, изображенные в произведении. Дополнение текстов социокультурным комментарием позволяет рассмотреть произведение не только как художественный текст, но и как культурное явление, что расширяет его интерпретацию. Комментарий является инструментом, который не только объясняет текст, но и делает его доступным и актуальным для широкой аудитории, усиливая его образовательную и культурную ценность.

Ключевые слова: социокультурный комментарий, роман-олонхо, Ариадна Борисова, Земля удаганок, якутская культура, фоновые знания, межкультурная коммуникация, национальная картина мира, менталитет, этническое фэнтези.

Для цитирования: Данилова С. Н., Максимова В. В., Арчахова Н. В. Социокультурный комментарий к роману А. В. Борисовой «Земля удаганок». *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature*. 2024, №4 (16). С. 100–107. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-100-107

Sociocultural Commentary in The *Land of the Udagans* Novel by Ariadna Borisova

S. N. Danilova, V. V. Maksimova, N. V. Archakhova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ archakhova@mail.ru

Abstract. The authors of the article examine the role of sociocultural commentary in the first two novels of the *Land of the Udagans* cycle by Russian writer Ariadna Borisova: “People with Solar Reins” and “The Stars Have Cold Fingers.” Ariadna Borisova is a writer, translator, and journalist from Yakutia, known for her works of various genres for both children and adults. The *Land of the Udagans* cycle is written in the genre of ethnic fantasy and narrates the distant past of the Sakha people. It is rich in

material related to mythology, folklore, and religious motifs. The author herself defines her work as a "novel-olonkho." Sociocultural commentary is essential for revealing the cultural context, helping readers understand the unique aspects of the national culture, mentality, and worldview reflected in Borisova's works, which may be unfamiliar or unclear not only to those from other cultural backgrounds but also may be incomprehensible to the modern reader who is not sufficiently familiar with the history of their people. Analyzing the sociocultural aspects of the novels allows for a deeper appreciation of the text's multilayered nature and its cultural and linguistic worldview. Incorporating sociocultural commentary into the texts enables readers to perceive the work not only as a piece of fiction but also as a cultural phenomenon, broadening its interpretation. This commentary also facilitates a more profound understanding of the text, not only for readers from different cultures but also for contemporary audiences. It serves as a tool that not only explains the text but also makes it accessible and relevant to a wider audience, enhancing its educational and cultural value.

Keywords: sociocultural commentary, novel-olonkho, Ariadna Borisova, the Land of Udagans, Yakut culture, background knowledge, intercultural communication, national worldview, mentality, ethnic fantasy.

For citation: Danilova S. N., Maksimova V. V., Archakhova N. V. Sociocultural commentary in *The Land of Udagans* novel by Ariadna Borisova. *Issues of national literature*. 2024, No 4 (16). Pp. 100–107. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-100-107

Введение

Роман-олонхо А. В. Борисовой «Земля удаганок» представляет собой уникальное литературное произведение, в котором переплетаются элементы художественного повествования, фэнтези и жанра олонхо. Автор мастерски использует богатство традиционных верований, создавая многослойный текст, который требует глубокого анализа. Инструментом достижения данной цели может послужить социокультурный комментарий в дополнение к Толковнику, которым автор снабдила свои произведения.

Необходимость использования различных видов комментариев обсуждалась такими методистами, как Е. М. Верещагин, С. Г. Тер-Минасова, Е. Г. Ростова, В. Г. Костомаров. В методике выделяют несколько типов комментариев, которые возможно применить при изучении художественного текста: Н. М. Шанский предлагает историко-лингвистический или этимологический, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров – лингвострановедческий и лингво-культурологический, Л.А.Веселова пишет об интегративном культурологическом и лингвистическом комментариях [1].

С. Г. Тер-Минасова предлагает включать в текст социокультурный комментарий, который наиболее эффективно обеспечивает полное восприятие художественного текста представителями иноязычных культур. Его целью, по мнению Тер-Минасовой, является обеспечение полного понимания текста, восполнение недостатка фоновых знаний у читателя и разрешение культурных конфликтов. Социокультурный комментарий, согласно Тер-Минасовой, включает «толкование историзмов и архаизмов, объяснение явных и скрытых указаний на реалии, ссылки, намеки и аллюзии, которые требуют фоновых социокультурных знаний, утраченных современным читателем, а также фактов, которые сложно объяснить из-за разрыва связи времен, то есть неясен современному читателю» [2, с. 108-109].

На наш взгляд, цикл романов А. В. Борисовой требует широкого социокультурного комментария в связи с тем, что повествование изобилует не только этническими мотивами, но и событиями, относящимися к далекому прошлому, что и делает их не до конца понятными не только представителям иных культур, но и читателям народа саха вследствие вышеупомянутого разрыва времен. Имея на руках комментарий, читатель получит возможность для более глубокого погружения в повествование.

Название местности Элен в романе

Книга открывается панорамным обзором долины Элен, где и будет разворачиваться ее действие. В толковнике от автора в первой части книги *Элен* объясняется как «долина, в которой расположилось несколько аймаков народа саха. Элен – «щеки» реки, скалистые берега. Подразумевается, что долина находится в укрытии за скалами. В романе Элен, как и Большая Река (река Лена), Долина Смерти, Кытат (Китай), Лама (озеро Байкал), Мерзлое море (Северный Ледовитый океан) не является выдуманной землей, так как в Якутии есть район, подходящий под описание «Өлөөн» или же Оленекский район, расположенный на северо-западе Якутии, в бассейнах рек Оленек и Анабар. Согласно исследованию профессора Н. Г. Самсонова в книге «Наши имена», название «Өлөөн» (Оленек), восходит к эвенкийскому олон — брод (мелкое место реки или озера, удобное для перехода) [3, с. 8]. С древних времен на Оленекской земле проживали предки современных народов – юкагиров, нганасан, эвенков. В романе также мы видим описания разных племен, таких как «хориту», «шайлы», «тонготы», «ныгамедри», «гилэты», «нельгезиды», «йокуды» и другие.

Использование традиционных единиц измерения времени и расстояния

А. В. Борисова неоднократно использует старинные меры счета времени, дня, месяца и расстояния. Например, *«Пройдет время трех варок мяса, огонь одолеет мозглую продынь и потихоньку начнет разгораться»* означает «около 3–4 часов». Интуитивно читатель – представитель любой культуры – может примерно представить себе время, необходимое для того, чтобы сварить кусок мяса, однако для полной ясности необходим комментарий, к тому же необходимо принимать во внимание тот факт, что мясо у северных народов мерзлое, соответственно, требуется больше времени для его разваривания. На якутском «биир күөс быстыҥа» – время, равное развариванию мерзлого мяса, примерно – 1,5 часа [4, с. 24]. Таким образом, включив на данном этапе социокультурный комментарий, мы обеспечиваем читателя определенными фоновыми знаниями, необходимыми для более глубокого погружения в контекст романа.

У тюркских народов наиболее распространенной мерой длины является «көс». Как мы писали выше, в своем произведении автор для обозначения длины пути довольно часто использует данное слово: *«Один көс время варки жеребьячьего мяса»* [5, с. 471], *«От залива до Элен всего один пеший көс»* [5, с. 2], *«На три пеших көса я вижу окрест»* [5, с. 147]. Согласно работам Э.К. Пекарского «көс» имеет два вида: 1. «сатыы көс» (пешая миля) – 7,8 км; 2. «Ат көһө» (конная миля) – 12–14 км. У северных якутов есть еще «тиин көһө» (беличья миля), что означает расстояние, пройденное белкой в поисках еды [4, с. 1170]. По словам П. А. Ойунского, «көс» это расстояние, которое проходит племя за 4 часа с утра до обеда. Следовательно, день условно делится на три равных интервала. Таким образом, «көс» соответствует 10 верстам. Сейчас «көс» эквивалентен 10 км.

Продолжая тему меры счета времени, рассмотрим следующий пример: *«Последний раз он плакал, когда ему было двенадцать весен»* – подразумевается, что ему было около двенадцати лет. Здесь также читатель интуитивно понимает, как считать годы по веснам. Однако и в данном случае, на наш взгляд, требуется социокультурный комментарий. У народа саха год определяется с наступлением теплых, солнечных дней после зимнего периода. Принято считать, что одна весна соответствует одному году. Весна – время наступления нового года для якутов. Соответственно, якутский год начинается с месяца май (на якутском – «бииринньи ый»).

Якуты, как и многие скотоводческие народы, пользовались лунно-солнечным календарем, о чем свидетельствует данный отрывок: *«Из четырех седмиц с появления в небе новой луны слагается средний хоровод месяца, когда луна рождается, живет в полную силу и стареет. Из двенадцати полных лун вырастает большой хоровод года. Надрежешь лишнюю полоску – споткнется, спутается слаженно танцующий осуохай*

времени»[5, с. 107]. Здесь описывается цикл лунных фаз и их связь со временем. Четыре седмицы представляют собой полный цикл луны – от новолуний до полнолуний и обратно, что символизирует рождение, жизнь и старение. Упоминание о двенадцати полных лунах подчеркивает годовой цикл, где каждая луна представляет собой отдельный этап времени. Фраза о «надрезании лишней полоски» может указывать на то, что любое вмешательство в этот естественный порядок может привести к нарушениям или путанице в «танце времени», что подчеркивает важность гармонии и цикличности природы. Якутский календарь основан на лунном годе, состоящем из 12 месяцев, который согласован с солнечным годом. Он учитывает как смену лунных фаз, так и начало солнечного года, то есть равноденствие. Дни природного года якуты определяли по изменению Луны. «Обычный якутский месяц состоит из 30 дней и делится на три декады по десять дней, соответствующих фазам луны: сана ый (новолуние), толору ый (полнолуние) и эргэ ый (старолуние)»[6, с. 4]. В следующем предложении под *тремя лунами* подразумевается три месяца: «*Будешь давать его кузнецу по три капли каждый день в течение трех лун*»[5, с. 71]. Следовательно, якуты тридцатым днем Луны фактически определяют первый день невидимого новолуния. Каждый месяц начинался вечером того дня, когда после периода невидимости появлялась новая Луна. В следующем примере из текста месяцем водяных духов является январь, а *красное полнолуние* – первый день полноты еще в начале XX в. обозначали словосочетанием «улахан толору». Но в XVIII в. этот день назывался термином «кыһыл толуна» (красное совершенство) [6, с. 5]: «*Прошли две весны, а на третий год в Месяц водяных духов, в красное полнолуние, поднялся во дворе дикий вой и визг*» [7, с. 9].

Сакральные числа в романе

Во всех мифопоэтических и фольклорных произведениях важное значение имеет числовой код, который, помимо своего цифрового содержания, обладает сакральными, магическими свойствами. С помощью чисел при необходимости «репродуцировались структура космоса и правила ориентации в нем человека: три мира Вселенной, девятиярусное небо, восьмигранная земля» [8, с. 58]. В научных трудах А. Е. Кулаковского отмечено, что «якутская эпическая поэзия любит ставить к понятиям числа и определительные слова, сообразно с аллитерацией, а не для того, чтобы выразить действительное количество описываемого понятия или его качество» [9, с. 10]. Примерами могут служить народный эпос олонхо, в котором мир представлен как восьмибодочный, дорога имеет девять изгибов, а небо характеризуется как «трехъярусное» или «девятиярусное». Данное явление присутствует и в романе-олонхо А. В. Борисовой: «*Девять ярусов в раз прорыли до небес, называемых пешими*» [5, с. 99], «*Девять раз луна всходила, и за это время стало девятибодным небо, а земля – восьмикрайней*» [7, с. 174]. В данном отрывке наблюдается связь цифры девять с божеством и мироведением. Числительное, включаясь в состав формул, выполняет гиперболизирующую функцию. Количество действий указывает на сверхчеловеческие качества эпического героя. Якуты считали, что небо состоит из девяти уровней, на каждом из которых обитают светлые божества, управляющие их жизнью [10]. В нашем мире озера, реки, леса и горы также имели своих духов, которым нужно было поклоняться, чтобы они проявляли благосклонность к людям. При помощи такого приема происходят сакрализация и эпическая гиперболизация образа, что доказывает следующая строка из произведения: «*Девять – священное число. Девять месяцев носит женщина дитя в себе. Девять ярусов небес возвышается над Орто. На девятом живет Белый Творец...*» [5, с. 36].

Также в цикле А. В. Борисовой неоднократно упоминается цифра семь, имеющая несколько значений и символов в якутской культуре, например, «... Мужчины выходили бороться аймак на аймак, ... Нынче же только мальчишки ходят семь на семь». Семерка ассоциируется с духовной и мистической стороной жизни, а также с гармонией и завершенностью. В традиционной культуре якутов число семь может быть связано с

духовностью: семь считается числом, которое соединяет миры – мир живых и мир духов. В неделе семь дней: семь здесь может также символизировать цикличность времени и природные ритмы. Семья и род: важность семьи и рода в якутской культуре также может отражаться в этом числе. Каждый саха должен знать семь поколений в своем роду. Таким образом, цифра семь в якутской культуре несет в себе глубокие символические значения, связанные с духовностью, традициями и природой, что следует отдельно отметить в виде социокультурного комментария.

Интерпретация концепта «душа» в якутской культуре и романе

В романе Борисовой упоминаются три души человека. У читателя, незнакомого с традиционными верованиями якутов, данное утверждение вызывает затруднение, которое может разрешить отдельный комментарий. Согласно верованиям якутов, душой (кут) обладали не только люди, но и растения, деревья и птицы. У человека существовало три души (кут): буор кут – «земная душа», салгын кут – «воздушная душа» и ийэ кут – «материнская душа». Основными душами считались материнская и земная души; если злые духи похищали одну из них, человек мог заболеть и даже умереть. «Воздушная душа» (салгын кут) могла странствовать во время сна. В отрывке данный процесс описывается следующим образом: *«Материнская душа присоединится к предкам. Возродится в дочери багалька или не в этом ребенке, а то даже не в этом времени и мире. Воздушная улетит к небесам обратно, если женщина при жизни мало грешила. Земная уйдет в расщелину, смешается с камнем и почвенными соками горы. Может, поднимется березкой где-нибудь рядом...»* [5, с. 122]. Отрывок отражает представления о душе у народа саха. Материнская душа символизирует связь с предками и продолжение рода. Она может возродиться в дочери или в будущем поколении, что подчеркивает важность материнства и передачи наследия. Воздушная душа связывается с моралью и жизненным путем. Если человек жил праведно, его душа может возвратиться к небесам, что говорит о награде за добродетельную жизнь. Земная душа уходит в природу, смешиваясь с землей и камнями. Это подчеркивает цикличность жизни и единство человека с природой, а также возможность пересоздания жизни в другом виде.

Взаимодействие духовного мира и мироздания

Через все произведение проходит образ огромной лиственницы, к которой народ испытывает благоговение. Здесь мы видим явную отсылку к священному древу мироздания. В якутской культуре Аал Лук Мас или Ал-Кудук Мас отражает символическую значимость и глубокие культурные корни народа саха. Он служит символом связи с предками, природой и духовным миром. В романе «Ал-Кудук–Мать Листвень» – это священное дерево изобилия. В фольклоре якутского народа *Ал-Кудук Мас* растет в центре Вселенной и связывает три мира: верхний, средний и нижний. Корни спускаются вниз, до преисподней, оттуда выходят обратно. Вершина достигает небес и является священной коновязью главы верховного мира, божества, Юрюн Айыы тойона. В якутском эпосе олонхо около нее пируют Айыы Тойоны (божества). Так, Листвень в романе Борисовой также символизирует жизнь и выступает центром мира людей с солнечными поводами.

Народ саха – язычники, соответственно, в романе-олонхо А. В. Борисовой встречается немало духов. Например, Алахчин в словаре Э. К. Пекарского – дух земли, образ родной земли и покровительница всего окружающего на ней. В культуре якутского народа дух Земли «Алахчин» символизирует вечность, изобилие и плодородие. Согласно якутскому преданию, священное дерево «Аал Лук Мас», расположенное в центре Земли или мироздания, также символизирует долголетие. С помощью «Аал Лук Мас» якутский народ сохраняет связь с растительным миром и местом обитания духа-хозяйки Земли Аан Алахчин Хотун, управляющей природными стихиями.

Символика и значение месяцев в романе

Каждый месяц в якутской культуре имеет свое значение, символику, являясь не просто мерой исчисления времени, а обладая своим особенным смыслом. Так, например, май является месяцем, посвященным Ийэксит Хотун, Богине-покровительнице людей, а также конного и рогатого скота. В этот период начинается летний сезон. Май в произведении характеризуется как *Молочный месяц*: «Плохую примету ворожит Молочный месяц. Видать, засушливым годом решил отомстить Бык Мороза торопкой весне» [7, с. 5]. После переезда на летние пастбища осуществляется специальный обряд, который называется «Дьесегей тардыта». В мае также проводится ритуал «Салама ыйаасына», связанный с развешиванием пестрой веревки. Июнь характеризуется летним солнцестоянием «*месяцем белых ночей*» – время главного праздника народа саха, известного как «Ысыах». Летом в период летнего солнцестояния в Якутии наблюдаются белые ночи, о чем свидетельствуют следующие строки из романа-олонхо: «*Вершина Нового года – Новой весны – празднуется в день самого долгого солнца, что в середине Месяца белых ночей*» [7, с. 62]. В этот день божества особо близки к среднему миру и внимательны к мольбам смертных, поэтому в период «белых ночей» люди саха восхваляют Белого Творца. Считается, что в этот месяц «алгыс» – слова благословения – обладают особой силой и обязательно сбываются. *Юрюнг Айыы Тойон* наделяет человека жизненной энергией, известной как «тыын» или «ийэ кут», что символизирует силу и дарования. Июль в свою очередь посвящен Аан Алахчын Хотун – духу-хозяйке Земли. Июль в произведении характеризуется как месяц земной силы: «*Едва Эрги-Эн опустеет, успевай наверстывать упущенное по хозяйству, не то увянут травы Месяца земной силы*» [7, с. 122]. Аан Алахчын Хотун является покровительницей всех живых существ: и животных, и людей, и растений, населяющих Средний мир. От ее благосклонности зависят урожайность и размножение скота. Октябрь ассоциируется с началом зимнего сезона, в отличие от европейских стран, где первый зимний месяц – декабрь. «*Нынче же снег задержался. Коровий месяц подошел к концу, а небо не торопилось набросить на землю пушистую доху*». В рамках традиционных обрядов проводится убой скота. Ноябрь посвящен Байанаю, духу-хозяину леса и охоты, и является временем активной охоты и подледной рыбалки. В якутской культуре ноябрь – *месяц мунгхи*. В романе об этой традиции упоминается в следующем отрывке: «*Сотворили бы благодарственный обряд мунгхи, да и ушли спокойно*», «*Все это будет после, когда наступит Месяц мунгхи*. Придет время зимней рыбалки и охоты на пушного зверя». «Мунха» – это традиционная зимняя рыбалка на карася с использованием невода [11, с. 354]. На рыбалку собираются всем селом, а в самой рыбалке участвует все мужское население. Мунха проводится в ноябре, пока лед относительно тонкий. Если рыбалка не удалась, рыбаки проводят обряды очищения огнем над неводом, используют деревянные ложки для гадания и окропляют невод молочными продуктами. Январь считается месяцем, посвященным божеству Танха Хаан, которое ассоциируется с судьбой и предсказаниями, его также называют месяцем водяных духов, «*Прошли две весны, а на третий год в Месяц водяных духов, в красное полнолуние, поднялся во дворе дикий вой и визг*» [7, с. 9]. Иными словами, водяные духи в якутской мифологии – это духи, обитающие в глубине вод, которые могут предсказывать будущее. В этот период традиционно проводятся гадания, известные как «Танха иһиллиир киэһэлэрэ», которые направлены на получение интуитивной информации о будущем. Божество Танха Хаан наделяет людей способностью предугадывать судьбы и события. В то время как март представляет божество Дьесегей Айыы Тойон, связанное с конным скотом, март трактуется как *месяц рождения*, месяц приема жеребят. Апрель в якутской культуре – это время пробуждения природы после долгой зимы, его также называют «*месяц, ломающий льды*»: «*А две весны назад, в девятый день Месяца, ломающего льды, Модун срубила на одном из кедров-братьев изогнутый сук в полторы руки для нового оружия*». Этот месяц трактуется как переход от холодных зимних дней к теплу и свету. Прежде всего, каждый

месяц тесно связан с предыдущим и последующим, образуя единый цикл жизни и природы, отражающий глубокую связь народа саха с окружающей средой. Так, через изучение информации о летоисчислении народа саха, начиная год с весны, а не с января, читатель становится ближе к “людям с солнечными поводами” из романа Борисовой.

Заключение

Таким образом, мы видим, что роман-олонхо А. В. Борисовой содержит огромный культурный, исторический и мифологический материал, требующий глубокого осмысления. Структурное построение книги, включая использование метафор и символов, способствует созданию многослойности, которая открывает новые горизонты для анализа. Тематика и символизм также играют важную роль в структуре произведения. Множество символов пронизывает текст, создавая единое целое и углубляя смысловые слои. Социокультурный комментарий к этому произведению раскрывает его глубинные смыслы и позволяет погрузиться в прошлое.

«Земля удаганок» является также значимым произведением в контексте современной якутской литературы, обогащая ее свежим взглядом на жанр этнического фэнтези. Автор, используя яркие образы из мира олонхо, создает многослойный мир, привлекательный и для современного читателя. Роман представляет собой глубокое погружение в культурные и духовные традиции народов Севера, соединяя художественный вымысел с этнографической точностью. Автор в увлекательной форме знакомит современников с бытом народа саха, с такими деталями, как меры времени и веса, летоисчисление, календарь, а также с культурой питания, традициями и верованиями, однако роман написан не настолько легко, чтобы читатель мог интуитивно понимать все детали, скрытые в произведении.

«Земля удаганок» это не только литературное произведение, но и социокультурный феномен, который помогает сохранить и переосмыслить богатое наследие коренных народов, вызывая желание узнать больше о культуре северных народов. И именно социокультурный комментарий становится тем мостиком, который помогает дотянуться до истинных смыслов, заложенных автором.

Л и т е р а т у р а

1. Лисина, Л. А. Художественный текст как объект лингвоисторического комментирования: на материале произведений И. С. Тургенева: дисс.... к. филол. наук / Лисина Лина Александровна. – Хабаровск, 2006. – 338 с.
2. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.
3. Самсонов, Н. Г. Наши имена / Н. Г. Самсонов. – Якутск : Якутское книжное изд-во, 1989. – 141с.
4. Пекарский, Э. Д. Словарь якутского языка: [в 3-х томах] / Э. К. Пекарский ; Акад. наук СССР. – [2-е изд.]. – Москва : АН СССР, 1958–1959. – Т. 3, вып. 10–13. – 1959. – 2509-3858 с.
5. Борисова, А. В. Люди с солнечными поводами / А. В. Борисова // Земля удаганок : роман-олонхо. – Якутск : Бичик, 2010. – 322 с. – (Олонхо 1).
6. Гоголев, А. И. Традиционный календарь якутов / А. И. Гоголев. – Якутск : Издательство ЯГУ, 1999. – 71 с.
7. Борисова, А. В. У звезд холодные пальцы / А. В. Борисова // Земля удаганок : роман-олонхо. – Якутск : Бичик, 2010. – 322 с. – (Олонхо 1).
8. Топоров, В.Н. О «поэтическом» комплексе моря и негнопсихофизиологических основах [Текст] / В. Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. – Москва : Прогресс-Культура, 1995. – С. 575–622.
9. Кулаковский, А. Е. Научные труды / А. Е. Кулаковский. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1979. – 494 с.

10. Избекова, Е. И. Числительные в олонхо: структура и семантика : [монография] / Е. И. Избекова; Министерство образования и науки Российской Федерации, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Научно-исследовательский институт олонхо. – Якутск : ИД СВФУ, 2014. – 151 с.

11. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта / Академия наук Республики Саха (Якутия), Институт гуманитарных исследований; под общей редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004.

References

1. Lisina, L.A. (2006) *The artistic text as an object of linguo-historical commentary: based on the works by Ivan Turgenev*. Cand. Sci. (Philology) dissertation. Far-Eastern State Humanities University. (In Russian)
2. Ter-Minasova, S.G. (2004) *Language and Intercultural Communication*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. (In Russian)
3. Samsonov, N.G. (1989) *Our Names*. Yakutsk: Yakutsk Publishing House. (In Russian)
4. Pekarsky, E.D. (1959) *Dictionary of the Yakut Language*: in 3 volumes. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Vol. 3, Issues 10–13, pp. 2509–3858. (In Russian)
5. Borisova, A.V. (2010) People with Sunny Reins. In: Borisova, A.V. *The Land of Udagans: a Novel-Olonkho*. Yakutsk: Bichik. (In Russian)
6. Gogolev, A.I. (1999) *The Traditional Calendar of the Yakuts*. Yakutsk: Publishing House of Yakutsk State University. (In Russian)
7. Borisova, A.V. (2010) The Stars Have Cold Fingers. In: Borisova, A.V. *The Land of Udagans: a Novel-Olonkho*. Yakutsk: Bichik. (In Russian)
8. Toporov, V.N. (1995) On the "Poetic" Complex of the Sea and Its Psychophysiological Foundations. In: *Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in the Field of Mythopoetics*. Moscow: Progress-Culture, pp. 575–622. (In Russian)
9. Kulakovskiy, A.E. (1979) *Scientific Works*. Yakutsk: Yakutsk Book Publishing House. (In Russian)
10. Izbeikova, E.I. (2014) *Numerals in Olonkho: Structure and Semantics*. Yakutsk: NEFU Publishing House. (In Russian)
11. Sleptsov, P.A. (ed.) (2004) *Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language*. Academy of Sciences of the Sakha Republic (Yakutia), Institute of Humanitarian Research. Novosibirsk: Nauka. (In Yakut)

ДАНИЛОВА Саргылаана Никитична – студент ИЯКН СВ РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова».

E-mail: dasani230802@gmail.com

Sargylaana N. DANILOVA – student of the Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

МАКСИМОВА Вера Вячеславовна – студент ИЯКН СВ РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова».

E-mail: mvera02@icloud.com

Vera V. MAKSIMOVA – student of the Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

АРЧАХОВА Наталия Викторовна – ст. преп. кафедры иностранных языков по гуманитарным специальностям ИЗФиР, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова».

E-mail: archakhova@mail.ru

Natalia V. ARCHAKHOVA – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages for Humanities, Institute of Modern Languages and Regional Studies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 821.512.157-31 Кулаковский.09: 811.161.1'373.45
DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-108-118

Займствования из русского языка в произведениях А. Е. Кулаковского «Городская девушка» и «Городские девушки»

Е. Д. Сивцева, В. Е. Степанова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ varvarast77@mail.ru

Аннотация. А. Е. Кулаковский всю свою жизнь посвятил родному народу. Его художественные произведения, научные работы по проблемам якутского языкознания, фольклора, этнографии не изучены в полной мере и вызывают интерес специалистов. В статье проводится изучение использования заимствованных слов из русского языка в произведениях А. Е. Кулаковского. В его поэзии особое место занимают произведения о якутских женщинах, которые раскрывают проблему быта, судьбы и тяжелой жизни якутской женщины начала XX века. В то же время среди сочинений поэта можно найти произведения, раскрывающие красоту, изящество, нрав якутской девушки. В этом плане, по нашим наблюдениям, в дилогии «Куорат кыыһа» («Городская девушка») и «Куорат кыргыттара» («Городские девушки») [1] А. Е. Кулаковского представлен образ якутских девушек, их условия жизни, а также вполне зажиточный быт местной молодежи того времени. Более того, эта дилогия является художественным источником, свидетельствующим о начале периода общественного развития Якутии в 1920-х гг., особый дух и устройство того времени. Изменения, происходящие в жизни якутского общества, отражаются и в языке в целом. Это подтверждается обилием заимствованных слов из русского языка, подтверждающим обновление общества в целом.

Ключевые слова: А. Е. Кулаковский, займствования из русского языка, поэтический язык, художественный прием, примечание автора, «Городская девушка», «Городские девушки», произведения о якутских девушках, культура одежды.

Для цитирования: Сивцева Е. Д., Степанова В. Е. Займствования из русского языка в произведениях А. Е. Кулаковского «Городская девушка» и «Городские девушки». *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2024, № 4 (16). С. 108–118. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-108-118

Russian borrowings in the Kulakovsky's works 'A town girl' and 'Town girls'

E. D. Sivtseva, V. E. Stepanova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ varvarast77@mail.ru

Abstract. Alexei Kulakovsky devoted his whole life to his people. His artistic works, scholarly works on Yakut linguistics, folklore, ethnography are not studied in full and arouse the interest of specialists. The article studies the use of Russian borrowings in Kulakovsky's works. In his poetry, a special place is occupied by works about Yakut women, which reveal the problem of everyday life, fate and hard life of a Yakut woman of the early twentieth century. At the same time, among the poet's works one can find pieces that reveal the beauty, elegance and morality of a Yakut girl. In this regard, according to our observations, in the dilogy 'Kuorat kyyha' ('A town girl') and 'Kuorat kyrgyttara' ('Town girls') [1], Kulakovsky presents the image of Yakut girls, their living conditions, as well as quite prosperous life of local youth of that time. Moreover, this dilogy is an artistic source testifying to the beginning of the period of social development of Yakutia in the 1920s, the special spirit and structure of that time. The changes

taking place in the life of Yakut society are also reflected in the language in general. This is confirmed by the abundance of borrowed words from the Russian language, confirming the renewal of society as a whole.

Keywords: A. E. Kulakovsky, Russian borrowings, poetic language, artistic technique, author's note, 'A town girl', 'Town girls', 'Russian words adopted and assimilated by Yakuts...', works about Yakut girls, culture of dress.

For citation: E. D. Sivtseva, V. E. Stepanova. Russian Borrowings in the Kulakovsky's works 'A town girl' and 'Town girls.' *Issues of national literature*. 2024, No 4 (16). Pp. 108–118. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-108-118

Введение

Обе части дилогии «Куорат кыһа» («Городская девушка») и «Куорат кыргытара» («Городские девушки») А.Е. Кулаковского были опубликованы в сборнике «Песни-стихи» в 1925 г., а в 1946 г. были опубликованы отдельно, согласно датировке сборника «Песни-стихи». В издании сборника «Песни-стихи» 1957 г. редколлегия включила произведение под единым названием «Городские девушки». В сборник «Песни-стихи» (2012) части дилогии включены по отдельности под названиями «Городская девушка» (1часть) и «Городские девушки» (2 часть). В дилогии «Городская девушка» и «Городские девушки» А. Е. Кулаковский посредством художественного слова описывает окружение, быт зажиточных жителей города Якутска начала XX в. Время, описываемое в произведении, краткое, занимает всего один день. Но в нем ярко описан образ удаленного от центра страны провинциального города.

Изучение дилогии в работах литературоведов

Во многих работах, изучающих творчество А. Е. Кулаковского, кратко упоминаются лишь названия этих произведений, и они рассматриваются как изобличающие аморальную жизнь городских богачей. Именно поэтому, возможно, произведение долгое время не вызывало особого интереса исследователей. Как отмечает сам автор, в произведении описывается дочь богатых горожан конца XIX в. [1]. Вполне возможно, жизнь поколения этих людей также попала под жернова становления советской власти в Якутии в 1920–1921 гг. Именно потому произведение может оцениваться как описание исчезающей благополучной жизни.

В ранних работах, посвященных изучению творчества А. Е. Кулаковского глубокому анализу подвергаются его программные произведения «Скупой богач», «Сон Шамана»; стихотворениям «Городская девушка» (ч. 1) и «Городская девушка» (ч. 2) не уделяется должного внимания, изредка упоминаются лишь их названия. Во многих исследованиях эти произведения оценивались как изобличающие падение нравов детей богачей, несмотря на внешний лоск и ухоженность в целом этих детей [2, 3].

Изучение научной биографии и творческого наследия А. Е. Кулаковского проводится в трудах Г. П. Башарина, Н. Н. Тобурокова, Н. В. Покатиловой, Л. Р. Кулаковской, П. В. Сивцевой-Максимовой, Л. Н. Романовой, П. А. Слепцова и др. Известный литературовед Н. Н. Тобуроков, отмечая высокохудожественность произведений А. Е. Кулаковского, разделяет их на определенные группы по содержанию и тематике; при этом исследователь подчеркивает, что между данными группами нет четких границ [4]. По его мнению, дилогия относится к группе произведений, описывающих жизнь и судьбу якутской женщины и подчеркивает, что произведение А. Е. Кулаковского не показывает жизнь и быт городских девушек с отрицательной стороны: «Алексей Ексеюлях заметил характерные изменения нового поколения городских девушек. Описанные им городские девушки, хоть и не знали еще жизни, не обращали внимания на домашние хлопоты, однако имеют абсолютно другую культуру, внешний вид. Развитие общественной жизни не проходит мимо них» [4, с. 66] (*перевод наш – Е.С., В.С.*).

В работах Д. Е. Васильевой обе части произведения А. Е. Кулаковского сопоставляются с произведением «Песня пьяного буржуя», где отмечается: «Сколь бы не было внешнего лоска у детей богачей, они деградировали духовно, проводят свои дни празднично и безо всякой пользы, привыкли ко всему готовому, имеют лживые, бесчестные поступки, это и разоблачается в поэмах» [5, с. 8]. Кроме того, эти произведения были отнесены к произведениям, по существу обличающим патриархально-феодальный строй, свидетельством времени зарождения буржуазных торговых отношений.

Литературоведом Л. Н. Романовой подчеркивается особая яркость запоминающихся образов женщин, своенравность их характера и поведения, изображенных А. Е. Кулаковским. По мнению исследователя, характеристика внешнего вида персонажей диалогии, описание каких-то недостатков или особой манеры поведения героев в «Городских девушках» близки по форме воспеванию, присущему фольклору [6, с. 8].

П. В. Сивцева-Максимова разъясняет, что стилистические особенности автора ярко выражены в их композиционном строе, главным проявлением композиционного строя произведений выступает принцип диалогичности. Исследователь приводит диалогическую связь как пример в выборе темы, образа в произведениях автора [7].

Однако, сам А. Е. Кулаковский считает, что «не следует видеть здесь картину развращенности. Наоборот, дочери богатых родителей конца девятнадцатого века, хотя и флиртовали, но были высоконравственными, что поддерживалось традицией...» [1, с. 284]. Это примечание идет в разрез с мнением о падении нравов городских девушек из обеспеченных семей. Само время создания произведений подтверждает авторское примечание. Диалогия написана в 1921 г., во время разгара гражданской войны в Якутии. «Чем тяжелее становилась жизнь, тем больше поэта тянуло к прекрасному, к воспеванию тяги к жизни каждого существа», – отметила Л. Р. Кулаковская [8, с. 344]. И эти моменты – примечания автора и современные исследовательские работы – говорят о том, что в первую очередь в произведениях воспеваются девичья красота, особенности быта этих красавиц, размеренная жизнь города начала XX в.

В 1920-х гг., когда в Якутии бурно развивается культурная революция, народ активно получал образование, остро встал вопрос «объякучивания» заимствованных слов, а также организации серьезной переводческой работы. А. Е. Кулаковский не остался в стороне от поиска путей решения этих вопросов. Итогом проведенной работы является книга «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами (кроме собственных имен и названий)», завершенная в 1924 г. в местности Сеймчан [9]. Как утверждает автор, заимствования из русского языка свидетельствуют о степени восприимчивости якутского языка к нововведениям. Он считает правильным изменение заимствований согласно законам языка народа саха, отмечая при этом, что данная работа может быть полезна и для лингвистов [9]. Обогащение якутского языка заимствованиями напрямую связано с социальным развитием, в якутский язык вливаются новые слова и понятия. Свои научные взгляды поэт применяет и в произведениях, что особо четко прослеживается в диалогии «Городская девушка» и «Городские девушки».

Заимствования из русского языка в диалогии «Городская девушка» и «Городские девушки»

Среди поэтических произведений А. Е. Кулаковского наибольшее количество заимствований включено именно в эти произведения. Возможно, причиной этому становится тот факт, что развитие приходит в первую очередь в городскую среду. Поэтому в словаре, составленном к произведению автор отмечает: «Против слов, употребляемых только горожанами, делал пометки (“г”), означающее, что данное слово – достояние лишь горожанина» [9, с. 82].

В произведении «Городская девушка» обнаружено 78, а в произведении «Городские девушки» 113 заимствованных слов. В части «Городские девушки» довольно много

глаголов, произведенных от имени существительного. Наряду с этим наблюдается обильное использование личных имен иноязычного происхождения: Маши, Даши, Саши, Оли, Поли, Толи, Ули, Дуни, Муни, Паши и др. Это можно наблюдать в приведенных таблицах.

Таблица 1

Займствования из русского языка в части «Городская девушка»

№	Вступление	Разъяснение в произведении займствований «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами»	Дополнительные авторские примечания в произведении
1	<i>Сыаналаах</i>	Сыана – цена	
2	<i>Солко</i>	Шелк, шелковый	
3	<i>(Куба) бууга</i>	Пух	
4	<i>Бэриинэ</i>	Перина	
5	<i>Куоруһунай</i>	Горничная (г)	
6	<i>Чаһыы</i>	Часы	
7	<i>Сизкилэ (таас)</i>	Зеркало	
8	<i>Бэскиэ</i>	«биски»: длинные волосы на висках и надо лбом	От слова виски, т. е. прическа
9	<i>Сараасабай (ытарба)</i>	Стразовый (г)	Зразовые серьги
10	<i>Кырыбыайка</i>	Гребенка	
11	<i>Чуһунчуобай (солко)</i>	Чуһунча, чучунча – чесунча, че-су-чу	
12	<i>Чулку</i>	Чул/к/ку – чулки	
13	<i>Киэтрэ (этэрбэс)</i>		Гетры
14	<i>Дьоппуонускай (солко)</i>	Дьоппуон - Япония	
15	<i>Дьууппа</i>	Юбка	
16	<i>Байбарылаах</i>	Байбары – фальбора	
17	<i>Ырбаахы</i>	Рубаха	
18	<i>Истиэкилээристээх</i>	Стеклярус (г)	
19	<i>Харсыат</i>	Кэрсизт, кэсиэччик – от «корсет: женская безрукав- ница, узкая в талии»	
20	<i>Куруһуоба</i>	Кружева	
21	<i>Урукумуойка</i>	Рукомойка	
22	<i>Мыыла</i>	Мыло	
23	<i>Боронсуускай</i>	Боронтуус – француз	
24	<i>Боросуок</i>	Порошок	
25	<i>Субачыыска</i>	Зубочистка (г)	
26	<i>Оһуордаах</i>	Оһуор – узор	
27	<i>Памаада</i>	Помада	
28	<i>Пуудара</i>	-	
29	<i>Эрэмээнэ</i>	-	
30	<i>Кырааска</i>	Краска	
31	<i>Убуорунай (хос)</i>	-	
32	<i>Будуар (хос)</i>	-	
33	<i>Буобура</i>	Бобер	
34	<i>Бачыынка</i>	Ботинка	
35	<i>Чаайдыыр (дьиэ)</i>	Чаай – см. «чэй»	
36	<i>Остолобуой (хос)</i>	-	
37	<i>Чэй</i>	Чай	
38	<i>Бэмиилнэй (чэй)</i>	Бэмиилнэй – фамильный чай	
39	<i>Саакыр</i>	Сахар	

40	<i>Барыаньыйа</i>	Варенье (г)	
41	<i>Кэмпиэт</i>	Конфета	
42	<i>(дьиэ) чааһа</i>	От «часть»: доля, пай, надел, часть наследства	
43	<i>Наадыбата</i>	Наада – надо	
44	<i>Арамаан (кэпсээн)</i>	-	
45	<i>Куучар (уол)</i>	Кучер	
46	<i>Подурууга</i>	Подруга – дьүөгэ – подруга (г)	
47	<i>Сыбаайба</i>	Свадьба	
48	<i>Бизчэр</i>	Вечеринка	
49	<i>Бэбиэскэ</i>	Повестка	
50	<i>Саптыска</i>	Записка	
51	<i>Кирибинньиктэннэ</i>	Кирибинный – гривенник	
52	<i>Манньыттанна</i>		
53	<i>Сундуук</i>	Сундук	
54	<i>Дьааһык</i>	Ящик	
55	<i>Хардарыан</i>	-	Гардероб
56	<i>Бараалаата</i>	-	
57	<i>Кытаайыскай</i>	Кытаайскай – китайский	
58	<i>Матыарыйа</i>	Материя (г)	
59	<i>Оруосабай (солко)</i>	-	
60	<i>Былааччийа</i>	Платье	
61	<i>Быыбардаан (ылла)</i>	Быыбар – выбор	
62	<i>Биричиэскэ</i>	Прическа (г)	
63	<i>Сунуоба</i>	-	
64	<i>Куустаах</i>	Куус – куш	
65	<i>Кулуон (тимэх)</i>	-	Кулон – по-якутски уолук тимэбэ
66	<i>Хаасабай</i>	-	Газовый
67	<i>Хаалтыс</i>	Галстук	
68	<i>Малиинабай</i>	-	
69	<i>Баархат</i>	Бархат	
70	<i>Бизэлэй (солко)</i>	Белый	
71	<i>Бэрчээкки</i>	Бэрчээки – перчатки	
72	<i>Дыраапабай</i>	Дыраап – драп	
73	<i>Холуоһа</i>	Галоши	
74	<i>Саптыска (бэргэһэ)</i>	Записка	
75	<i>Саал</i>	Шаль	
76	<i>Иридикиил (симэх)</i>	-	
77	<i>Чаас</i>	Час	
78	<i>Куорат</i>	Город	

Таблица 2

Займствования в произведении «Городские девушки»

№	Вступление	Разъяснение в произведении заимствований «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами»	Дополнительные авторские разъяснения в произведении
1	<i>Бизчэр</i>	Вечеринка	
2	<i>Бэсизэлэйдэннэ (кэлэн)</i>	Бэһиэлэй – веселый, редкостный	
3	<i>Дьаарыстаатылар</i>	Дьаарыс – от “ярус”; что-нибудь складывать слоями, поярусно	

4	<i>Холуоһа</i>	Галоши	
5	<i>Бирикисэй</i>	-	Прихожая
6	<i>Бэскиэ</i>	«биски»: длинные волосы на висках и надо лбом	
7	<i>Кырыбыйака</i>	Гребенка	
8	<i>Кырасыабайдык</i>	Кырасыабай – красивый	
9	<i>Сиэкилэ</i>	Зеркало	
10	<i>Көстүүнэй</i>	Гостиный двор	
11	<i>Дорооболостулар</i>	Дорооболос – здоровайся	
12	<i>Подурууга</i>	Подруга (дьүөгэ) (г) – подруга	
13	<i>Бочолоһон (бочурбастылар)</i>	Бочо, бочолуй (г) – поцелуй	Поцелуи
14	<i>Хабалыар/ кабалыар</i>	Хабалыар – кавалер (г)	Кавалер
15	<i>Чэй</i>	Чай	
16	<i>Сокуускалаах</i>	Сокууска – закуска	
17	<i>Остоол</i>	Стол	
18	<i>Хаартылаах</i>	Хаарты – карты игральные	
19	<i>Куулэйдии (сылдьан)</i>	Гуляй	
20	<i>Хаарты</i>	Карты игральные	
21	<i>Сокуон</i>	Закон	
22	<i>Урукобиитийэ</i>	-	
23	<i>Сомотурууна</i>	-	Смотрины
24	<i>Сыбаайба</i>	Свадьба	
25	<i>Ухаасыбайдаспыт</i>	-	
26	<i>Саппыыскаласпыт</i>	Саппыыска – записка	
27	<i>Сэмизинэй (киһи)</i>	Семейный	
28	<i>Улуус</i>	Улус, волость	
29	<i>Тонсуор</i>		Танцор
30	<i>Сэниик</i>	Жених (г)	Жених
31	<i>Силээхтэ</i>	От «шляхта»: щеголь, -иха	
31	<i>Ачыкыламмыт</i>	Ачыкы – очки	
33	<i>Часыыламмыт</i>	Чаһыы - часы	
34	<i>Саппыкыламмыт</i>	Сапоги	
35	<i>Саапынгаламмыт</i>	-	Запонки
36	<i>Хаалтыстаммыт</i>	Галстук	
37	<i>Сэбилиэттэммит</i>	Сэбилиэт – штиблет (г)	
38	<i>Сэлээпэлэммит</i>	Сэлээпэ – шляпа	
39	<i>Бүрүүкэлэммит</i>	Брюки	
40	<i>Нособуойдаммыт</i>	Носу(о)буой былаат – от «носовой»: платок (большой, не носовой)	
41	<i>Дукууламмыт</i>	Дукуу – духи (г)	
42	<i>Парааламмыт</i>	-	
43	<i>Памаадаламмыт</i>	Памаада – помада	
44	<i>Торууйкаламмыт</i>	Торууйка – пиджачная тройка	
45	<i>Торуоскаламмыт</i>	-	
46	<i>Манньыскаламмыт</i>	-	Манишки
47	<i>Маладьыас</i>	Молодец	
48	<i>Кырасыабай</i>	Красивый	
49	<i>Баай</i>	Пай	
50	<i>Хаартыһыт</i>	Хаарты – карты игральные	
51	<i>Сулуусба</i>	Сулуусуба – служба	
52	<i>Супиэрик</i>	-	
53	<i>Ысынакуомайдаспыттар</i>	-	

54	Альбуом	-	
55	Истиик	-	
56	Куплиэт	-	
57	Хаартыска	Снимок /портрет/	
58	Мэтризэт	Мэтриэт – портрет	
59	Саапар	Шафер (г)	Шафер
60	Борободьуу (гын)	Борободьууна – проводины (г)	
61	Маарс	-	Марш
62	Баарысына	Баарысна – барышня (г)	
63	Муусука	Музыка (г)	
64	Кырымпа	Скрипка	
65	Саала	Зал, зала, зало	
66	Бааралар	Паара – пара	
67	Уочах	Уочарат – очередь	Очередь
68	Хадырыыл (үнкүү)/ кэдриил (үнкүү)	-	Кадриль
69	Эппизтэ (суох)	Эппизт - ответ	
70	Сагылааснай (буоллулар)	Сагалааснай – согласный	
71	Кыларнизт	-	
72	Болончуол	-	Виолончель
73	Кэмпиэт/хампыт	Конфета	
74	Харамыал (хампыт)	-	
75	Мармалаат	-	
76	Бастылаа	-	Пастила
77	Сакалаат (кэмпиэт)	Шоколад (г)	Шоколад
78	Нъачаас-нъачаас	От «на час»: сейчас, скоро	
79	Пуолька(лаан)	-	
80	Чардаас(таан)	-	Чердаш
81	Паадыспан(наан)	-	Па-д испань
82	Масуурка(лаан)	-	
83	Уруускай(даан)	Русский	
84	Муорс (утах)	-	
85	Кыбаас (утах)	Квас	
86	Убуорунай (хос)	-	
87	Биричизкэ	Прическа (г)	
88	Пингкэ	-	
89	Саапынка	-	
90	Булаапка	Булавка	
91	Пасуон	-	Фасон
92	Муода	Мода	
93	Нуобай	Нуобай, нуомай – новый	
94	Былаачыйа	Былаачыйа – платье	
95	Былаат	Плат, платок, полотенце, шаль, шарф	
96	Быыбар	Выбор	
97	Лизнтэ	Лента	
98	Пуот-ручкуу	-	Под-ручку
99	Нособуой	Носу(о)буой былаат – от «носовой»: платок (большой, не носовой)	
100	Быысыпкалаах	Быысыпка (г) – вышивка	
101	Бизйэр	-	
102	Уусун	Ужин	

103	<i>Хоробуот</i>	Хоровод (г)	
104	<i>Паанта (оойнуу)</i>	Фанты	
105	<i>Ускутуу (оойнуу)</i>	-	Жгуты
106	<i>Муора (долгунугар)</i>	Море	«Море волнуется»
107	<i>Буоста (оойнуу)</i>	Почта	Почта
108	<i>Насыы (оойнуу)</i>	-	Носы
109	<i>Сасыат (оойнуу)</i>	-	Соседи
110	<i>Бачыынка</i>	Ботинка	
111	<i>Курусуоба</i>	Куруһуоба – кружева	
112	<i>Дукуулар</i>	Духи (г)	
113	<i>Памаада</i>	Помада	

Сфера использования заимствований

Заимствования, использованные А. Е. Кулаковским в поэтических произведениях, отражают картину определенного развития в той или иной сфере, например, в обозначении изменений в одежде, появления понятий о моде: *муода, пасуон, хардарыап, чулку, киэтрэ, харсыат, бачыынка, былаачыйа, хаалтыс, холуоһа, саапыска, бүрүүкэ, торуойка, былаачыйа* и т. д. А появление новых материалов и тканей поэт обозначил такими словами, как: *солко, куба пууга (пух), сараасабай ытарҕа (стразовые серьги), чуһунчуобай солко (чесунча, че-су-чу), истиэкилээрис, куруһуоба, матыарыйа, хаасабай, баархат*. На появление различных аксессуаров наряду с развитием культуры одевания указывают слова – *чаһыы, кулуон, бэрчээкки* (в словаре: бэрчээки), *иридикиил, ачыкы, часыы, сэбилиэ, сэлээпэ, саапынка, нособуой, торуоска, манньыыска манишки, былаат, лиэнтэ, биэйэр, супиэрик*. Вместе с этим наблюдается появление косметики и средств гигиены, что подтверждают такие заимствованные слова, как: *мыыла, боронсуускай боросуок, памаада арыы, пуудара бурдук, эрэмээнэ кырааска, дукуу*. Поэт использует слова, говорящие об изменениях в оформлении причесок – *бэскиэ (от слова виски, т. е. прическа), биричиэскэ*. Кроме того, включены слова, указывающие на появление новых профессий – *куоруһунай кыыс, куучар уол, сулуусба (сулуусуба – служба)*. В произведении указывается и на то, что в быту того времени появились новые предметы – *сиэкилэ таас, кырыбыайка, уруккумуйка, субачыыска, сундуук, дьааһык, альбуом*. Также можно наблюдать и за изменениями в убранстве дома, о которых свидетельствуют следующие заимствованные слова: *убуорунай хос, будуар хос, биричиэсэй, көстүүнэй, саала* и др. В диалогии найдены слова, относящиеся к межличностным отношениям: *подурууга, хабалыар, саапар, баарысына*; слова, относящиеся к продуктам питания: *бэмиилинэй чэй, саакыр, барыанньыйа, кэмпиэт, сокуускалаах остоол, харамыал хампыт, мармалаат, бастылаа, сакалаат кэмпиэт, муорс утах, кыбаас утах*; слова, относящиеся к новым мероприятиям и занятиям: *хаарты, сокуон, уруккубитийэ, сомоторууна, тонсуор, сыбаайба, биэчэр* и др.; слова, относящиеся к играм и развлечениям – *паанта оойнуу, ускутуу оойнуу, муора долгуна, буоста оойнуу, сасыат оойнуу, уусун, кырыымпа, хоробуот, муусука, хадырыыл үнкүү, кыларныат, болончуол, кэдриил үнкүү, масуурка* и др.

Эти группы слов связаны с появлением в якутском городе новой культуры и устройства быта. Они не относятся к традиционным занятиям народа саха.

Заимствования, относящиеся к одежде и моде

У якутов культура одежды искони стояла на высоком уровне. Кроме привлекательного внешнего вида, якутская одежда имела особенное значение в сохранении тепла. Кроме того, одежда имела религиозное, культурное значение, имела своей целью оградить и защитить. Связь одежды с исконными верованиями народа широко и образно описывается в фольклоре. В устном народном творчестве, кроме наименования, приводится и сакральное значение одежды, украшений, орнаментов и узоров, и даже способы их

изготовления. В художественной литературе описание одежды и аксессуаров традиционной национальной культуры встречается, начиная с произведений А. Е. Кулаковского. В его произведениях описание одежды способствует передаче сведений об уровне жизни и о бытовых условиях, в которых живет герой: «По одеянию и убранству героя можно понять, кто он, в каком положении в обществе находится» [10, с. 16]. В дилогии Кулаковского подробно описана одежда и украшения дочерей городских богачей начала XX в. Это способствует восприятию реалий того времени, а также оценке уровня их жизни.

В произведении Кулаковского перечислены все принадлежности одежды и белья, а именно:

- спальное белье (*шелковые подушки, лебяжьи перины, шелковые одеяла*). Следует отметить, что в то время улучшилось качество тканей для спального белья;
- одежда (тонкая одежда) (*чулки, гетры, юбка, платье, корсет, рубашка, брюки, тройка*);
- верхняя (теплая) одежда (*шаль, сафьяновая шапка*);
- обувь (*ботинки, галоши, сапоги в галошах, сапоги*);
- украшения и аксессуары (*пуговица-кулон, запонки галстук, перчатки, ридикюль, очки, часы, носовой платок, веер, манишка*).

Понятно, что наиболее зажиточные слои горожан стали модно и по-новому одеваться, подобно жителям центральных городов. Вместе с этим отмечается появление специального гардероба. Кроме того, автор сообщает о появлении новых привозных тканей и материалов: *шелк, кружево, бархат, драп, стеклярус, газ, лебяжий пух, куница*. Одежду нового фасона также шьют из новых материалов, детально описанных поэтом: *шелковые чулки, торбаса-гетры, шелковая юбка, корсет со стеклярусом, бархатный корсет, кунья шапка, драповые галоши, газовый галстук, шелковые перчатки, шелковый платок*.

А. Е. Кулаковский мастерски описывает одежду с разных сторон:

- описание ценности и дороговизны материалов: *сыаналаах солко* (ценный шелк), *куустаах сыаналаах кулуон симэх* (украшения-кулоны по оптовой цене), *саарба талыыта* (отборная куница);
- описание цвета тканей: *оруосабай солко* (розовый шелк), *малиинабай баархат* (малиновый бархат), *биэлэй солко* (белый шелк);
- обозначение материала одежды: *чуһунчуобай солко* (чечунчовый шелк), *таас истэкилээрис* (стеклярус);
- обозначение происхождения материалов: *дьоппуонускай солко* (японский шелк), *кытаайыскай матыарыйа* (китайская материя);
- обозначение звука, издаваемого определенными материалами: *суугунаас солко* (шуршащий шелк), *бачыынкалара бачырбаата* (ботинки закрипели), *курусуобалара куугунаата* (кружево зашумело), *дьууппаланан суугунаата* (зашуршать юбкой);
- обозначение особенностей кроя и отделки: *байбарылаах ырбаахы* (платье с воланами), *быысыпкалаах былаат* (вышитый платок), *сайбаҕар танас* (расширяющееся книзу платье), *оноолоох сон* (пальто со складкой).

Кроме того, из текста произведения становится ясно, что появились и разного рода специалисты по кройке и шитью: *быһыыччыт бастыҥа быспыт* (выкроил лучший закройщик). Автором упоминается и то, в каких случаях в какую одежду наряжались: *в чулки обтянулась, в корсет туго затянулась, корсет затянула, в шаль укуталась, в калоши плотно обулась, пуговицей-кулоном шею затянула, платком горло замотала, наручами серебряными рукава обтянула, перчатки до запястий натянула*. Как видно, практически все слова и сочетания слов, относящиеся к одеяниям, включая названия, материал, цвет и глаголы, описывающие процесс одевания, заимствованы из русского языка и приведены в форму согласно нормам якутской разговорной речи.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что на ранние исследования по изучению творчества А. Е. Кулаковского повлияли требования времени, когда ученые были вынуждены следовать ориентирам идеологии, и по этой причине их исследования были узконаправленными.

Поэтические произведения, изученные нами, имеют самое большее количество заимствований по сравнению с другими произведениями автора, и они являются ярким примером работы А. Е. Кулаковского, связанной с воздействием русского языка на якутский; заимствования – показатель развития, изменения общественной, социальной, культурной жизни народа. В произведениях автора высвечивается и то, в какие сферы жизни городских якутян привносились изменения. Некоторые заимствования не сочетаются с правилами словообразования якутского языка. Обоснованием приемлемости этого факта может служить желание автора передать дух времени, живой язык, на котором говорили горожане. Кроме того, возможно, это специальный художественный прием.

Диалогия «Городская девушка» и «Городские девушки» является свидетельством того времени, когда в Якутии происходило культурное развитие. Ярко обрисован хронотоп далеко расположенного от центра страны северного города.

А. Е. Кулаковский впервые в якутской литературе детально описывает одежду и культуру одевания якутов, живших в начале XX века, явственно виден уровень жизни, быта и социального состояния того времени.

Литература

1. Кулаковский, А. Е. Полное собрание сочинений : в 9 т. / А. Е. Кулаковский ; сост. Л. Р. Кулаковская. – Новосибирск : Наука, 2009. – 631 с. – Т. 1. Поэтические произведения.
2. Заболоцкий, Н. М. Уйэ анарыгар / Н. З. Заболоцкай – Дьокуускай, 1984. – С. 22–28.
3. Шестаков, Е. П. Аһаҕас санаалар / Эрчимэн. – Якутскай : Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1968. – 154 с.
4. Тобуроков, Н. Н. Өксөкүлээх Өлөксөй олобун уонна айар үлэтин үрдүк үөрэх кыһатыгар үөрэтти / Н. Н. Тобуруокап. – Дьокуускай : Кудук, 2001. – 112 с.
5. Васильева, Д. Е. Үтүнү-кэрэни түстээччилэр : ыстатыйалар / Д. Е. Васильева. – Дьокуускай : Бичик, 2007. – 160 с.
6. Романова, Л. Н. А. Е. Кулаковский и его современники : Особенности поэтического языка / Л. Н. Романова. – Новосибирск : Наука, 2002. – 120 с.
7. Сивцева-Максимова, П. В. Фольклорные истоки как моделирующие категории в художественных текстах А. Е. Кулаковского / П. В. Сивцева-Максимова, Н. И. Ильина // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Вопросы национальных литератур. – 2021. – № 1. – С. 41–51. – URL: <https://www.litteraefvfu.ru/jour/article/view/16> (дата обращения: 04.11.2024).
8. Кулаковская, Л. Р. Научная библиография А. Е. Кулаковского : личность поэта и его время / Л. Р. Кулаковская. – Новосибирск : Наука, 2008. – 296 с.
9. Кулаковский, А. Е. Труды по якутскому языку / Алексей Кулаковский–Өксөкүлээх Өлөксөй ; [сост., написала предисл. и коммент., подгот. к печати к. филол. н. Л. Р. Кулаковская ; ред. А. А. Кузнецова ; авт. предисл.: И. Ю. Никитин, П. А. Слепцов, Н. С. Григорьев]. – Якутск : Якутия, 2017. – С. 79–136.
10. Окурокова, В. Б. Литература героя / В. Б. Окурокова. – Дьокуускай : СГУ издательствота, 2005. – 91 с.

References

1. Kulakovsky, A.E. (2009) Poetic Works. In: Kulakovsky, A.E. *Complete Works*: in 9 vol. Novosibirsk: Nauka, Vol. 1. (In Russian)
2. Zabolotsky, N.M. (1984) *Uye Anarygar (In the Middle of the Century)*. Yakutsk, pp. 22–28. (In Yakut)
3. Shestakov, E. P. (1968) Ahaghas Sanaalar (Exposed Thoughts). Yakutsk: Publishing House (In Yakut)
4. Toburokov, N. N. (2001) *Eksekyuleekh Eleksei Ologhun Uonna Ayar Yuletin Yurdyuk Yuerekh Kyhatygar Yueretii (Teaching about Kulakovsky's Life and Works at University)*. Yakutsk: Kuduk. (In Yakut)
5. Vasilieva, D.E. (2007) *Yutyuenyu-Kereni Tusteechchiler: Ystatiyalar (Creators of Beauty: Articles)*. Yakutsk: Bichik. (In Yakut)
6. Romanova, L. N. (2002) *Kulakovsky and His Contemporaries: Features of the Poetic Language*. Novosibirsk: Nauka. (In Russian)
7. Sivtseva-Maksimova, P. V., Ilyina N. I. (2021) Folklore Origins as Modelling Categories in the Artistic Texts of A. E. Kulakovsky. *Vestnik of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. Series: Issues of National Literatures*, 1, pp. 41–51. Available from: <https://www.litteraesvf.ru/jour/article/view/16> [Accessed 4 Nov. 2024]. (In Russian)
8. Kulakovskaya, L. R. (2008) *Scientific Bibliography of A. E. Kulakovsky: the Poet's Personality and His Time*. Novosibirsk: Nauka. (In Russian)
9. Kulakovsky, A. E. (2017) *Works on the Yakut Language*. Yakutsk: Yakutia, pp. 79–136. (In Russian)
10. Okorokova, V. B. (2005) *The Hero's Literature*. Yakutsk: Yakutsk State University Publishing House. (In Russian)

СИВЦЕВА Екатерина Дмитриевна – магистрант ИЯКН СВ РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: civcatia@yandex.ru

Ekaterina D. SIVTSEVA – Master's student, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

СТЕПАНОВА Варвара Егоровна – к. филол. н., с. н. с. Института А.Е. Кулаковского, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: varvarast77@mail.ru

Varvara E. STEPANOVA – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, A. E. Kulakovsky Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

– РЕЦЕНЗИЯ –

**Проблемы сверттекста: новые подходы к изучению
(О монографии «Сверттекст : генезис, структура,
семантика» / И. В. Александрова, Е. К. Беспалова,
Л. В. Бондаренко [и др.] ; под науч. ред. С. О. Курьянова)**

Ю. Г. Хазанкович

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ Hazankovich33@mail.ru

Актуальность изучения «якутского текста» в русской литературе очевидна: имеет место нарастающий интерес ученых к данной теме, равно как разрастается дискуссионное поле по проблеме дефиниции «сверттекст». В этой связи интерес вызывает новейшая публикация коллег с Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского под руководством известного исследователя «крымского текста» в русской литературе С. О. Курьянова. Опираясь на теоретические исследования своих предшественников – А. Г. Лошакова, Н. Е. Меднис, В. Н. Топорова – об интегрированности текстов как константе ассоциативно-смыслового контекста, они дают свое концептуальное определение сверттекста как системы интегрированных текстов с выраженной единой модальной установкой (ассоциативно-смысловой или авторской), тождественно воспринимаемой авторским и читательским сознанием, благодаря единому культурному коду (ассоциативно-смысловой сверттекст) [с. 7].

Монография состоит из двух традиционных глав – теоретической и практической. В первой главе акцентируется внимание на сопряженности с понятием сверттекста так называемых константных мифологизированных представлений [с. 10]. Они выступают основой объединения текстов в сверттекст, и, по мнению ученых, «крымский текст» с его концепт-ядром «Крым» относится к таковым. Сопровожаемые теоретической преамбулой крымские ученые выделяют топический, именной и событийный сверттексты.

Для нас чрезвычайно интересны наблюдения крымских ученых над так называемым топическим (пространственным) сверттекстом, который в литературном произведении может выступать в двух видах – локальном и региональном. В рамках нашего фокуса внимания к рецензируемой работе именно пространственный сверттекст вызывает большой интерес, поскольку Якутия – это своего рода топический концепт, «ядерность» которого для так называемого, хорошо в науке проработанного, «сибирского сверттекста» очевидна. Мы согласимся с авторами, что региональный текст однозначно не гомогенный. Региональные мифы строятся на разновременных мифах, рожденных разными эпохами: например, представления о Якутии как месте ссылки, тюрьмы без решеток (XIX–нач. XX вв.), либо Якутия как охранная грамота русской старожильческой культуры XVI в.

Вторая глава описывает сверттекст на материале разновременных художественных произведений русских и зарубежных авторов. В частности, нам показались интересными наблюдения над топическим (пространственным) сверттекстом на примере западно-европейской и американской литератур. Исследовательское внимание проецируется на так называемых «лондонском» и «ню-йоркском» текстах. Эти локальные тексты разнофокусно воплощают духовно-символическую сторону названных городов [с. 140]. На примере романов британца Питера Акройда «Великий лондонский пожар», «Хоксмур», «Дом доктора Ди», а также его текстов, относящихся к нон-фикшн, сделан вывод, что образ Лондона в его произведениях следует отнести к «образной гиперсистеме, поскольку он

выходит за рамки одного произведения, развивается, модифицируется и дополняется на протяжении всего творческого пути» [с. 149]. В произведениях американца Дона Делилло «Американа», «Изнанка мира», «Точка Омега» выявляется образ мегаполиса Нью-Йорка, символизирующего хаос, «золотого тельца» капитализма и активное деструктивное начало: «Я изгоняю из организма все нью-йоркское безумие и жестокость. Я очищаю себя» [с. 158]. Скрупулезный текстуальный анализ правомерно позволил авторам сделать вывод, что в городском тексте Д. Делилло основополагающую роль играет константное мифологическое представление о Нью-Йорке как современном Вавилоне, «современной преисподней», воплощенной гетто мигрантов, как кругов ада с вечным мучением. Региональный текст топического (пространственного) сверттекста изучен также и в прозе Эдуарда Лимонова, причем именно «крымский текст», который по сути, как выяснилось в процессе изучения, оказывается в его творческой биографии «инициационным».

Наблюдения крымских ученых методологически чрезвычайно продуктивны для исследователей проблемы сверттекстов. Однозначно рецензируемая работа весьма полезна для ознакомления при проработке теоретических проблем «якутского текста» в русской литературе. Трудно не согласиться с посылом авторского коллектива монографии о том, что «развитие сверттекста способствует не только дальнейшему изучению различных его составляющих, уточнению их функций, указывает новые подходы к большим текстовым образованиям» [с. 202]. Исследователям проблем бытования и функционирования такой большой текстовой структуры, как «якутский текст», знакомство с рецензируемой работой будет весьма полезно: в ней раскрывается феномен сверттекста как такового, описывается теория его изучения и предлагается весьма продуктивная в методологическом плане аналитическая практика фокусного изучения русской и зарубежной литератур.

ХАЗАНКОВИЧ Юлия Геннадьевна – д. филол. н., профессор кафедры русской литературы XX века и теории литературы филологического факультета, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: Hazankovich33@mail.ru

Yulia G. KHAZANKOVICH – Dr. Sci. (Philology), Professor of Department of Russian Literature of the 20th Century and Theory of Literature, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

О монографии С. Ц. Содномова «Литературное развитие младших школьников на основе интеграции этнокультурологического, литературоведческого, деятельностного подходов»

Б. М. Хасароков

Карачаево-Черкесский республиканский институт повышения квалификации работников образования,
г. Черкесск, Россия
✉ bilyal09@yandex.ru

Профессор, доктор педагогических наук, Почетный работник образования Российской Федерации, заслуженный учитель и заслуженный деятель науки Республики Бурятия, заведующий кафедрой дошкольного и начального общего образования Бурятского республиканского института образовательной политики Сономбал Цыденович Содномов является автором более 180 научных работ, в том числе монографий, статей, учебно-методических комплектов по литературному чтению «Родная речь» на бурятском языке, учебно-методических комплектов по бурятскому языку «Алтаргана», программ по бурятскому языку и литературному чтению на родном бурятском языке.

В 2021 г. ученым-педагогом издана монография «Литературное развитие младших школьников на основе интеграции этнокультурологического, литературоведческого, деятельностного подходов», в которой представлена авторская методическая система литературного развития младших школьников на родном (нерусском) языке, разработанная на основе интеграции этнокультурологического, литературоведческого, деятельностного подходов. В работе подробно описаны компоненты этой методической системы, которые обоснованы теоретически и экспериментально.

С. Ц. Содномов осуществляет глубокий анализ, раскрывает сущность современных идей, теорий, подходов к актуальным проблемам литературного развития учащихся начальной школы, а затем предлагает авторскую концепцию литературного развития учащихся начальной школы.

В первой главе «Методологические основы литературного развития младших школьников» теоретически обоснована методическая система литературного развития на родном (нерусском) языке учащихся начальных классов, базирующаяся на интеграции этнокультурологического, литературоведческого и деятельностного подходов.

Во второй главе «Концептуальные основы литературного развития младших школьников» определены системообразующий методический принцип – принцип культурного поля, а также содержание литературного развития младших школьников на основе концептуально-семантической системы бурятской культуры. Выделены такие компоненты, как предметный мир, природный мир, социально-нормативные отношения, внутренний мир личности ребенка.

В третьей главе «Реализация методической системы литературного развития младших школьников при изучении курса «Литературное чтение на бурятском языке» определена роль бурятской концептосферы в литературном развитии учащихся.

Претворение в жизнь авторской концепции потребовало разработки и тщательной экспериментальной проверки системы обучения, реализующей цели, содержание и методы обучения, дидактических приемов, отобранных в ходе анализа теоретического материала. Эксперимент состоял из нескольких этапов и проходил в период с 2000 по 2005 гг. Об эффективности предложенной концепции свидетельствует тот факт, что с 2005–2006 учебного года на обучение по этой системе перешли многие школы Республики Бурятия и других регионов, в которых буряты проживают компактно.

Особое место в рецензируемой монографии уделено проблеме обоснования интеграции этнокультурологического, литературоведческого и деятельностного подходов как тенденции литературного развития на родном (нерусском) языке учащихся начального образования на современном этапе. Становится понятно, что обращение ученого-методиста к данной весьма актуальной проблеме является не случайностью, а вызвано устойчивым профессиональным интересом. И первой положительной стороной монографии является то, что она представляет многоязычному педагогическому сообществу России новаторский подход к литературному развитию не только младших школьников, но и учащихся основного и среднего общего образования.

Авторская концепция С. Ц. Содномова по литературному развитию младших школьников на родном языке является инновационной и значимой в плане обобщения, поддержки и использования в образовательной деятельности общеобразовательных организаций многих субъектов Российской Федерации.

Оценивая монографию в целом, следует отметить ее высокий научно-теоретический уровень, а систематизированные в ней материалы отличаются конструктивностью, практической направленностью и представляют большой интерес не только для учителей родного (нерусского) языка, но и для студентов и преподавателей педагогических вузов, учреждений дополнительного профессионального образования, специалистов в области методики обучения, учащихся общеобразовательных организаций.

ХАСАРОКОВ Биляль Магометович – к. филол. н., зав. каф. кабардино-черкесского и абазинского языков и литератур РГБУ ДПО «Карачаево-Черкесский республиканский институт повышения квалификации работников образования».

E-mail: bilyal09@yandex.ru

BILYAL M. KHASAROKOV – Cand. Sci. (Philology), Head of the Department of Kabardino-Cherkessian and Abaza Languages and Literatures, Karachay-Cherkess Republic's Institute for Advanced Training of Education Workers.

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР
Электронное научное периодическое издание
4 (16) 2024

Технический редактор *Н. В. Дмитриева*
Компьютерная верстка *В. А. Максимова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 25.12.2024
Формат 70×108/16.
Дата выхода в свет 25.12.2024